

И С Т О Р І Я Р О С С І И

ВЪ РАСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Страна, гдѣ мы впервые,
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки
Что вашу прелесть замѣнить?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

ЖУКОВСКІЙ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академии.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ 13 февраля 1837 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ РАСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

О П Р И Ч Н И К И

И

СЛОБОДА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

Отъ 1560 до 1569 года.

(Пер. 9 лѣтъ.)

Милыя дѣти! Мы дошли теперь до ужаснаго мѣста въ исторіи нашей! До сихъ поръ, вы видѣли, что Государи Рускіе всегда любили народъ свой, всегда заботились о немъ съ опеческою нѣжностію, и если вспарину, во времена междоусобій были въ числѣ ихъ, Князья жестокіе, безжалостно

Часть III.

разорявшіе свои области, то это были Князья - враги между собою, которые мстили за сдѣланныя имъ обиды, и примирясь другъ съ другомъ, старались вознаградишь народъ за несчастія, причиненныя ихъ несогласіемъ. Но теперь, бѣдные предки наши видѣли предъ собою Государя, который былъ жестокъ не къ врагамъ, но къ вѣрнымъ подданнымъ своимъ; который съ удовольствіемъ могъ смотрѣть на мученія умирающихъ, который иногда даже собственными руками опрѣзывалъ въ шупку уши у любимцевъ своихъ, или убивалъ ихъ за одно неоспорочное слово! Вы пугаетесь, друзья мои, и конечно, едва вѣрите тому, что я рассказываю, вы, возрашающіе въ крошкое, опеческое правленіе нашего обожаемаго Государя, вы, привыкшіе видѣшь Его цѣлшыя попеченія не только о взрослыхъ подданныхъ, достойныхъ по заслугамъ своимъ Его драгоценнаго вниманія, но даже и о дѣтяхъ, еще ни чѣмъ не заслужившихъ

эту высокую честь. *) Такъ, друзья мои, намъ трудно повѣришь жестокостяиъ протекшаго времени, даже и предки наши, видѣвшіе ихъ собственными глазами, едва вѣрили имъ и говорили, что онѣ происходятъ не отъ сердца Царя, но по волѣ Божіей, наказующей ихъ за грѣхи. Эта мысль помогала имъ переносить безъ малѣйшаго ропота спрданія свои, а намъ поможетъ выслушать рассказъ объ ужасныхъ дѣлахъ Іоанна IV, еще шакъ недавно добраго и великаго!

Вы помните совѣтъ, какой далъ молодому Государю спарый Епископъ Вассіанъ. Этотъ совѣтъ причинилъ первое зло: онѣ отдалилъ отъ сердца

*) Вѣрно многіе изъ читателей моихъ или сами воспитываются или имѣютъ братьевъ, сестеръ, родственниковъ и друзей въ корпусахъ и институтахъ, и вѣрно все они видятъ или слышатъ, какъ милостивъ и снисходителенъ Государь, какъ добра и ласкова Государыня къ дѣтямъ, имѣющимъ счастье воспитываться подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Іоанна пѣхъ людей, которыхъ усердію и добродѣтелямъ онъ обязанъ былъ своею славою—священника Сильвестра и Алексѣя Адашева. Возвратясь изъ монастыря Кириллова, онъ уже не любилъ ихъ, но еще уважалъ заслуги ихъ, и при жизни ангела-хранишеля своего, доброй Анастасіи, еще могъ удерживать дурныя склонности и злыя помышленія свои. Но съ тѣхъ поръ, какъ ее не спало, все перемѣнилось: пылкая душа Іоанна, поперявъ милое и единственное существо, имѣвшее власть надъ нею, увлекаемая льстецами, раздражаемая людьми злыми, пришла снова въ то состояніе, въ какомъ была за тринадцать лѣтъ предъ тѣмъ, и еще хуже: ожесточилась такъ, что Іоанна уже не могли умолишь никакія просьбы, не могли смягчить никакія слезы! Какъ скоро Государыня скончалась, враги Сильвестра и Адашева распустили слухъ, что она оправлена ими. Іоаннъ, въ безоправданной поспѣшности по умершей, повѣрилъ ложному слуху, не хо-

пѣль выслушать оправданій обвиняемыхъ и по рѣшенію несправедливаго суда наказалъ ихъ: Сильвестра сослалъ на дикій островъ Вѣлаго моря, въ монастырь Соловецкій; Адашева — въ городъ Дерптъ, гдѣ чрезъ два мѣсяца, эпопъ добродѣтельный другъ Царя, названный въ исторіи *красою вѣка и теловѣгства*, умеръ въ немницѣ.

Послѣ эпихъ двухъ первыхъ жертвъ несправедливости Іоанна, начались спраданія друзей и приверженцевъ ихъ: всѣ они были или сосланы или казнены. Любимцами Іоанна сдѣлались теперь люди, опличавшіеся не храбростію, не благородствомъ, не доброшою души, но злостію, клеветою, низкими доносами; только они могли жить спокойно, добрые же бояре каждую минушу боялись смерти или *опалы*, т. е. гнѣва Царскаго. Многіе изъ нихъ опъ спраха уходили въ Ливву и Польшу. Въ числѣ такихъ измѣнниковъ, былъ къ сожалѣнію всѣхъ Рускихъ и знаменитый герой, участвовавшій въ завоева-

ніяхъ Казани и Ливоніи, прежній любимецъ Царя—Князь Андрей Курбскій. Хопя онъ съ чрезвычайно горестію рѣшился на эпю измѣну, но шѣмъ не менѣе она покрыла имя его вѣчнымъ стыдомъ и заставила совѣсть его испытывать вѣчныя мученія. Съ какою невыразимою грустію слушалъ онъ рассказы о вѣрности другихъ бояръ Іоанна; какъ завидовалъ той твердости, съ которою они, не смотря на всѣ блестящія предложенія Короля Польскаго, не измѣнили чести и терпѣливо переносили жестокость Іоанна, какъ наказаніе, посланное имъ опъ Бога. Но это терпѣніе и покорность не умило-спивили сердце жестокое: довольно было одного подозрѣнія, чтобы разсердитъ Іоанна, а онъ подозрѣвалъ каждого! Всѣ вельможи казались ему тайными злодѣями, друзьями Курбскаго! Находясь въ такомъ безпокойномъ состояніи, выдумалъ онъ новое средство для своей безопасности. Послушайте,

милья дѣши, и подивитесь до чего можете дойти человекъ—это прекрасное созданіе Божіе, — когда дастъ волю своимъ порокамъ!

Въ концѣ 1564 года, Іоаннъ вдругъ собрался ѣхать куда-то со всѣмъ своимъ семействомъ, приближенными, любимцами, со всѣмъ богатствомъ и деньгами изъ дворцовъ и даже изъ церкви придворныхъ. Бояре и народъ съ удивленіемъ смотрѣли на этого шаинственный опѣздъ, и въ страхъ ожидали чего нибудь чрезвычайнаго. Вскорѣ услышали, что Царь со всѣмъ дворомъ, остановился въ слободѣ Александровской. *)

Прошелъ мѣсяць. Все было въ прежней унылой тишинѣ ожиданія. Вдругъ 3-го Января 1565 года Мипрополишъ получаетъ письмо отъ Государя. Іоаннъ описывалъ въ немъ без-

*) Теперь городъ Александровъ въ Владимірской губерніи, 156 верстъ отъ Москвы. Слобода Александровская была любимымъ мѣстомъ Іоанна IV.

законія бояръ, разорявшихъ Россію во время его малолѣтства; говорилъ, что духъ ихъ до сихъ поръ не перемѣнился; что они все еще злодѣйствуютъ, а если Государь вздумаетъ наказывать ихъ, то Митрополитъ и все духовенство вспунаются за виновныхъ. (Это правда, что служители Божіи осмѣливались иногда умолять грознаго Царя за несчастныхъ, осужденныхъ на казнь.) „И потому — продолжалъ Іоаннъ — не желая терпѣть вашихъ измѣнъ, мы отъ жалости сердца оставили государство, и поѣхали, куда Богъ покажетъ намъ путь!“

Этого было довольно, чтобы встревожить весь народъ, которому безначаліе казалось страшнѣе всѣхъ жестокостей. „Государь оставяетъ насъ!“ — кричали съ горестію вѣрные Москвитяне. — „Мы погибаемъ! Кто будетъ нашимъ защитникомъ отъ чужеземцевъ! Кто будетъ начальникомъ царства нашего?“ — и въ эту минуту опечанія, всѣ пороки, всѣ злодѣйства

Іоанна исчезли въ глазахъ добраго народа : онъ видѣлъ въ немъ только Царя своего и умолялъ Митрополиша умилоспивити Іоанна. Духовенство, бояре и всѣ чиновники со слезами просили о томъ же и всѣ въ одинъ голосъ говорили: „пусти Царь казниши своихъ злодѣевъ, но царство безъ Царя быти не можетъ. Мы всѣ ѣдимъ за побою, бити теломъ Государю и плакаться!

Они исполнили это, и въ томъ же день отправились въ слободу Александровскую. Іоаннъ ожидалъ ихъ : онъ зналъ народъ свой, зналъ его пламенную, безпредѣльную привязанность къ Царямъ своимъ и мнимое опреченіе отъ государства, было только хитростью. Какъ будто-бы прошивъ воли и только для прозбы Митрополиша, согласился онъ быти опять Государемъ Россіи, но съ тѣмъ условіемъ, чшобы никто изъ Духовенства никогда не вмѣшивался въ дѣла его и не просилъ за виновныхъ, которыхъ онъ найдетъ достойными казни.

2 Февраля Царь въѣхалъ въ Москву и на другой же день созвалъ къ себѣ духовенство, бояръ и знатнѣйшихъ чиновниковъ. Но какъ же удивились всѣ, увидѣвъ Іоанна! Наружность его, прежде привлекательная — такъ перемѣнилась, что вѣрные подданные едва, едва узнавали его! Свѣпые, пронцапельные, полные огня глаза его были теперь мрачны и дики; всѣ черты прежняго, миловиднаго лица сдѣлались безобразны, а на головѣ и въ бородѣ не осталось почти ни одного волоса! И все это произошло отъ того, что онъ безпрестанно предавался сильному гнѣву и жестокости! Это ужасно, ужасно, милые чинашели мои!

Іоаннъ объявилъ собравшимся боярамъ, что онъ намѣренъ для своей и государственной безопасности учредить новыхъ шлохранишелей. Сначала никто не удивился этой новости, потому что всѣ знали боязливость его, съ шѣхъ поръ какъ онъ пересталъ быть добродѣтельнымъ; но когда объ-

яснилось, какіе будутъ эти шѣлохранители, то всѣ ужаснулись!

Іоаннъ объявилъ своею собственностію, девятнадцать городовъ съ разными волостями; выбралъ 6000 человекъ изъ Князей, Дворянъ и Дѣтей боярскихъ и далъ имъ помѣстья въ этихъ городахъ, а тамошнихъ владѣльцевъ перевелъ въ другія мѣста; въ самой Москвѣ, взялъ себѣ также нѣсколько улицъ, откуда должны были выѣхать всѣ незаписанные въ царскіе шѣлохранители; назначилъ себѣ *особенныхъ* чиновниковъ для услугъ: Дворецкаго, казначея, ключниковъ, даже поваровъ, хлѣбниковъ и другихъ ремесленниковъ, и не желая жить во дворцѣ своихъ предковъ, приказалъ строитъ себѣ новый, за рѣчкою Неглинною. Вотъ эта часть Россіи и Москвы, эта шести-тысячная дружина шѣлохранителей, этотъ новый дворецъ, не имѣвшій другаго начальника, кромѣ самаго Царя — были названы *Опричниною*, а все остальное, т. е. все государство — *Земщиною*, которую Іо-

аннъ поручилъ боярамъ земскимъ, велѣвъ имъ рѣшить всѣ дѣла съ прежними чиновниками, а въ важныхъ случаяхъ, опноситься къ нему.

Новые ужасы начались вмѣстѣ съ новымъ порядкомъ въ правленіи и особенно вмѣстѣ съ страшною *Опричиною*! Въ нее выбраны были молодые люди, отличные не доспоинствами, но удальствомъ и дерзкою готовностію на все. Царь взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ *Земскими*, не водить съ ними хлѣба - соли, не знать отца и матери, знать одного Государя! За такую совершенную преданность, Иоаннъ отдалъ въ жертву своимъ *Опричникамъ* всю Россію: они дѣлали все что хотѣли, и были всегда правы въ судахъ. Опричникъ могъ безъ всякаго страха пригнать своего сосѣда, а если онъ пожалуется — брать пеню за безчестье. Послѣ этого подумайте, милыя дѣти, чего не могли дѣлать эти своевольные пѣло-

хранители немилосердаго Іоанна! Доносы ихъ на людей *Земскихъ*, т. е. на всѣхъ, не принадлежавшихъ къ ихъ ужасной Дружинѣ—были безконечны; злодѣйства—безчисленны; ненависть къ нимъ всего народа — неописанна! Но они не огорчались этою ненавистію: чѣмъ сильнѣе ненавидѣли ихъ, тѣмъ болѣе довѣренности имѣли къ нимъ Іоаннъ. Онъ далъ имъ достойное опличіе: *Опричники ѣздили всегда съ собаками и метлами, привязанными къ сѣдламъ ихъ, въ знакъ того, что они ерзуютъ злодѣевъ царскихъ и метутъ Россію. О! какъ радовались этому опличію бѣдные жители Московскіе, проходившіе по улицамъ! По крайней мѣрѣ, благодаря ему, они съ перваго взгляда узнавали злодѣевъ и спѣшили скрываться отъ нихъ, такъ что иногда—многолюдныя прежде улицы столицы, были пусты какъ въ какомъ нибудь необитаемомъ городѣ. Уныніе и пустыня Москвы еще примѣннѣе сдѣлались съ тѣхъ поръ, какъ*

Государь разлюбилъ ее, и не считая себя безопаснымъ даже въ новомъ, крѣпкомъ дворцѣ своемъ, жилъ по большой часпн въ слободѣ Александровской. Съ того времени, она сдѣлалась городомъ и украсилась церквами, домами и лавками каменными. Царь жилъ въ палатахъ, обведенныхъ ровомъ и валомъ; чиновники, въ особенныхъ домахъ. Здѣсь-то Іоаннъ проводилъ почти все время свое занимаясь церковною службою: казалось, онъ думалъ успокоить молитвами душу свою. Набожность его была такъ велика, что дворецъ походилъ на монастырь. Любимцевъ своихъ, онъ называлъ монахами, себя — игуменомъ; всѣ они ходили въ скуфейкахъ и черныхъ рясахъ, подъ которыми носили богашые, золотомъ шитые кафтаны съ собольими опушками. Въ чепыре часа утра, Іоаннъ ходилъ самъ на колокольню, съ первымъ любимцемъ и другомъ своимъ Малюшою Скураповымъ, благовѣспилъ къ заутрени; потомъ самъ же пѣлъ, читалъ и молился

шакъ усердно, что на лбу всегда оставались у него знаки земныхъ поклоновъ. Въ восемь часовъ овальнѣ собирались къ обѣднѣ; вечеромъ къ вечернѣ. Но между шѣмъ характеръ Іоанна не исправлялся. Можетъ бытъ въ наше время, искусство врачей открыло бы что причиною необыкновенной жестокости его была какая нибудь болѣзнь шѣла или разспройство души, слишкомъ сильно пораженной невозвратною потерею нѣжно-любимой супруги; но тогда не думали этого; тогда никто не воображалъ, чтобы сильная горестъ могла имѣть какое нибудь чрезвычайное вліяніе на здоровье человѣка и потому, во все не подозрѣвая никакой болѣзни въ Іоаннѣ, предки наши присоединяли его къ числу шѣхъ ужасныхъ правителей, которыхъ иногда Богъ посылаетъ для наказанія народовъ, и каковыми у Римлянъ были *Калигула* и *Неронъ*, у Французовъ — *Людовикъ XI*. И Римляне, и Французы ужасались имени эшихъ Государей, но не таково было

чувство Рускихъ къ Иоанну: когда побѣды храбрыхъ войскъ его раздавались и въ Ливоніи, и въ Липвѣ и Крымѣ, когда умными распоряженіями его, торговля Руская цвѣла не только въ Москвѣ, Астрахани и Казани, но даже въ Германіи и Англии, когда онъ торжественно въѣзжалъ въ Москву и съ обыкновеннымъ своимъ великолѣпіемъ принималъ знаменитыхъ пословъ иностранныхъ, когда оци, со всѣми знаками глубочайшаго уваженія спояли предъ нимъ и слушали остроумные разговоры его о важныхъ дѣлахъ государственныхъ, — добрый народъ забывалъ свои сраданія, забывалъ слободу Александровскую со всѣми ея ужасами, и гордясь величіемъ Россіи, помнилъ только что Иоаннъ—Царь его!—Это имя, священное для Рускихъ, производило въ такія минуты свое чудесное дѣйствіе надъ сердцами ихъ: имъ казалось, что они любили Иоанна!

СЛАБОСТЬ РОССІИ.

Отъ 1569 до 1582 года.

(Пер. 13 лѣтъ.)

Но величіе Россіи не могло бытъ продолжишельно при такомъ Государѣ и при такихъ произшесствіяхъ въ государствѣ. Іоаннъ, испребляя иногда цѣля поколѣнія Князей и бояръ, не щадилъ и тѣхъ изъ нихъ, копорые отличались великими заслугами своими въ дѣлахъ военныхъ или гражданскихъ: онъ казилъ ихъ на равнѣ съ обыкновенными преступниками и отъ того

число умныхъ и знаменитыхъ совѣтниковъ Царскихъ безпрестанно уменьшалось, такъ что вскорѣ Іоаннъ остался почти одинъ съ своими недоспойными любимцами, съ своею ужасною дружиною Опричниковъ и съ своими глупыми шутами и забавниками.

Враги, окружавшіе Россію, и съ завистію смотрѣвшіе на ея могущество, обрадовались такой перемѣнѣ и спѣшили воспользоваться ею. Тогда-то узналъ жестокій Іоаннъ свою Нишибку; тогда-то почувствовалъ онъ самъ опривращеніе къ ненавистнымъ Опричникамъ, лишившимъ его клеветами своими лучшихъ вельможъ и полковсцевъ. Но напрасны были всѣ сожалѣнія его: сдѣланнаго перемѣнить было не возможно. Въ первомъ пылу досады и гнѣва онъ уничтожилъ Опричнику. Это случилось спустя семь лѣтъ послѣ ея учрежденія. Однакожь зло не поправилось нѣмъ: убитые Князья, Горбатый-Шуйскій, Серебряный, Одоевскій, Куракинъ не воскресли, а между тѣмъ

враги нападали со всѣхъ сторонъ на бѣдное опечество наше!

Первымъ изъ нихъ былъ Крымскій Ханъ, Девлетъ-Гирей. Набравъ болѣе ста тысячъ войска, онъ неожиданно подошелъ къ городу Серпухову, гдѣ находился самъ Іоаннъ. Въмѣсто того, чтобы показати рѣшительное сопротивление, Царь, уже не прежній мужественный, великій Іоаннъ, окруженный героями, но слабый, не надѣявшійся не только на искусство, но даже и на усердіе своихъ полководцевъ—бѣжалъ въ Коломну, потомъ въ слободу Александровскую, наконецъ въ Ярославль, а Ханъ между тѣмъ пробрался прямо въ Москву, и разорилъ и сжегъ ее такъ, что изъ всѣхъ зданій остался одинъ Кремль. Девлетъ-Гирей не хотѣлъ осаждать его, и на другой день посматрѣвъ съ Воробьевыхъ горъ на опустошенную столицу, отправился назадъ, испугавшись ложнаго слуха, что многочисленное войско идетъ на помощь къ Рускимъ. Такъ бѣдная Москва еще разъ

была въ рукахъ варваровъ! Возвратившійся Государь не скоро могъ оцѣнить поправившъ ея разрушенныя стѣны, населить ея опустѣвшія улицы! Прежде нежели онъ успѣлъ заняться этимъ, новые враги уже спѣшили въ Россію!

То были Поляки. Но прежде нежели мы будемъ говорить о нихъ, маленькимъ чашащеламъ моимъ надобно узнать о главной причинѣ ссоръ ихъ съ Русскими, — о землѣ Ливонской. Вы вѣрно не забыли въ какое жалкое положеніе привели побѣды Іоанна эту несчастную страну еще въ 1560 году. Съ того времени, Рускіе не переставали разорять ее и въ 1561 году — рыцари Ливонскіе уже не существовали болѣе: орденъ ихъ уничтожился и Ливонцы признали Государемъ своимъ Польскаго Короля Августа, который получивъ въ свое владѣніе всю южную Ливонію обѣщаль не измѣнять ни вѣры, ни законовъ ея. Послѣдній Магистръ Кеплеръ, сложивъ съ себя это достоин-

слшво, получилъ отъ Короля званіе наслѣдственнаго Герцога Курляндіи. Прочія земли орденскія раздѣлились еще на три части: Нарва, Дерптъ и всѣ мѣста сосѣдственныя съ Россіею были завоеваны Иоанномъ; Гаррія, Ревель и половина Вирландіи—Шведами; Эзель принадлежалъ—Данскому Принцу Магнусу. Всѣ эти различные владѣтели безпрестанно ссорились между собою, желая вытѣснить одинъ другаго. Пока знаменитые Полководцы Иоанна IV еще жили и начальствовали войскомъ его, — Рускіе были вездѣ побѣдителями и города Ливоніи одинъ за другимъ покорялись оружію ихъ, но когда въ 1577 году, Иоаннъ казнилъ послѣдняго изъ героевъ, прославившихся при взятіи Казани—Князя Михаила Воротынскаго, счастье, какъ будто бы желая справедливо наказать Иоанна, совершенно оставило его, и войско Руское, лучше нежели когда нибудь устроенное, но подъ начальствомъ новыхъ, неискусныхъ предводителей—забыло побѣждать и послѣ каж-

даго сраженія должно было стыдиться ся по Шведовъ, по Поляковъ. Особенно послѣдніе, славились въ это время своими успѣхами и обязаны были этою славою новому знаменишюму въ исторіи Королю своему— Стефану Баторію. Еще въ 1573 году умеръ слабый Сигизмундъ Августъ, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ. Поляки долго не знали, кого выбратьъ государемъ своимъ; многіе изъ нихъ, чтобы привести опеченство свое въ безопасность отъ враговъ, окружавшихъ его— Турокъ и Австрійцевъ— охотно желали видѣть на престолѣ своемъ сильнаго Царя Рускаго или одного изъ сыновей его, и даже посылали для того вельможъ своихъ въ Москву; но другіе, слыша о жестокостяхъ Іоанна, боялись бытъ подъ властію его и спорили съ своими сопеченственниками, приверженными къ Россіи; къ тому же и самъ Іоаннъ — не предвидя большихъ для себя выгодъ отъ соединенія Россіи съ Польшею, кошою надобно было безпрестанно

помогать въ ея войнахъ съ Турціею, Австріею и Крымомъ, — не слишкомъ желалъ чесни бытъ Королемъ Поляковъ, или дасть имъ своего сына, и предложилъ посламъ такіа затруднительныя условія, что они безъ всякаго успѣха возвратились въ Варшаву. Тогда народъ Польскій, въ угодноспь самому опасному изъ враговъ своихъ— Турецкому Султану Селиму избралъ Королемъ — друга его Князя Седмиградскаго *) Стефана Баторія. Впрочемъ слухъ о достоинствахъ Стефана уже давно носился въ Польшѣ: всѣ знали, что онъ получилъ свое княжество по выбору народа Седмиградскаго, который, удивляясь его уму, учености, краснорѣчію, опличной храбрости, надѣялся бытъ счастливымъ подъ его правленіемъ, и не обманулся въ своей надѣждѣ. Видя это, и Поляки съ радостію назвали его Королемъ своимъ. Благодарный

*) Великое Княжество Седмиградское называется теперь *Трансильваніею* и составляетъ часть Венгерскаго Королевства.

за такую довѣренность Баторій, спѣшилъ исполнить ожиданія новыхъ подданныхъ своихъ, и зная что болѣе всего онъ можетъ угодить имъ униженіемъ Россіи, обратилъ на нее все свое вниманіе. Прежде всего онъ обѣщалъ Полякамъ, возвратить всѣ области, нѣкогда опилшныя Россіею у Польши и Литвы.

Но для войны съ Іоанномъ надобно было запасшись союзниками. Баторій скоро нашелъ ихъ въ Короляхъ Шведскомъ и Данскомъ и въ Ханѣ Крымскомъ. Кромѣ того, къ нему пришли изъ Трансильваніи и земли Нѣмецкой, опытные наемные воины, прежде служившіе ему; его увѣрили въ своемъ дружествѣ—Султанъ Турецкій и самъ Папа; однимъ словомъ, все казалось, соединилось на погибель опечесива нашего; все угрожало ему нападеніемъ и некому было думать о защищеніи его, не смотря на то, что восемьдесятъ крѣпостей нашихъ были наполнены воинами и всѣми нужными снарядами

что одинъ особенный Царскій полкъ имѣлъ 40,000 Дворянъ, Дѣтей боярскихъ, Спрѣльцовъ и Казаковъ, что кромѣ Рускихъ, гошovy были сражашься за Россію и Князья Черкескіе Шевкалскіе, Мордовскіе, Ногайскіе, и Царевичи и Мурзы старинной Золотой Орды, Казанской и Аспраханской!

Чинная эшо, вы вѣрно съ шрудомъ можете повѣришь, милья дѣши, что при такомъ многочисленномъ войскѣ не кому было думать о защитѣ общества! Но къ несчастію эшо была правда, друзья мои! Что значишь самое пламенное усердіе народа, если Государь не ободренъ его примѣромъ своимъ? Что значишь самое храброе войско, безъ храбрыхъ и умныхъ начальниковъ? Въ такомъ случаѣ, и народъ, и войско часто совсѣмъ погибають! Такъ едва не случилось и съ Россіей, во время войны съ Башоріемъ. При извѣстіи о первыхъ побѣдахъ его, Іоаниъ уже потерялъ бодрость, предоспавилъ начальство надъ войскомъ Воеводамъ и самъ не участвоваль ни въ одномъ

сраженіи. Въ началѣ войны жилъ онъ нѣсколько времени во Псковѣ, но потомъ уѣхалъ въ Слободу Александровскую и оттуда вошь какъ писалъ къ главнымъ Воеводамъ: „Промышляйше дѣломъ Государевымъ, какъ Всевышній вразумишь васъ, и какъ лучше для безопасности Россіи. Всю надежду мою возлагаю на Бога и на ваше усердіе.“ Воеводы, видя несмѣлосишь Царя, сами дѣлались робкими, и не смотря на храбросишь, всегда неразлучную съ Рускими, города наши одинъ за другимъ сдавались Баторію! Прежде всего онъ взялъ Полоцкъ, потомъ еще девятишь городовъ, въ числѣ которыхъ и Старую Русу. Въ Ливоніи, войска Стефана опустошили всѣ города, такъ недавно еще завоеванные Рускими, и Богъ знаетъ до какого униженія доведено было бы опечесство наше этою несчастною войною, если бы наконецъ гордостъ Баторія не смирилась у стѣнъ древняго города Ольги—Пскова! Здѣсь были еще воеводы надежные, присягнув-

шіе Іоанну умереть, но не сдавались
непріятелю. Первыми изъ нихъ были
Князья Шуйскіе: Іванъ Пепровичъ и
Василій Федоровичъ Шуйскій-Скопинъ.
Они-то вмѣстѣ съ храбрыми Пскови-
тянами поддержали честь имени Рус-
каго и спасли Россію отъ величайшей
опасности: если бы Псковъ сдался,
шо Баторій взялъ бы Смоленскъ и всю
землю Сѣверскую, а можетъ бытьъ да-
же и Новгородъ! Но они своєю неу-
спрашимостію остановили его посреди
самыхъ блестящихъ побѣдъ, и послѣ
четырехъ-мѣсячной осады заставили
наконецъ согласиться на десятилѣтнее
перемиріе съ Іоанномъ. Правда, что
условія этого перемирія были тягос-
тны: Рускіе должны были отказать
отъ всей Ливоніи, и прежней, прина-
длежавшей еще стариннымъ Госуда-
рямъ Рускимъ и вновь завоеванной Іо-
анномъ, и уступить Польшѣ—Полоцкъ
и Велижъ, но за то Стефанъ воз-
вратилъ намъ всѣ взятыя имъ города
Псковской области.

Рускіе успокоились, но еще были унылы: имъ грустно было видѣть необыкновенную слабость своего милаго отечества, имъ грустно было слышать рассказы о той горести, съ которою Рускіе отдавали родные города свои Липовцамъ и Полякамъ. Но вдругъ новое несчастіе переменило тихую печаль ихъ въ ужасъ и горькія слезы. Приготовьтесь, милья дѣти, услышать страшное происшествіе, которое заставитъ васъ еще болѣе пожалѣть о той крайности бѣдствія, въ которую повергла Іоанна его неукротимая вспыльчивость.

Послѣ смерти Царицы Анастасіи Іоаннъ Васильевичъ былъ нѣсколько разъ женатъ и имѣлъ многихъ дѣтей, но болѣе всѣхъ любилъ онъ Іоанна, старшаго сына первой супруги своей. Никогда не разлучаясь съ отцемъ, молодой Царевичъ былъ во всемъ похожъ на него. Однакожъ, несмотря на чрезвычайную жестокость своего нрава, онъ показывалъ иногда чувствительность къ несчастіямъ оше-

чества и во время послѣднихъ переговоровъ о мирѣ съ Баторіемъ, досадуя на уступчивость отца, просилъ чтобы онъ послалъ его съ войскомъ изгнать непріятеля и освободить отъ стыда имя Руское. Іоаннъ ужасно разсердился и закричалъ: „и ты вмѣстѣ съ боярами хочешь свергнуть меня съ престола?“ Въ жестокомъ гнѣвѣ своемъ, онъ даже ударилъ просью по головѣ любимаго сына. Въ ту же минуту, несчастный Царевичъ упалъ, обливаясь кровію и чрезъ четыре дни скончался, 19 Ноября 1582 года.

Ужасно было опчаяніе Іоанна! Никто не думалъ тогда, чтобы печальный Государь, въ нѣмой горести сидѣвшій надъ тѣломъ милаго сына, былъ хоть же грозный Іоаннъ, предъ копорымъ дрожали и подданные и чужеземцы! Неумолимое сердце его готово было въ то ужасное для него время, прощать и миловать всѣхъ, готово было даже отдать собственную жизнь, что-

бы только воскресить драгоценное дитя свое! Но ни раскаяніе, ни слезы не помогали: надобно было покориться волю Божіей! Іоаннъ чувствовалъ, что это ужасное несчастіе послано на него съ небесъ, какъ страшное наказаніе за безчисленныя жестокости его, и былъ такъ глубоко пораженъ имъ, предавался такому гореспному опчаянію, что не только всѣ добрые подданные его, но даже и пѣ, копорые еще ненавидѣли его за претерпѣнныя страда-нія, не могли безъ слезъ смотрѣть на его горесть. Иногда мученія совѣспи внушали виновному Іоанну обѣщанія покаянія и тогда любимую мыслью его было: кончить жизнь въ монастырѣ. Такая мысль казалась новымъ несчастіемъ для вѣрнаго народа, еще такъ недавно испытавшаго слабостъ своего опечесства. Огорченая и встревожен-ная Россія давно уже не была въ такомъ несчастномъ положеніи, но благодаря Бога, оно было непродолжи-

тельно, и вскорѣ новое завоеваніе воскресило надежды ея и разсѣяло нѣсколько ужасную тоску Царя.

ЕРМАКЪ, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

Отъ 1582 до 1584 года.

(Пер. 2 лѣтъ.)

ИМПЕРАТОРЪ НАШЪ,—МИЛЫЯ ДѢШИ,
въ громкомъ, славномъ шишулѣ сво-
емъ, называешся также Государемъ
Югорскилѣ, Обдорскилѣ и Кондѣйскилѣ.
Но знаете ли вы отъ чего произошли
эти названія и гдѣ эти Югорскія, Об-
дорскія и Кондѣйскія земли, Ему при-
надлежащія? Вѣрно нѣтъ, пошому что
теперь уже такъ не зовутъ ихъ. И
такъ я скажу вамъ: онѣ лежатъ въ

нашей богатой Сибири, друзья мои, въ Сибири, которую еще предки наши, не имѣвшіе понятія о ея драгоцѣнныхъ рудникахъ, называли *золотымъ дномъ*, и изъ которой мы получаемъ теперь самыя лучшіе металлы, самыя прекрасныя камни и яшмы, самыя дорогіе мѣха бобровые, собольи, куньи и лисьи.

Смѣлые Новгородцы были первые изъ предковъ нашихъ, рѣшившіеся еще въ XI вѣкѣ переѣхать горы Уральскія, отдѣляющія Сибирь отъ Европы. Смѣлоспъ ихъ была вознаграждена: полудикіе жители странъ Зауральскихъ, отъ страха къ незнакомымъ пришельцамъ согласились плашитъ имъ выгодную дань прекрасными мѣхами. Новгородцы называли земли новыхъ данниковъ своихъ: *Югорскими*. Въ послѣдствіи времени, купцы, ѣздившіе торговать въ богатую Югорскую землю, называли страны, лежавшіе по берегамъ рѣки Оби — *Обдорією*; по берегамъ Конды — *Кондією*. Но эти страны еще не принадлежали Рускимъ совершенно, хотя

Іоаннъ IV уже назывался не только Государемъ Обдорскимъ и Кондійскимъ, но даже и *Сибирскимъ*, съ тѣхъ поръ какъ Эдигерь, Князь Сибирскій, самъ захопѣлъ бытъ его данникомъ. Чиншатели мои конечно не забыли, что Эдигерь сдѣлалъ это сколько изъ уваженія къ славѣ Государя Рускаго, сколько и изъ страха къ окружавшимъ его разнымъ Князьямъ Ташарскимъ, копорые часто нападали на его владѣнія. Но Эдигерь ошибся въ своихъ расчетахъ: отдаленное разстояніе Сибири отъ Москвы, препятствовало Іоанну вѣвремя помогать ему и прежде нежели Царь узналъ объ опасностяхъ своего новаго данника, Эдигерь уже былъ убитъ Кучюмомъ, сыномъ Киргизскаго Хана. Счастливымъ побѣдителемъ завладѣлъ его столицей, *Искеромъ*, *) и назвался *Царемъ Сибирскимъ*. Сначала

*) Городъ *Искеръ* назывался также и *Сибирью*, и былъ построенъ при рѣкѣ Иртышѣ, въ 16 верстахъ, отъ нынѣшняго Тобольска.

Кучюмъ, боясь гнѣва Іоаннова, и еще не увѣренный въ покорности новыхъ подданныхъ своихъ, призналъ надъ собою, какъ и Эдигерь, верховную власпъ Царя Рускаго, но попомъ, ушвердясъ въ своихъ владѣніяхъ, не только не хопѣлъ плашипъ назначенной дани, но даже часто дѣлалъ набѣги на границы наши, и особенно на землю Пермскую, лежавшую ближе всѣхъ къ его владѣніямъ. Іоаннъ, заняшый въ это время безпреспанными войнами, не могъ послапъ ни одного опряда войскъ своихъ для усмиренія дерзкаго Князя Тапарскаго; но въ богатой землѣ Пермской жило много Рускихъ семействъ, занимавшихся выгодною торговлею съ сосѣдственными народами. Самыми знаменитыми изъ нихъ были: Яковъ и Григорій *Спрогановы*. Они отличались своимъ умомъ, богатствомъ, усердіемъ къ Государю, любовью къ опечеспву. Зная уваженіе и привязанность всѣхъ жишелей страны Пермской къ Спрогановымъ, Іоаннъ избралъ ихъ быпъ защи-

пниками границъ нашихъ, и для того далъ имъ много земель по рѣкамъ Камъ, Сылвѣ и Чусовой, позволилъ строити крѣпости, имѣти свое войско, торговать двадцать лѣтъ безъ пошлинъ съ Бухарцами и Киргизами; однимъ словомъ, Иоаннъ сдѣлалъ Спирогановыхъ почти Князьями владѣтельными съ тѣмъ условіемъ только, чтобы они оберегали Россію отъ нападеній Сибирскихъ Ташаръ, на то время, пока войска его имѣютъ дѣло съ другими непріятелями. Спирогановы вѣрно исполняли возложенную на нихъ обязанность, но не могли справиться съ Кучюмомъ: полки ихъ, набранные изъ разныхъ людей вольныхъ, не были многочисленны, потому что жители земли Пермской болѣе любили заниматься торговлею, нежели войною. И такъ, Спирогановы рѣшились не здѣсь, но гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ искать храбрыхъ, неуспрашимыхъ воиновъ, съ кошорыми бы можно было вѣрнѣе исполнить желаніе Царя и побѣдити враговъ его. Какъ

вы думаете, милыя дѣши, гдѣ надѣялись они найши такихъ воиновъ? Точно, вы угадали, у Казаковъ! Эти ловкіе наѣзники имѣли съ излишествомъ то, чего недоставало у Пермскихъ жителей: если они сами не велики съ кѣмъ войны, и никпо изъ сосѣднихъ Государей не нанималъ ихъ сражаться за себя, то самые отважные удалъцы—и можно сказать, самые дурные люди изъ нихъ, выѣзжали на большія дороги и тамъ грабили и бились съ проѣзжими. Между такими недоспойными удалъцами были въ это время пяшь Ашамановъ: Ермакъ Тимофеевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никиша Панъ и Маишвей Мецеракъ. Они дѣлали такъ много зла, что уже были подъ гнѣвомъ Государя, а Иванъ Кольцо даже осужденъ имъ на смерть. Спирогановы умѣли обратишь въ пользу опечесива ихъ опчаянную храбрость, и дерзкое безстрашіе, необходимыя для войны съ жестокими варварами и для безчисленныхъ опасно-

стей, какія могли вспрѣлпиться съ войскомъ въ странѣ чужой и неизвѣстной. Они думали сдѣлать въ одно время два добрыхъ дѣла: доставить Царю нужныхъ людей и обратишь на путь истинный преступниковъ.

Усердіе добрыхъ Строгановыхъ имѣло полный успѣхъ: въ ту самую минуту, какъ атаманы прочитали ласковое письмо ихъ, мысль примириться съ совѣстію и заслужить снова милость Государя, такъ пронула еще не совсѣмъ ожесточенныя сердца пяти Казаковъ, что они съ радостію, даже съ слезами благодарности на глазахъ, согласились на предложеніе Строгановыхъ, бышь воинами *Царя Бѣлаго*, и защищать Христіанъ Пермскихъ отъ припѣсненій невѣрныхъ.

Скоро собрали они дружину изъ 540 храбрыхъ Казаковъ, и подъ начальствомъ лучшаго и смѣлѣйшаго изъ нихъ—Ермака, весело поплыли по Волгѣ, къ Строгановымъ. Какъ скоро безстрашные Донцы показали въ раз-

ныхъ мѣстахъ границъ Рускихъ — кончилисъ набѣги Ташаръ, и прусливые варвары щакъ присмирѣли, что уже чрезъ годъ и Спрогановы и Ермакъ могли думать о походѣ въ землю Сибирскую, чтобы выгнать изъ нее Хана Кучюма. Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Спрогановы, кромѣ казаковъ, набрали еще нѣсколько Нѣмецкихъ и Липовскихъ плѣнниковъ, обѣщали имъ ииенемъ Государя свободу за вѣрную службу, поручили все войско, изъ 840 человекъ состоявшее, храброму Ермаку, и съ моливвами проводили его 13 Сентября 1581 года до берега рѣки Чусовой. *) Здѣсь небольшой, но отборный опрядъ сѣлъ на легкія суда и отправился къ горамъ Уральскимъ, искавъ смерти или славы, и съ нею—прощенія прежнихъ проступковъ своихъ!

Такъ! вы въ полной мѣрѣ заслужили это прощеніе, храбрые воины, почти всѣ заплашившіе жизнью за

*) Рѣка *Чусовая* протекаетъ въ Пермской губерніи и впадаетъ въ рѣку Каму.

свою славу! Сколько трудностей они перенесли, милья дѣши! До горъ Уральскихъ надобно было ѣхать водою, часто по узкой рѣкѣ, между нависшими скалами; попомъ перевезти сухимъ путемъ суда на другую сторону горъ, до рѣки Жаравли, уже пропекавшей въ Сибири. Прибавьте къ тому, что проѣзжая въ мѣстахъ неизвѣстныхъ, они каждую минуту могли ожидать непріятелей, скрывавшихся въ лѣсахъ, опасностей для судовъ отъ подводныхъ камней въ рѣкахъ быспрыхъ и незнакомыхъ. Кромѣ того, не зная далеко ли простирались земли Сибирскаго царства, они не могли быть увѣрены въ помъ, что у нихъ достанетъ припасовъ, и что они не умрутъ отъ голода. Но храбрость и усердіе все преодолѣли! Съ первыми шагами Казаковъ за горами Уральскими раздалась побѣды ихъ, несмотря на многочисленность непріятеля, у котораго была и конница и пѣхота. Правда, что они вооружены были одними стрѣлами и копья-

ми: Ташары еще не знали въ то время употребленія пороха, и опъ того Ермакъ съ сотнею воиновъ, стрѣлявшихъ огнемъ, разгонялъ часно цѣлыя тысячи. Не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ похода ихъ—какъ храбрый ашаманъ, взявъ всѣ городки Сибирскіе, мимо которыхъ проходилъ, уже споялъ 23 Октября подъ спѣнами Искера, гдѣ находился самъ Кучюмъ, племянникъ его Мамешкуль и всѣ главныя силы ихъ. Здѣсь мужество Казаковъ могло бы поколебаться, еслибы они были не такъ храбры, потому что небольшое число ихъ уже довольно уменьшилось во время нѣсколькихъ жаркихъ сраженій, которыя они имѣли съ Ташарами, но давъ слово смирить Кучюма или смертію загладить вины свои предъ Государемъ, смѣлые Ашаманы вскричали: „мы долго жили худою славою: умремъ же съ доброю! Богъ даешъ побѣду, кому хочешъ: нерѣдко слабымъ, мимо сильныхъ, да свящися имя Его!“ Вся дружина, сказавъ въ одинъ голосъ: *аминь, съ нами Богъ!*

пустилась къ укрѣпленіямъ Ташаръ. Битва была сильная, непріятели защищали столицу свою такъ опчаянно, что Казаки едва успѣвали заряжать свои пищали. Но къ несчастью Ташаръ, главный начальникъ ихъ, Мамешкуль, получилъ тяжелую рану и долженъ былъ оставить сраженіе. Войско его смѣшалось и побѣжало.

Надобно сказать чипапелямъ моимъ, что Кучюмъ былъ слѣпъ и не могъ самъ начальствовать войскомъ, но во время битвы стоялъ на горѣ Чувашьей вмѣстѣ съ Муллами *) и молился Магомешу о спасеніи своего царства. Услышавъ о бѣгствѣ полковъ своихъ, и о томъ что знамена Христіанскія уже развѣваются на стѣнахъ Искера, Кучюмъ благодарилъ судьбу, что не могъ видѣть этого и убѣжалъ въ степи Ишимскія, гдѣ въ разбросанныхъ кочевьяхъ своихъ соотечественниковъ надѣялся найти не

*) *Муллами* — называютъ Татары своихъ священниковъ.

только безопасность, но можешъ бышь и помощь.

Сраженіе при Искерѣ было главное и кровопролитное. Въ немъ погибло 107 храбрыхъ Казаковъ, но за то оно рѣшило покореніе почти всей Сибири: хопя послѣ того и были еще непріятельскія дѣйствія подъ начальствомъ выздоровѣвшаго Мамешкула, но безъ всякаго успѣха для Ташаръ, а наконецъ и самъ Мамешкуль попался въ плѣнъ къ Ермаку. Тогда унылые жители Сибири, видѣвъ совершенное паденіе царства своего, начали добровольно покоряться знаменитому побѣдителю, который благосклонно принимая присягу на подданство Іоанну IV— съ князей смиренныхъ улусовъ, былъ неумолимъ къ непокорнымъ.

Такимъ образомъ, по ласкою, по гровою утвердилъ онъ въ нѣскольکو мѣсяцовъ власть Государя Рускаго надъ новымъ царствомъ, котораго обширныя страны соединяя въ себѣ всѣ климаты, представляютъ всѣразнообразныя безчисленныя

выгоды каждаго изъ нихъ. Чтобы дать вамъ, милыя дѣти, нѣкоторое понятіе о числѣ мѣстъ, завоеванныхъ безсмертнымъ Ермакомъ, я назову самые главные изъ городовъ и селеній покоренныхъ. Первые, добровольно назвавшіеся подданными Іоанна, были два Князя Вогульскіе. Владѣнія одного простирались по берегамъ Конды,—другаго, въ окрестностяхъ Тоболя. Попомъ казаки завоевали нѣсколько селеній и юрты Оспяцкихъ, города ихъ Нарымъ, Назымъ и много другихъ крепостей, на берегахъ Оби. Здѣсь остановился Ермакъ, и не захотѣлъ итти далѣе: природа въ этихъ сѣверныхъ мѣстахъ была такъ бѣдна, такъ сурова, такъ уныла, что не могла представить никакой пріятности завоевателю. Вы можете судить, милые чистители мои, о суровости климата сѣверной Сибири по тому, что даже березы, эти простыя деревья, такъ хорошо распуція въ нашихъ странахъ, почти паюшся тамъ рѣдкостью, и въ 900 верстахъ отъ Тобольска есть малень-

кій городокъ, построенный спустя десять лѣтъ послѣ покоренія Сибири, и названный *Березовымъ*, потому что на мѣстѣ его была березовая роща, удивлявшая собою всѣхъ тамошнихъ жителей. При всемъ томъ, Березовъ еще не самый сѣверный городъ: въ Сибири есть еще прѣмя сѣнами верстами далѣе его, *Обдорскъ*. Въ этомъ послѣднемъ городѣ не только березъ нѣтъ, но даже и трава расщепъ худо. Взгляните же на югъ Сибири: тамъ, такъ тепло, что въ простыхъ садахъ жителей городка Семипалатинска растутъ не только всѣ прекраснѣйшіе цвѣты оранжерей нашихъ, но даже дыни и арбузы! А трава такъ нѣжна и питательна и въ такомъ изобиліи покрываетъ землю, что спада круглый годъ пасутся на обширныхъ лугахъ. Однакожь, восхищаясь богатствомъ природы въ южной Сибири, мы забыли, что оставили бѣднаго Ермака въ сѣверной, среди снѣговъ, болотъ и лѣсовъ непроходимыхъ. Боясь потерять опъ жестокихъ

морозовъ небольшой оспашокъ своего храбраго войска, онъ спѣшилъ опъ границу нынѣшняго Березовскаго уѣзда, возвратишсь въ Искерь.

Здѣсь первымъ дѣломъ счастливаго побѣдителя было опправить посольство въ Москву и повергнуть къ подножію престола Государя, всю славу своего завоеванія и все раскаяніе сердца, нѣкогда виновнаго. Посломъ выбранъ былъ храбрѣйшій изъ ашамановъ послѣ Ермака—Иванъ Кольцо, и съ нимъ нѣсколько поварищей. Дорогою они заѣзжали къ Спрогановымъ и вмѣстѣ съ ними опправились въ Москву, гдѣ народъ все еще былъ въ унынїи, послѣ унизительнаго мира съ Баторіемъ. Какая же радость, какое веселіе оживило всѣ сердца, когда узнали о покоренїи новаго царства, когда увидѣли пословъ Ермака, вошедшихъ во дворець съ богатыми дарами опъ своего предводителя: они привезли съ собою и дорогихъ соболей, и черныхъ лисиць и бобровъ. Всѣ были въ восхищенїи: и

Государь и народъ. Первый не зналъ какъ награждать смѣлыхъ Казаковъ, осыпалъ милостями прежняго преступника, Ивана Кольцо — дарилъ и его и всѣхъ прїѣхавшихъ съ нимъ, депъгами, сукнами, золошыми парчами; послалъ богатые дары и всѣмъ оставшимся въ Сибири ашаманамъ и рядовымъ, а начальнику ихъ, Ермаку, котораго называлъ *Княземъ Сибирскимъ* — латы, серебряный кубокъ и шубу съ плеча Царскаго.

Съ восхищеніемъ и благодарностію принялъ Ермакъ милость Государеву, но не продолжительно было счастье этого добраго и неуспрашимаго воина! Еще около двухъ лѣтъ онъ управлялъ Сибирью: Іоаннъ, хопя и прислалъ съ Иваномъ Кольцомъ Воеводу и 500 Стрѣльцовъ, но главное управленіе новою спраною, поручилъ умному и храброму Ермаку. Первымъ несчастіемъ Рускихъ въ Сибири, были болъзни и голодъ, отъ копорыхъ умерли многіе изъ Казаковъ и Стрѣльцовъ, и даже самъ Воевода, присланный изъ Москвы, Князь

Болховскій. Пошомъ довѣрчивые Донцы были обмануты Таттарскимъ Княземъ, *Каратегю*, который припворясь другомъ Рускихъ, просилъ Ермака прислать къ нему для защиты опъ Ногаевъ нѣсколь-ко Казаковъ. Ермакъ послалъ сорокъ человекъ съ Иваномъ Кольцомъ и злой Карача всѣхъ ихъ умертвилъ. Наконецъ послѣднее несчастіе было печальнѣе всего, милья дѣти! Узнайте, какая горестная участь постигла Сибирско-му герою и пожалѣйте о немъ!

Въ Сибирь—которая съ появленіемъ въ ней Казаковъ, начала выходить изъ прежняго, дикаго состоянія своего, уже ѣздили купцы Бухарскіе съ разными товарами. Караваны ихъ привозили множество вещей всякаго рода, пошому что всѣ жилили Сибири,—и Рускіе, и Таттары, и Остяки, и Вогуличи съѣзжались покупать ихъ. Въ это время ярмарки, Искеръ, унылая столица Сибирскаго царства, оживлялась веселіемъ, и наполнялась народомъ. Однажды Ермакъ, съ неперпѣніемъ ожидая прихо-

да каравановъ, вдругъ услышалъ что изгнанникъ Кучюмъ, бродя безъ дѣла по степи Вагайской, вздумалъ не пропускать къ намъ Бухарцевъ. Досада и гнѣвъ, въ одно время вспыхнули въ сердцѣ горделиваго побѣдителя: онъ удивился дерзости слабаго непріятеля, уже давно побѣжденнаго, и презирая ее, топчасъ отправился съ пятидесятью казаками встрѣшить купцевъ. Цѣлый день напрасно искалъ онъ ихъ и Кучюма, и поздно вечеромъ, возвращаясь назадъ, расположился ночевать въ шатрахъ на берегу Ирпыша. Это было 5 Августа 1584 года. Чувствуя сильную усталость Ермакъ и храбрые поварищи его скоро уснули глубокимъ, сладкимъ сномъ въ то самое время, какъ ангелъ смерти уже леталъ надъ ними; на другой сторонѣ рѣки спялъ Кучюмъ и тайно замѣчалъ всѣ движенія враговъ своихъ! О! какъ обрадовался онъ, когда все зашихло въ станѣ Рускихъ! Даже въ лѣтописи, въ копорой описывается это печальное происше-

ствіе , сказано : „Заиграло Кучюмово сердце!“ Онъ напалъ на сонныхъ Казаковъ и всѣхъ изрубилъ, кромѣ двухъ, одинъ убѣжалъ въ Искеръ, другой—ахъ! милья дѣти , другой былъ нашъ храбрый и несчастный Ермакъ! Онъ пробудился отъ звука мечей и стоновъ умирающихъ. Ужасно было это пробужденіе для того, кто привыкъ къ однимъ побѣдамъ! Въ смертельной поскѣ опчаянія вскочилъ онъ съ своего мѣста, еще далъ нѣсколько ударовъ саблею убійцамъ и бросился въ быстрый Иртышъ, котораго волны , высоко вздымаясь въ то время отъ сильной бури, заглушили грознымъ шумомъ своимъ послѣдній вздохъ героя!

Такая смерть была ужасна : она пораила несчастнаго въ ту минуту, когда онъ воображалъ, что слава его исчезнетъ и завоеванное съ такимъ трудомъ царство, снова достанется въ руки врагамъ Россіи! Но если блаженные души, оставившія міръ нашъ, еще имѣютъ понятіе о земныхъ событіяхъ,

то вѣрно благородная и великая душа Ермака уже утѣшена : онъ видитъ, что славное отечество его навсегда удержало подъ власпію своею обширную страну, имъ покоренную, и что благодарное потомство никогда не перестанетъ прославлять память воина, сравнившагося смѣлостію своего предприятия съ величайшими завоевателями въ свѣтѣ ! Такъ, милья дѣти, Ермакъ достоинъ этой славы, достоинъ нашего глубокаго уваженія ! Сдѣлавшись поспарше, вы поймете всю цѣну его знаменитаго дѣла, вы узнаете всѣ источники богатствъ, всѣ безчисленныя выгоды, доставленныя намъ его завоеваніемъ, и тогда полюбите Ермака еще болѣе, еще искреннѣе, и еще справедливѣе !

КОНЧИНА ІОАННА ГРОЗНАГО.

1584 годъ.

Пасмурно разсвѣло утро 18-го Марта 1584 года. Тихо звонили колокола Московскіе; уныло стоялъ народъ въ церквахъ, и усердно молился. Всѣ — и старыя и молодыя плакали: казалось, всѣ просили Бога о какой-то милости, о какомъ-то великомъ благодѣянніи! Угадаете ли вы, милыя дѣти, о чемъ молились предки наши? Они молились о выздоровленіи Іоанна IV! Такъ, друзья мои, слухъ объ опасной болѣзни Государя, заспавиль всѣхъ позабыть его несправедливостъ: всѣ видѣли въ немъ только умирающаго Царя, а эполъ

видъ горестенъ для всякаго народа, и шѣмъ болѣе для Рускаго!

Но молитвы ихъ были напрасны: Іоаннъ скончался въ тошъ же день, и въ то самое время, когда чувствуя облегченіе, онъ располагался играть съ Княземъ Бѣльскимъ въ шашки, и уже самъ разспавилъ ихъ. Имѣя не болѣе пятидесяти прехъ лѣтъ отъ роду, онъ могъ бы еще долго жить, но сильное волненіе, которое безпрестанно происходило въ немъ, то отъ гнѣва, то отъ страха; досада на успѣхи враговъ его государства; угрызенія совѣсти о сдѣланныхъ злодѣянїяхъ, наконецъ, страшная мысль объ убійствѣ сына, все это вмѣстѣ сокрушило силы Іоанна: съ каждымъ днемъ здоровье его разспроивалось, слабѣло и наконецъ жизнь пресѣклась ударомъ.

Такъ исчезъ изъ міра человекъ, соединявшій въ себѣ разительныя противоположности хорошаго и худаго! Вспомнивъ о всѣхъ добрыхъ и дурныхъ свойствахъ его, зная изъ лѣтописей,

того времени о его превосходномъ умѣ и твердости духа, не лѣзя понять его настоящаго характера, и можно думать, что этотъ необыкновенный Государь посланъ былъ отъ Бога въ опечество наше по Его неисповѣдимому промыслу съ какою нибудь особенною цѣлію, неизвѣстною для насъ, точно также, какъ неизвѣстны людямъ еще многія чудныя явленія въ природѣ.

Непонятенъ былъ Іоаннъ для народа своего, — непонятно было и чувство этого народа къ Іоанну! Это было соединеніе и страха и ненависти и любви! Во все время жестокостей Іоанна, продолжавшееся двадцать четыре года, подданные его переносили бѣдствія свои съ христіанскимъ великодушіемъ. Самые невинные изъ нихъ умирали спокойно, покоряясь судьбѣ своей, какъ назначенію Божіей воли, по слову святаго писанія Его: „*Чти Царя твоего.*“

Такія крошкія, набожныя чувства добрыхъ предковъ нашихъ еще болѣе

усилились со времени кончины Царя : не боясь болѣе его спрашнаго гнѣва, они забыли всѣ жестокія — и помнили только одни славныя дѣла его. Три покоренныя царства Татарскія: Казанское, Астраханское и Сибирское;—новая книга законовъ—Судебникъ; новыя учрежденія по дѣламъ церковнымъ и гражданскимъ; новыя училища для образованія народа ; множество новыхъ городовъ, построенныхъ въ это царствованіе; многочисленное войско ; выгодная торговля Рускихъ съ иносшранными государствами , богатство и пышность отъ того происходившая при дворѣ и въ народѣ, — все это напоминало Рускимъ—не пороки, но великія качества умершаго Государя , и потому неудивительно, что они назвали Иоанна IV, не *Мугителемъ*, какъ нѣкоторые звали его при жизни , но только *Грознымъ*. Имъ казалось , что это имя довольно выражало и суровость нрава Иоаннова и ту грозу небесъ, которая гремѣла надъ ними во все время его правленія, и

можетъ быть по особенному промыслу
Творца, была такъ же полезна для Рос-
сіи, какъ бывающъ полезны для земли
громъ и молнія, убійственныя для нѣ-
сколькихъ жизней и благодѣшельныя
для всего живущаго!

ТАБЛИЦА ХХХІХ.

Семейство Іоанна ІV Васильевича,
Грознаго.

Супруги : 1. Анастасія , дочь боярина
Романа Юрьевича Захарь-
ина - Юрьева.

Отъ нея дѣти :

а. Димитрій скончался въ
дѣтствѣ.

б. Іоаннѣ, убитъ опцемъ.

с. Феодорѣ, наслѣдовалъ
престоль.

д. Анна { скончались въ
е. Марія { дѣтствѣ.

2. Марія Темгрюковна, Княжна
Черкасская.

5. Марфа Васильевна Собакина,
дочь купца Новгородскаго.

4. *Анна Алексѣевна Колпов-
ская.*

5. *Анна Васильчикова.*

6. *Марія Теодоровна Нагихъ.*

Опъ нея сынъ :

Царевичъ *Димитрій.*

НОВЫЙ ЦАРЬ и ЛЮБИМЕЦЪ ЕГО.

Отъ 1584 до 1591 года.

(Пер. 7 лѣтъ.)

Изъ всѣхъ дѣшей Іоанна IV, оспалось въ живыхъ только двое: двадцати - семи - лѣтній Царевичъ *Теодоръ*, сынъ любимой супруги его, Анастасіи Романовны, и пятимѣсячный Царевичъ *Димитрій*, сынъ послѣдней Царицы *Маріи Теодоровны*, изъ рода *Нагихъ*. Перваго онъ объявилъ наслѣдникомъ своимъ, второму—назначилъ въ удѣль мѣстѣ съ матерью, городъ *Угличъ*.

Никогда отецъ и сынъ не имѣли такъ мало сходства между собою, какъ Иоаннъ IV и наследникъ его; никогда послѣ такого гнѣвнаго, жестокаго, могущественнаго Государя, не бывало такого крошкаго и слабаго!

Феодоръ, отъ природы былъ робокъ, застѣнчивъ и чрезвычайно набоженъ: одна мысль согрѣшить въ чемъ нибудь предъ Богомъ, была такъ ужасна для него, что съ самаго начала своего царствованія, чувствуя слабыя способности свои, и боясь отъ того дурно исполнить великія обязанности Государя, и тѣмъ прогнѣвать Бога,—смиранный Царь отъказался отъ занятій дѣлами государственными. Онъ не зналъ, что такимъ образомъ прогнѣвлялъ Бога гораздо болѣе, потому что для Него всегда пріятнѣе видѣть когда люди—не только усердно молящіяся, но и подтверждающія дѣлами слова свои. А Феодоръ, проводя большую часть дня въ постѣ и молитвѣ, не дѣлалъ — отъ

излишней ненадѣянности на себя—и половины того, что могъ бы сдѣлать и съ самыми слабыми способностями. При такомъ бездѣйствіи новаго Государя, народъ могъ бы сдѣлаться еще несчастнѣе нежели былъ—при всѣхъ жестокостяхъ прежняго, но Богъ, всегда любившій Россію, избавилъ ее отъ этой новой опасности.

При дворѣ Θεодора былъ человекъ, щедро одаренный отъ природы всѣмъ, чего недоспавало молодому Царю, способный исполнить всѣ трудныя обязанности его; человекъ, который заслужилъ бы вѣчную благодарность Русскихъ, если бы въ послѣдствіи времени не сдѣлалъ одного ужаснаго пресупленія! Это былъ—*Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ*, братъ молодой Царицы *Ирины*, супруги Θεодора, воспитанный во дворцѣ, и съ самаго дѣтства сдѣлавшійся любимцемъ и грознаго *Іоанна*, и крошечкаго сына его. Необыкновенная красота, величественный видъ, рѣдкій умъ, пріятное обхожденіе, опличали

Бориса, еще въ цвѣтущей молодости, когда — какъ родственникъ и воспитанникъ Царскій — онъ находился въ числѣ страшныхъ Опричниковъ. Никогда не участвуя въ ихъ жестокостяхъ, онъ являлся какъ утѣшительный ангелъ къ несчастнымъ, которые страдали отъ безчеловѣчныхъ поступковъ ужасной дружины; помогалъ имъ деньгами, облегчалъ судьбу ихъ нѣжнымъ участиемъ, иногда осмѣливался просить за нихъ Иоанна, и даже многіе говорили, что онъ подалъ грозному Царю первую мысль объ уничтоженіи Опричнины. Однимъ словомъ, Борисъ дѣлалъ все, чѣмъ только можно заслужить любовь народа, и въ полной мѣрѣ достигъ своего желанія: всѣ съ восхищеніемъ смотрѣли на умнаго и миловиднаго брата прелестной Царицы, всѣ любили молодаго боярина, всегда добраго и ко всѣмъ привѣтливаго. Но къ несчастію, милья дѣти, при этой наружной добротѣ и привѣтливости, въ властолюбивомъ сердцѣ Бориса, въ хитромъ умѣ его

пайлась гордая мысль бышь первымъ
человѣкомъ въ государствѣ по близко-
му родству съ супругою Θεодора. По-
слѣ несчастной смерти старшаго Ца-
ревича, эта мысль еще болѣе укрѣпи-
лась въ пылкой головѣ молодаго често-
любца: будущимъ Царемъ былъ супругъ
нѣжной сеспры его, Князь робкій, сла-
бый, во все неспособный царствовать,
чрезвычайно любившій прекрасную су-
пругу свою и совершенно покорный
волѣ ея. Правда, что она не употреб-
ляла во зло этой власти, потому что
была самою доброю и кропкою жен-
щиною, но за то братъ ея надѣялся
въ полной мѣрѣ пользоваться слабостію
Θеодора, и точно, не ошибся: молодой
Царевичъ, сдѣлавшись Государемъ, радо-
вался, что имѣеть такого умнаго род-
ственника и безъ всякихъ размысле-
ній о послѣдствіяхъ, поручилъ ему
всѣ дѣла государственныя, оставивъ
при себѣ только одно имя Царя. На-
родъ, привыкшій видѣть въ прекрасной
Иринѣ—свою милую благодѣтельницу,

привыкшій называть ее *второю Анастасією*, не только не ропсалъ, но даже радовался, что добрый братъ ея, не боявшійся защищать несчастныхъ и предъ Царемъ жестокимъ, помогаетъ слабому и больному *Теодору* управлять государствомъ. Его умъ, познанія, твердость нрава, были необходимы для Царя, и Борисъ, оставшись только *Правителемъ Россіи*, *Ближнимъ великимъ бояриномъ* и наконецъ *Слугою* *) *Теодора* остался бы благодаренъ опечеснвва нашего и великимъ человекомъ своего времени, но онъ захотѣлъ быть *Царемъ*, захотѣлъ увеличить несмѣшное богатство свое **) сокровищами всего государ-

*) *Титуло Слуги* было знаменитѣе *Боярскаго*, и въ продолженіе цѣлаго столѣтія оно дано было только тремъ вельможамъ: *Князю Симеону Рюполовскому*, котораго отецъ спасъ маленькаго *Іоанна III* отъ злобы *Шемьки*; *Князю Ивану Михайловичу Воронинскому* за славныя побѣды его, и сыну его, *безсмертному Князю Михаилу*, за взятіе *Казани*.

**) *Годуновъ* получалъ годоваго дохода со всѣхъ своихъ

спва, и—съ эпой минушы, слава его помрачилась, всѣ великія достоинства потеряли свою цѣну: Борисъ началъ приговариваться къ злодѣйству ужасному, которое поразитъ нежные сердца ваши, мои милые читатели! Эта переменна въ расположеніи души Правителя, это безпокойство, которое всегда примѣтно въ чловѣкѣ, когда онъ имѣетъ какое нибудь злое намѣреніе— не скрылись оны проницательныхъ глазъ добрыхъ вельможъ, засѣдавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Думѣ боярской: они начали подозрѣвать какого рода замыслы могли таиться въ гордомъ сердцѣ любимаго брата Царицы, при Государѣ, не имѣвшемъ дѣшей, и въ страхъ за жизнь Царя, хотя слабаго, но все таки любезнаго народу, въ страхъ за жизнь

земель, помѣстевъ, лѣсовъ и луговъ до девяти сотъ тысячъ пывшихъ рублей серебряныхъ. Ни одинъ вельможа Рускій, во все существованіе Россіи, не имѣлъ такого богатства: оно доставляло Борису средства вывести въ поле на свой счетъ до 100,000 войска. (см. Исторію Карам. Т. X. стр. 15.)

маленькаго Царевича Димитрія *), послѣдней надежды Рускихъ, добрые и вѣрные бояре, вмѣстѣ съ Митрополитомъ Діонисіемъ и со многими дворянами и купцами Московскими, рѣшились опкрыться Θεодору и умолять его быть осторожнымъ; но прежде нежели они успѣли сдѣлать это, хитрый Правитель узналъ чрезъ приверженцевъ своихъ о заговорѣ, и жестоко опмспилъ за него! Наказавъ смертію— купцевъ; ссылками бояръ и Князей Шуйскихъ, Мспиславскихъ, Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, жестокой Борисъ въ гнѣвъ своемъ не пощадилъ и знаменѣйшаго изъ Шуйскихъ, спасителя Пскова и чести имени Рускаго, героя, кошорому удивлялись всѣ народы Европы, — знаменишаго Князя Ивана Пепровича!... Считая его главнымъ и—можесть быть самымъ

*) Такъ какъ у Царя Θεодора Іоанновича не было дѣтей, то Царевичъ Димитрій, меньшій братъ его, былъ послѣдникомъ престола и послѣднимъ Княземъ Царскаго поколѣнія Рюрика.

опаснымъ врагомъ , Годуновъ не дово-
ленъ былъ одною ссылкой его на Бѣ-
ло-озеро, онъ приказалъ удавить его въ
темницѣ ! Даже и Мишрополитъ , не-
смотря на всю важность своего зва-
нія, не остался безъ наказанія : его со-
слали въ одинъ изъ монастырей Нов-
городскихъ. Теперь вы можете судить,
милая дѣти, какъ велика была власть
Бориса ! хотя онъ всегда отдавалъ
свои приказанія опъ имени Царя , но
всѣ знали и въ Россіи и даже въ ино-
спранныхъ земляхъ , что Феодоръ не
занимался ничѣмъ , кромѣ молитвъ и
разговоровъ съ монахами и священни-
ками, и что одинъ Борисъ управлялъ
государствомъ. Съ нимъ однимъ чуже-
земные Государи имѣли сношенія по
разнымъ дѣламъ своимъ ; къ нему одно-
му пріѣзжали посланники ихъ , и надо-
бно отдать справедливости его иску-
сному правленію—Россія уже не пока-
зывала той слабости , которая печа-
лила предковъ нашихъ въ послѣдніе го-
ды царствованія Іоанна IV. Крымцы,

Литовцы, Поляки, Датчане, Шведы, Австрийцы, даже страшные въ то время для всей Европы—Турки, уважали Русскихъ, и не превозжили владѣній ихъ, которыя въ 1591 году еще увеличились возвращеніемъ опть Шведовъ завоеванныхъ ими городовъ нашихъ: Яма, Копорья, Ивана-Города и всей области Корельской. Эту войну съ Шведами началъ Борисъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чшобы ослабить силы ихъ прошивъ насъ: надобно сказать вамъ, милые чипашели, что около этого времени славный Король Польскій, Баторій, умеръ, и на престоль его Поляки и Литовцы выбрали его племянника и сына Короля Шведскаго, Принца Сигизмунда. Вы можете предсавить, что съ тѣхъ поръ Польша и Швеція какъ будто бы породнились и могли дѣйсшвовать заодно прошивъ сосѣдки своей, Россіи. Но Борисъ, умный, проницапельный, швердый, умѣлъ распроивать вредныя для предковъ нашихъ намѣренія эшихъ двухъ союзницъ, умѣлъ

внушашъ имъ страхъ къ Рускимъ. О!
Борисъ умѣлъ бы сдѣлать многое для
славы опечесства своего и своей соб-
ственной, еслибъ не власшлюбіе его!
Оно зашмило громкую славу его, оно
призвало на него гнѣвъ Божій, оно по-
губило послѣднюю опрасль знаменишаго
поколенія Свяшаго Владиміра, послѣд-
няго Іоаннова сына, соспавлявшаго
надежду Россіи.

У Г Л И Ч Ъ

И

ПОСЛѢДНІЙ ПОТОМОКЪ РЮРИКА.

Отъ 1591 до 1597 года.

(Пер. 6 лѣтъ.)

Въ Ярославской Губерніи, въ 340 верстахъ отъ Москвы, на правомъ берегу Волги, лежитъ старинный городъ, Угличь. Чишатели мои знаютъ, что онъ былъ некогда удѣломъ Князя Димитрія Юрьевича Шемяки. И теперь еще Угличь довольно богатъ и красивъ: въ немъ около 8000 жителей; много церквей и домовъ каменныхъ, много заводовъ кожевенныхъ и кир-

пичныхъ, много лавокъ и амбаровъ съ товарами. Но не таковъ былъ онъ въ царствованіе Θεодора Іоанновича: погда окружность его была $2\frac{1}{4}$ версты, церквей въ немъ было 150, монастырей—12, а жишелей болѣе 30,000 чело-вѣкъ. Въ то время Угличъ могъ сла-висья предъ другими городами Рус-кими: въ немъ жилъ меньшей сынъ Іоанна Грознаго, Царевичъ Димитрій съ матерью. Правда, что Годуновъ,—ненавидя его, какъ наслѣдника преспо-ла въ случаѣ, если Θεодоръ умретъ не оставивъ дѣтей—разлучилъ его съ бра-томъ, и опправилъ въ Угличъ какъ въ ссылку, но бѣдный малюшка не понималъ этого: онъ былъ вмѣспѣ съ своею ми-лою матерью и ничего не желалъ бо-лѣе. Жители Углича также были сча-сливы радуясь тому, что умирающій Іоаннъ выбралъ область ихъ въ удѣлъ своему сыну. Они съ восхищеніемъ смо-трѣли на маленькаго Царевича, ожи-даемаго наслѣдника царства, послѣдняго изъ рода Государей, соспавлявшихъ

такъ долго славу Россіи, и гордились тѣмъ, что онъ выростеть въ снѣнахъ ихъ. Они не помышляли, чтобы какая нибудь опасность могла угрожать прекрасному малюпкѣ: онъ былъ всегда такъ здоровъ и веселъ, его такъ нѣжно любилъ и братъ его, и каждый Рускій, о немъ молились милліоны людей, надѣявшихся иѣкогда быть его подданными. Однимъ словомъ, казалось все улыбалось счастливому Димитрію; печально было только лице Царицы, матери его! Бѣдное сердце ея, угадывая намѣренія Годунова, какъ будто бы предчувствовало судьбу милаго сына: каждую минуту казалось ей, что убійцы сперегуть его, что жизнь его въ опасности, и поному старалась какъ можно менѣе разлучаться съ Димитріемъ. Въ такомъ безпрестанномъ страхѣ, она воспитывала его до осьмилѣтняго возраста. Въ это время честолюбіе Годунова достигло высочайшей степени; адскій планъ его былъ совершенно устроенъ и оставалось

найши злодѣя, который бы не боясь Бога, могъ совершить ужасное дѣло. Последнее было труднѣе всего для пресшупнаго правителя: многимъ уже дѣлалъ онъ страшное предложеніе, но всѣ отказывались.

Наконецъ явился къ Борису человекъ, какого могъ онъ желать, Дьякъ *Михаилъ Биляговскій*. Звѣрскій видъ его показывалъ, что онъ вѣрно исполнишь всякое пресшупленіе, ему порученное. Борисъ, обѣщавъ ему и кучи золота и вѣчную милость свою, отправилъ въ Угличъ, будто бы для того, чтобы управлять земскими дѣлами и хозяйствомъ Царицы Маріи *Феодоровны*.

Несчастливая Государыня, и безъ того бывшая всегда въ безпокойствѣ, еще болѣе вспревожилась, увидѣвъ Биляговскаго, пріѣхавшаго къ ней опъ опъ имени Царя и Правителя. Маниринское сердце, по непонятному предчувствію, сказало ей, что она должна бояться этого человека, и съ тѣхъ

порь Царица не оставляла сына своего ни на одну минушу: она спала въ одной съ нимъ комнатѣ; изъ собственнхъ рукъ кормила его; вмѣстѣ съ нимъ ходила въ церковь, вмѣстѣ съ нимъ гуляла въ садахъ и рощахъ, окружавшихъ богатый дворець Угличскій. Нѣжная мать пакъ неусыпно охраняла любимца души своей, такъ заботливо берегла милое дитя свое, драгоценное для всей Россіи, что злодѣй Бишаговскій началъ сомнѣваться въ успѣхѣ, хотя онъ былъ не одинъ: вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличъ, сынъ его Даніиль и племянникъ *Никита Каза-ловъ*, да кромѣ того, онъ подкупилъ еще двухъ новыхъ помощниковъ: мамку Царевича, боярыню *Василису Волохову* и сына ея, *Осипа*. Каждый день эти злодѣи сходились совѣщаваться между собою, придумывали новыя средства, искали новыхъ случаевъ и, не надѣясь тайно убишь Димитрія, всегда неразлучнаго съ машерью, рѣшились сдѣлать

это явно : они увѣрены были, что Годуновъ будетъ умѣть оправдать ихъ.

Назначили день. Это было 15 Мая 1591 года. Въ шестомъ часу дня, Царица пришла съ сыномъ изъ церкви. Накрывали столъ для обѣда, и между тѣмъ какъ слуги носили кушанья, Царевичъ разсматривалъ съ дѣпскимъ любопытствомъ живопись, которая украшала стѣны комнатъ Царскихъ, и представляла разныя сцены изъ Священнаго Писанія. *) Въ эту самую минуту мамка Волохова позвала его погулять по двору; Царица остановилась за чѣмъ-то въ другой комнатѣ. Кормилица малютки, Ирина Жданова, добрая и усердная женщина, со всею нѣжностью любившая своего питомца, сама не зная почему, не пускала его изъ дома, но мамка силою вывела его въ

*) Дворецъ или каменная палата о двухъ этажахъ съ расписанными стѣнами, гдѣ жилъ Царевичъ Дмитрій съ матерью, и теперь еще существуетъ въ Угличѣ.

сѣни, попомъ на крыльцо. Здѣсь явился сынъ ея, Осипъ Волоховъ, Даніиль Бишяговскій и Никиша Качаловъ. Главный же злодѣй, управлявшій всѣми ихъ движеніями, Михаилъ Бишяговскій, не показавъ на глаза къ Царевичу, попому что бѣдное дитя боялось страшнаго лица его и вѣрно бы закричало, увидѣвъ его. Осипъ Волоховъ подошелъ первый къ Димитрію, взялъ его за руку и сказалъ: „Государь! у тебя новое ожерелье?“—Малюшка едва успѣлъ поднять невинную головку свою и съ милою улыбкою отвѣчать: „нѣтъ, старое“... какъ острый ножъ сверкнулъ въ рукѣ Волохова, оцупился на нѣжную шею дитяши и слегка ранивъ ее, упалъ на полъ. Убійца, испугавшись, пустился бѣжать изъ дворца. Кормилица въ ужасѣ закричала, обняла крепко Царевича, но Даніиль Бишяговскій и Качаловъ вырвали несчастное дитя и безжалостно умертвили его!... Все это произошло такъ скоро, что когда Царица на крикъ кормилицы выбѣжала

изъ сѣней на крыльцо, убійцы уже сбѣжали съ лѣстницы и были у воротъ. Въ отчаяніи бросилась несчастная мать къ умирающему, — но поздно! младенческая, невинная душа его уже переспала спрадапъ и лешѣла на небо, чтобы тамъ, вмѣстѣ съ ангелами, славишь Бога и молишья о милой матери! . . .

Царица, увѣрясь въ своемъ бѣдствіи, увѣрясь въ томъ, что уже никакая власть земная не оживитъ прекраснаго младенца, упала безъ чувствъ на полъ подлѣ доброй кормилицы его, также безъ памяти лежавшей. Однакожь онѣ успѣли назвать по именамъ злодѣевъ и всѣ вѣрныя слуги Царицы стѣшили ловишь ихъ. Въ нѣскольکو минутъ весь городъ узналъ о горестной потери: пономарь соборной церкви, случайно проходя мимо дворца, видѣлъ убійство, и взбѣжавъ на колокольню, ударилъ въ набашъ. Эшого было довольно, что бы встревожитъ всѣхъ жителей. Въ страшномъ испугѣ сбѣжались они ко

дворцу, услышали ужасный рассказ и не прошло часа, какъ уже главный злодѣй, Михаилъ Бишяговскій и всѣ сообщники его были убиты. Ярость народа была неописанна: опмщая за любимца своего, онъ былъ безжалостенъ не только къ злодѣямъ, но даже ко всѣмъ родственникамъ и друзьямъ ихъ. Многие изъ нихъ, передъ смертію признались, что исполнили приказаніе Бориса Годунова. Такое признаніе ужаснуло вѣрныхъ подданныхъ Феодора: они знали какъ близокъ былъ къ нему Борисъ, и потому, проливая слезы надъ тѣломъ невиннаго Царевича—признаннаго нашею церковію Святымъ Мученикомъ—они могли бояться и за жизнь старшаго брата его! Но эптопъ спрахъ былъ непродолжителенъ: онъ кончился вмѣстѣ съ ихъ жизнію! Борисъ, получивъ изъ Углича донесеніе объ убіеніи Димитрія, и о томъ, съ какою яростію народъ бросился на всѣхъ, кого подозрѣвалъ въ эпомъ убійствѣ, прислалъ чиновниковъ своихъ изслѣдо-

вашь это дѣло, и повѣрите ли вы, милыя дѣти, чѣмъ кончилось это слѣдствіе? Присланные чиновники донесли Царю, что Царевичъ Димитрій въ припадкѣ падучей болѣзни зарѣзалъ самъ себя ножомъ, что Царица и братъ ея Михаилъ Нагой, напрасно обвиняя въ убійствѣ Волохова, Качалова и Бишняговскихъ, приказали умертвить ихъ, что граждане Угличскіе повѣрили несправедливымъ обвиненіямъ ихъ и погубили многихъ невинныхъ.

Выслушавъ это донесеніе, въ которомъ не было ни одного слова правды, Борисъ, именемъ Θεодора объявилъ наказаніе виновнымъ. Началось съ Царицы, этой горестной матери, едва переносившей жизнь: ее поспригли въ монахини и отвезли въ отдаленный монастырь; всѣхъ родственниковъ ея, Нагихъ, также сослали и заключили въ темницы; гражданъ Угличскихъ, числомъ около двухъ сотъ—какъ убійцъ людей невинныхъ — казнили смертію;

другимъ отрѣзали языки; многихъ послали въ Сибирь, и съ того времени, исчезла знаменитость славнаго города Углича! Борисъ боялся, чтобы въ чьей нибудь памяти не остались послѣднія признанія убійцъ и для того испребилъ всѣхъ, на кого не могъ надѣяться.

Ему удалось и это: никто не смѣлъ говорить вслухъ о томъ, что подозрѣвалъ Правитель въ убійствѣ маленькаго Царевича; казалось, никто не смѣлъ даже думать такъ дерзко. Вскорѣ новыя происшествія, сперва сильный пожаръ въ Москвѣ, а потомъ нашествіе погдашняго Крымскаго Хана *Казы-Гиря*, совсѣмъ отвлекли мысли народа отъ ужаснаго убійства послѣдняго потомка Рюрикова. Во время пожара, Борисъ показалъ столько участія въ бѣдствіи Москвитянъ, а во время неожиданнаго нашествія Татаръ, столько благоразумія и храбрости, что всѣ Рускіе — или упѣшенные его благодареніями, или спасенные отъ вар-

варовъ его умными распоряженіями—уже не хотѣли вѣрить, чтобы добрый Правитель былъ убійцею Царевича, и не смѣли обижать его своими подозрѣніями.

Такъ хитрый Борисъ, при величайшемъ злодѣянніи своемъ, умѣлъ сохранить довѣренность и любовь народа; умѣлъ сдѣлать еще болѣе: завладѣть престоломъ, и не силою, не принужденіемъ, но по общему, единодушному желанію всѣхъ Рускихъ! Изъ слѣдующаго рассказа, вы узнаете, друзья мои, подробности этого важнаго происшествія въ нашей исторіи!

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ, ЦАРЬ РОССІИ.

Отъ 1597 до 1600 года.

(Пер. 3 лѣтъ.)

Уже прошло болѣе шести лѣтъ послѣ убіенія Царевича; уже народъ началъ привыкать къ горестной мысли, что поколѣніе Царей его кончится съ смертію Θεодора, и что наслѣдникомъ его уже не будетъ Князь, происшедшій отъ святой крови Мономаха. Снараясъ всѣми силами увѣрить Русскихъ, что они должны въ этомъ случаѣ покориться волю Божіей, Борисъ

въ тоже время старался показать себя съ самой выгодной стороны. Его милосердіе, кротость, правосудіе были безиримѣрны; его щедрость, великодушіе, любовь къ народу неописанны. Всякой разъ, когда надобно было объявить кому нибудь прощеніе и милость Царя, но въ Указѣ писали: „Государь *„прощаетъ для ближняго своего прія-*
„теля, Слуги и Конюшаго—боярина, Бо-
„риса Θεодоровича.“ Если же кого осуждали на казнь, но въ указѣ не было имени Годунова, но писали: „пригово-
„рили бояре, Князь Θεодоръ Ивановичъ
„Мстиславскій съ товарищами.“ По эпоѣ хитрости можно судить и о всѣхъ, какія употреблялъ Борисъ, чобы въ краспья въ любовь ко всѣмъ Рускимъ. Такія средства не могли оспашьяся безъ успѣха, особенно съ того времени, какъ онъ подкрѣпилъ свою власть новою опорою: зная набожность народа нашего и глубокое уваженіе его къ служителямъ Божіимъ, Годуновъ предложилъ Царю возвысить духовенство

Руское учрежденіемъ Папріаршескаго достоинства. Имя Папріарховъ означало главныхъ пастырей церкви, и такіе были только въ пяти знаменитѣйшихъ городахъ: Римъ, Александріи, Антіохіи, Іерусалимъ и Константинополь. Съ этимъ высокимъ званіемъ конечно соединялось и болѣе власти, нежели съ обыкновеннымъ достоинствомъ Митрополита, особенно въ правленіе Θεодора, посвятившаго всю жизнь свою молитвамъ. Борисъ зналъ все это, зналъ кого сдѣлать Папріархомъ, и потому предложилъ объ этомъ учрежденіи Θεодору.

Какъ ожидалъ онъ, такъ и сдѣлалось: Царь согласился съ удовольствіемъ; духовенство и народъ съ радостію приняли новое званіе; первому оно обѣщало лучшие опличія; второму, казалось особенною милостію Божіею. Въ Москвѣ былъ въ то время Константинопольскій Папріархъ Іеремія: онъ посвящилъ въ достоинство Папріарха Рускаго, Митрополита Іова, одного изъ

преданнѣйшихъ друзей Годунова. Благодарный за свое возвышеніе Іовъ началъ, съ того времени, еще усерднѣе служить своему покровителю.

Такимъ образомъ все исполнилось по желанію Правителя. Неограниченная власть его, поддерживаемая самимъ Государемъ и всѣмъ духовенствомъ, казалась для народа свящебною, какъ будто бы происходившею отъ Бога, и еще при жизни Θεодора, всѣ думали, что никто другой, кромѣ брата Царицы, не можетъ быть наследникомъ престола. Властолобивый Борисъ, видя такое расположеніе умовъ, съ неперпнѣніемъ ожидалъ счастливаго дня, въ который съ Царскимъ могущесствомъ его соединится и имя Царя. Этотъ день насталъ 6 Января 1598 года. Θεодоръ опасно занемогъ и на другой день скончался. Народъ, любя этого кроткаго сына незабвенной Анастасіи за его благочесніе и набожность, за его щедрость и милосердіе къ бѣднымъ, забывалъ его слабости, искренно плакалъ

по немъ и исполняя волю его и совѣтъ Бориса — присягнулъ Царицѣ Иринѣ не смотря на то, что печальная Государыня, съ первой минушы кончины нѣжнаго супруга своего, рѣшилась поспричься въ монахини. Годуновъ зналъ это, но для него нужно было, чтобы Рускіе поклялись въ вѣрности сестрѣ его. Эша клятва приближала его еще болѣе къ Престолу и когда чрезъ девять дней Ирина посприглась — пламенное желаніе брата ея исполнилось: вельможи, духовенство и народъ поднесли ему корону Рускую! И чтожь вы думаете, милья дѣши, онъ пошчасъ съ радостію принялъ ее? Совсѣмъ нѣтъ! припворщикъ отказывался, говорилъ, что никогда дерзкая мысль състь на престолъ крошкаго ангела и друга его Θεодора, не приходила ему въ голову; что онъ хочеть жить только для утѣшенія сестры своей; что онъ хочеть шакже, какъ и она, отказаться отъ свѣта, однимъ словомъ, онъ шакъ обмануль всѣхъ своимъ смиреніемъ, что удивле-

ніе къ его высокимъ добродѣтелямъ ,
еще болѣе увеличилось и всѣ еще усер-
диѣ начали просить его согласія. Но
Годуновъ не давалъ его : шесть недѣль
уже Москвитяне просили его и полу-
чали одни опказы, и наконецъ только
тогда уже, когда съ просьбами ихъ
соединились просьбы всей Россіи, когда
изъ самыхъ отдаленныхъ областей при-
ѣхали депутаты, и народъ два дни слу-
живъ молебны, на преній день съ крес-
тнымъ ходомъ пришелъ къ избранному
Царю и съ коленнопреклоненіемъ умо-
лялъ его сжалиться надъ осиротѣвшимъ
опечеснвомъ, хитрый властолюбецъ
согласился, и какъ будто бы прошивъ
желанія принялъ корону, которая болѣе
четырнадцати лѣтъ занимала всѣ мы-
сли его, и для которой онъ пожертво-
валъ снокойсвіемъ своей совѣсти и
счастіемъ жизни настоящей и буду-
щей!

1 Сентября 1598 года было коро-
нованіе Бориса. Здѣсь къшапи сказашь

вамъ, милыя дѣти, что до временъ Петра Великаго предки наши праздновали въ день 1 Сентября начало новаго года, то, что мы дѣлаемъ теперь 1 Января. Годуновъ выбралъ нарочно этотъ день, чтобы придать болѣе важности своему коронованію. Оно праздновалось самымъ великолѣпнымъ образомъ. Милоспш были безчисленныя, богашы подарки лились—яа бояръ, деньги—на бѣдныхъ, ласки семейспва Царскаго— на всѣхъ подданныхъ! Супруга Бориса, новая Царица, Марія Григорьевна, давно славилась своими добродѣтелями; дѣти ихъ — девятилѣтній сынъ *Теодоръ* и шеспнадцати-лѣтняя дочь *Ксенія* — были ангелы сердцемъ и наружноспію. Народъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ, какъ милоспшво они разговаривали съ чиновниками, кушцами и даже самыми нищими; какъ они принимали ошъ нихъ, хлѣбъ и соль, и звали всѣхъ обѣдать къ Царю. Однимъ словомъ, Борисъ старался самыми лестными

угожденіями испребить въ народъ малѣйшее воспоминаніе о несчастной кончинѣ маленькаго Царевича Димитрія. Старанія его имѣли полный успѣхъ, особенно въ первые два года его царствованія. Они были самые блестящіе. Усмиреніе Крымскаго Хана, совершенное покореніе Сибири и испребленіе Кучюма и всѣхъ приверженцевъ его; выгодный миръ съ Швеціею, Даніею, Польшею; любовь Бориса къ наукамъ, его старанія о просвѣщеніи подданныхъ, его справедливоспъ, трудолюбіе, примѣрная нѣжностъ къ семейству и особенно къ милому сыну, въ которомъ онъ гошовилъ достойнаго наследника Преспіола—все это вмѣстѣ такъ радовало всѣхъ Рускихъ, такъ увѣряло ихъ въ добротѣ сердца Государя, что они совсѣмъ забыли о прежнихъ слухахъ, носившихся на счетъ Бориса. Или лучше сказать, они не вѣрили имъ и всею душою, всѣмъ пламеннымъ сердцемъ своимъ любили милоспиваго,

добродѣтельного по наружности Годунова, ни какъ не думая, чтобы онъ могъ быть убійцею законнаго Царя ихъ!

МУЧИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ УБИЙЦЫ.

Опть 1600 до 1603 года.

(Пер. 3 лѣтъ.)

Такъ могли ошибаться люди; шакъ Борисъ могъ скрышь опть *нихб* пресшупленіе свое, но могло ли оно ушайшь ся опть Бога, видящаго малѣйшія помышленія наши? О, конечно нѣпть; совѣспь напоминала ему объ эпомъ каждый часъ его жизни, и никакая слава, никакія удовольствія не могли заглушить ея страшнаго голоса; или лучше сказашь никакое счасшіе земное не могло

радовать сердце несчастнаго Царя! Если иногда лице его прояснялось при мысли о томъ прекрасномъ устройствѣ, въ которое приводилъ онъ всѣ части государства своего; если иногда онъ улыбался на нѣжныя ласки милыхъ дѣтей своихъ, то эта ясность и эта улыбка походили на тѣ тусклые лучи солнца, которые иногда, передъ бурей, прорывающа на одну минуту сквозь темныя тучи и тотчасъ опять исчезаютъ, оставивъ небо еще мрачнѣе, землю еще печальнѣе!

Мучительно такое состояніе души для всякаго человѣка; еще мучительнѣе оно было для Царя! Каждую минуту Борисъ боялся, чтобы кто нибудь не прочелъ на лицѣ его спрашную тайну и для того старался видѣть какъ можно менѣе людей, перешалъ показываться народу запросто, но всегда съ такою пышностію, которая никого не допускала подойти къ нему близко; часто давалъ для народа обѣды; для вельможъ — пиры и такіе

богатые, какихъ Рускіе не видали ни при одномъ изъ прежнихъ Государей. Все это, бѣдный Царь дѣлалъ для того, чтобы развеселилъ тайную грусть свою, чтобы хотя не на долго разсѣялъ мрачное безпокойство души своей. Праздники Годунова были такъ великолѣпны и такъ хорошо показывали нравы и обычаи его времени, что мнѣ хочется дать нѣкоторое понятіе о нихъ моимъ маленькимъ чипапеллямъ. Мы выберемъ для того случай, самый любопытный: пріѣздъ въ Москву жениха Царевны Ксеніи, Датскаго Принца *Иоанна*.

Современники съ удивленіемъ говорили о красотѣ дочери Годунова: она такъ восхищала предковъ нашихъ, что въ исторіи естъ даже описаніе ея наружности. Послушайте какъ одинъ изъ писателей ихъ говоритъ о ней: „Царевна Ксенія, опроковица чюднаго домышленія, зѣльною красопою лѣпа, бѣла и лицемъ румяна, очи имѣя черны, велики, свѣплостію блиспаяся; когда

„же въ жалости слезы опъ очію испу-
„щаше, шогда наипаче свѣплостію зѣль-
„ною блиспаше, шѣломъ изобильна,
„млечною бѣлостію обліянна, возра-
„спомъ ни висока, ни низка; власы имѣя
„черныя велики, аки прубы по плечамъ
„лежаху; во истинну во всѣхъ женахъ
„благочиннѣйша и писанію книжному
„искусна; гласы воспѣваемые любляше
„и пѣсни духовныя любезнѣ слышати
„любляше.“

Надѣюсь, что изъ этого описанія вы поймете, млыя дѣши, что прекра-сная Царевна была роста средняго, шѣломъ полна и спройна; имѣла млечную бѣлизну, волосы черныя, лежавшіе локонами по плечамъ, лице свѣжее и румяное, глаза большіе, черныя, копорыя дѣлались еще прелеспнѣе, когда въ нихъ блиспали слезы жалоспи, что она изъ всѣхъ женцинъ была самою скромною, плѣняла всѣхъ не одною красошою, но и умомъ образованнымъ, любила читать книги и пѣть сладкія пѣсни духовныя.

Для такой доброй, умной и прелестной дочери не трудно было Царю Рускому найти жениха. Датскій Принцъ согласился оставить для нее отечество, и быть удѣльнымъ Княземъ Россіи. Борисъ умѣлъ цѣнить такую жерпву, и еще не выдавъ Іоанна, уже любилъ его какъ сына.

10 августа 1602 года, женихъ пріѣхалъ на адмиральскомъ кораблѣ къ устью рѣки Наровы, гдѣ начиналась граница Руская. При громѣ пушекъ онъ спустилъ на нее и присланные на встрѣчу къ нему бояре: *Салтыковъ* и *Власевъ*, ввели его въ богатый шаперъ и поднесли въ подарокъ отъ имени Царя, восемьдесятъ самыхъ дорогихъ соболей. Во все продолженіе пути до Москвы, знаменитый гость почти каждый день получалъ новые дары отъ будущаго шесня: Царь безпрестанно посылалъ ему по шапки низанныя жемчугомъ, по поясы и кушаки драгоцѣнные, по золотыя цѣпи, по сабли съ бирюзою и яхоншами. Для спокойствія Герцога

приказано было везти его тихо, такъ что рѣдко дѣлая болѣе придцати версшъ въ день, онъ не прѣжде 19 Сентября въѣхалъ въ Москву.

Въ этотъ день, Москва представ- ляла пріятную и веселую картину. Надобно сказать вамъ, милыя дѣти, что Руская столица была въ это вре- мя гораздо красивѣе, нежели прежде. Царь Борисъ любилъ украшать ее но- выми зданіями, и безпрестанно что нибудь строилъ въ Кремль. И теперь еще существуетъ въ Москвѣ огромный памятникъ его царствованія: колоколь- ня Ивана Великаго, оконченная въ 1600 году. Дома боярскіе строились также гораздо лучше, нежели прежде: они были уже всѣ изъ сосноваго лѣса, въ два или три этажа, съ большими крыльцами, съ досчатыми свислыми кровлями, а на дворахъ были лѣпнія спальни и каменныя кладовыя. Улицы были вымощены деревомъ, но ужъ ко- нечно, маленькіе чипапели мои дога- даются, что эта мосшова вове не

походила на шопъ чудесный паркешъ, который такъ красиво спелется у насъ по Невскому проспекту. Нѣтъ! тогдашняя мостовая Московская была сдѣлана просто изъ досокъ; предки наши были рады и тому: покрайней мѣрѣ теперь имъ можно было не бояться грязи. Но возвратимся къ встрѣчѣ важнаго гостя Москвы,—Герцога Датскаго.

Между тѣмъ какъ народъ съ ранняго утра полнилъ по улицамъ, чиновники военные и гражданскіе, и купечество поѣхали встрѣтить Герцога за нѣскольکو верстъ отъ города, въ полѣ. Онъ ласково выслушалъ рѣчь бояръ, сѣлъ на лошадь и тихо ѣхалъ среди ихъ, попомъ еще нише по городу, какъ будио бы для того, чтобы дать полюбоваться собою народу: Іоаннъ былъ красавецъ. Во всѣхъ церквахъ звонили колокола и всѣхъ громче раздавался звонъ Кремлевскаго, который употреблялся только въ важныхъ случаяхъ. Въ этотъ день Герцогъ еще не пред-

ставлялся Борису, но поѣхалъ прямо въ назначенный для него домъ. Сюда прислали ему Царскій обѣдъ. Какъ вы думаете, друзья мои, сколько кушаньевъ принесли къ нему? Не менѣе ста, и всѣ онѣ положены были на золотыхъ блюдахъ съ такими же крышками. У Царя Бориса бывало иногда и по *двѣсти* кушаньевъ за обѣдомъ. Кажется трудно придумать столько разныхъ блюдъ, но хлѣбосольные предки наши, любя сытно покушать, не затруднялись въ этомъ случаѣ: они дѣлали изъ каждаго блюда нѣсколько различныхъ пригоповленій, на примѣръ, у нихъ было и *кура тушеное* и *кура въ рѣпѣ* и *кура въ лапшѣ*; *тетеревѣ съ шафраномѣ* и *тетеревѣ съ сливами*; *уха курятья шафранная* и *уха курятья терная* и *уха курятья бѣлая*. Изъ одного журавля дѣлали восемь блюдъ, изъ лебедя столько же. А пирогамъ, короваямъ и блинамъ такъ счета не было! Кажется это были любимыя ихъ кушанья. Изъ напитковъ же—болѣе всего былъ въ упо-

пробленіи — медъ; его дѣлали изъ разныхъ ягодъ и очень неумѣренно пили за столомъ!—Вопшъ—эпихъ разныхъ медовъ принесли къ Герцогу болѣе семидесяти ведръ. Кромѣ того, было много разныхъ вишъ иностранныхъ. И все это для одного обѣда! Иоаннъ удивлялся такому пышному угощенію, но удивился еще болѣе богатству Рускихъ, чрезъ недѣлю, въ день своего представленія, когда онъ обѣдалъ у Царя въ Грановитой Палатѣ за серебрянымъ столомъ. Борисъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, подъ висѣвшею надъ нимъ короною съ боевыми часами. Послѣ обѣда поднесли Принцу дорогіе подарки. Но онъ все еще не видѣлъ невѣсты: у предковъ нашихъ не было обыкновенія показывать дѣвицу жениху, прежде нежели родители совершенно кончатъ всѣ условія. До обрученія и свадьбы—все семейство Царское ѣздило въ Троицкую Лавру, помолиться Богу о счастіи Ксеніи. Обрядъ этого выѣзда очень любопытенъ, милья дѣши. Если

вамъ хочется знать походилъ ли онъ на наши нынѣшнія церемоніи, то вы можете сдѣлать это сравненіе: я расскажу вамъ, какъ говорили о ней очевидцы. Слушайте:

„Впереди всѣхъ ѣхали шесть сопъ человекъ верхомъ и двадцать пять лошадей, всѣ въ золотѣ и серебрѣ; за ними двѣ кареты: пустая, Царевича, обитая краснымъ сукномъ, и другая обитая бархатомъ, гдѣ сидѣлъ Государь: обѣ въ шесть лошадей; около первой—ѣхали верховые; около второй, шли придворные чиновники. Далѣе ѣхалъ верхомъ молодой Царевичъ; лошадь его вели знатные бояре. Черезъ полчаса выѣхала Царица, въ великолѣпной каретѣ; въ другой со всѣхъ сторонъ закрытой, сидѣла Царевна: первую везли десять бѣлыхъ лошадей; вторую — восемь. Впереди сорокъ лошадей и дружина престарѣлыхъ вершниковъ, съ длинными сѣдыми бородами; сзади двадцатьчешыре боярыни на бѣлыхъ лошадяхъ. Шляпы боярынь украшались золотыми

пуговицами и кистями, висѣвшими до плечъ, а сапожки на всѣхъ, были желтые. Вокругъ шли приста приспавовъ съ жезлами.“

Видите ли, милые чашапели мои, какая пышность всегда окружала Бориса! какъ онъ старался какъ будто бы опдалашь ею отъ себя людей, какъ будто заглушашь шумомъ и блескомъ ея, безпокойство своей виновной совѣсти. Но это не помогало, и несчастіе казалось и въ здѣшнемъ мірѣ уже преслѣдовало тайнаго убійцу и семейство его. Милая, невинная Ксенія лишилась жениха своего прежде нежели возвратилась изъ Троицкой Лавры: Юаннъ вдругъ занемогъ и чрезъ недѣлю скончался. Это былъ добрый Принцъ, обѣщавшій много хорошаго той землѣ, которую уже называлъ вторымъ отечествомъ своимъ. Годуновъ непришворно плакалъ о немъ; въ тоже время онъ плакалъ и о преступленіи своемъ: ему казалось что уже наказаніе его началось, и что вмѣстѣ съ нимъ бу-

дешъ спрадашъ и все невинное семейство его.

Отъ такой мысли, сердце его сдѣлалось еще безпокойнѣе, думы—мрачнѣе. Безпрестанно казалось ему, что тайное убійство его открыто, безпрестанно слышалось ему страшное имя *Дмитрія!*... Вездѣ предсказывалась ему измена, во всѣхъ боярахъ думалъ онъ видѣть хитрыхъ обманщиковъ, замышлявшихъ противъ него заговоры. Разумѣется, что при такомъ расположеніи, подозрительнѣе всѣхъ казались ему ближайшіе родственники прежняго Царскаго дома: это были *Романовы*. Кромѣ этого священнаго права на любовь и уваженіе всѣхъ Рускихъ,—*Романовы* опличались своими добродѣтелями, своею привязанностію къ отечеству, своимъ усердіемъ къ пользѣ народа. Могли ли всѣ эти достоинства ближайшихъ родственниковъ Св. *Дмитрія* не внушать страха похитителю престола? Онъ почувствовалъ этотъ страхъ въ полной мѣрѣ и — не-

счастія одно за другимъ поражали знаменишыхъ предковъ нынѣшнихъ Государей нашихъ. Но чтобы погубить ихъ, надобно было выдумать какой нибудь предлогъ. Это не остановило Бориса: клеветниковъ было у него довольно. Родственникъ и любимецъ его, Семень Годуновъ, тотчасъ придумалъ средство: онъ подкупилъ казначея Романовыхъ, далъ ему нѣсколько мѣшковъ съ кореньями, велѣлъ спрятать ихъ въ кладовой господъ своихъ, и донести на нихъ, что они занимаютъ соснавленіемъ яда и хоняшъ оправить Царя. Низкая хитрость удалась: страшное преступленіе, взведенное на Романовыхъ, встревожило и духовенство и всѣхъ знапнѣйшихъ чиновниковъ, и никто не прощивился, когда осужденныхъ взяли подъ крѣпкую стражу и велѣли судить. Не смотря на то, что при самомъ строгомъ судѣ, при самыхъ ужасныхъ пышкахъ, никого не нашли виновнымъ — несчастные погибли по одному доносу и Бориса

назвали *неслыханно милосердылибъ*, когда онъ осудилъ Романовыхъ и всѣхъ родспвенниковъ ихъ--не на смерть, а на одну ссылку и заключеніе. Вопгь сколько жертвъ принесъ Годуновъ своему страху :

Старшаго изъ Романовыхъ, боярина *Теодора Никишича* *), поспригли, назвали *Филаретомбъ* и сослали въ Сійскій Антоніевскій монастырь, находившійся въ Архангельской области; супругу его *Ксенію*, также посприженную и названную *Марфою*—въ одну изъ деревень *Заонежскихъ*; брата его, втораго *Романова—Александра Никишича*—въ *Усолъе*, къ *Бѣлому морю*; прешьяго—*Михаила*—въ *Великую Пермь*, въ село *Ныробъ*; чешвертаго *Ивана*—въ *Пелымъ*; пяпаго и послѣдняго, *Василія*—въ *Яренскъ*; зятя ихъ, *Князя Черкаскаго*, съ женою и порученными ей

*) Обратите особенное вниманіе на этого знаменитаго боярина, милая дѣти! Вы скоро узнаете, какъ драгоценна должна быть память его для Рускихъ!

дѣтьми ея брата, Θεодора Никишича, шестилѣтнимъ сыномъ *Михаиломъ* и маленькою сестрою его, на Бѣло-озеро. Всѣ ихъ богатыя помѣстья роздали другимъ вельможамъ, всѣ дома, драгоценности и деньги — взяли въ казну.

Избавивъ себя такимъ образомъ отъ людей, казавшихся для него самыми опасными, Борисъ, думалъ успокоиться, думалъ освободиться, отъ всякаго страха, и наконецъ насладиться счастьемъ, какъ вдругъ новая гроза загремѣла надъ головой его! Случилось то, о чемъ не думалъ убійца и въ самомъ величайшемъ страхѣ своемъ, что было для него ужаснѣе всѣхъ прежнихъ опасностей, что поразило его почти смертельнымъ ужасомъ: разнеслась вѣсть, что Царевичъ Димитрій, что Святый младенецъ, убитый въ Угличѣ, живъ! . . .

САМОЗВАНЕЦЪ.

Отъ 1603 до 1605 года.

(Пер. 2 лѣтъ.)

Къ несчастію эша вѣсть была несправедлива ; это былъ ужаснѣйшій обманъ, какой когда либо могъ прійти въ голову человѣка безсовѣстнаго и безбожнаго ! Прочитайте рассказъ объ этомъ почти невѣроятномъ происшествіи , и подивитесь какими безчисленными несчастіями , какимъ горькимъ униженіемъ угодно было Богу

довести опечество наше до нынѣшняго счастія и величія его!

Въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ жилъ старый монахъ, бывшій прежде бояриномъ, — *Замятня-Отрепьевъ*. Видно было, что несчастія заставили бѣднаго старика постричься: лице его было всегда печально, и правду сказать, не даромъ печалился Замятня! У него было только два сына, и тѣ оба умерли въ молодыхъ лѣтахъ. У одного изъ нихъ, Богдана, служившаго Сопникомъ въ Спрѣльцахъ — оспалась жена и маленькій сынъ, *Юрій*, или какъ запросто звали его, *Юшка*. Мальчикъ былъ уменъ, но золь, непослушенъ, упрямъ, такъ что бѣдная мать, копорая была впрочемъ умная женщина, и сама учила его грамотѣ, часшо не знала, что дѣлать съ негоднымъ шалуномъ. Она жаловалась дѣдушкѣ; но Юрій не боялся дѣдушки! — Спарикъ горевалъ вмѣстѣ съ невѣсткою и утѣшалъ ее тѣмъ, что когда Юша выростетъ побольше, то будетъ умнѣе и добрѣе. Но не

пушъ-то было! Какъ скоро Юрій научился хорошо чистить часовникъ и псалтирь, — а это почищалось въ то время большею ученостью — то и ушелъ отъ матери и опредѣлился въ службу знаменитаго дома Романовыхъ, когда еще онъ былъ въ полномъ блескѣ своего счастья. Здѣсь насмотрѣлся онъ на первыхъ вельможъ государства, полюбилъ богатство, окружавшее ихъ, и завидуя ему, началъ жестоко досадовать на бѣдность свою, не смотря на то, что не имѣлъ еще и четырнадцати лѣтъ отъ роду! Хитрый мальчикъ принялся съ того времени искать всѣхъ средствъ разбогатѣть и вести жизнь покойнѣе и пріятнѣе той, какую онъ велъ въ домѣ благодушелей своихъ, и въ одно утро вдругъ исчезъ, не сказавъ ни имъ, ни дѣду и ни матери своей о томъ, куда онъ отправился. Не прежде какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ слышали, что онъ посиротился въ монахи, названъ Григорьемъ и живетъ въ Суздальскомъ Ефимьевскомъ

монастырь. Родные его радовались такому извѣстію и надѣялись, что примѣръ святой жизни служителей Божіихъ и ихъ благочестивыя наставленія сдѣлаюшъ наконецъ изъ непокорнаго шалуна — человека добраго и богобоязненнаго. Но Григорій не о томъ думалъ: не прошло года, какъ онъ былъ уже въ другомъ монастырь, потомъ въ третьемъ, шакъ что въ три или четыре года онъ пережилъ въ нѣсколькихъ, и наконецъ явился въ Чудовъ монастырь, въ келлію дѣда своего Замятни. Сщарикъ обрадовался, увидѣвъ внука. Это былъ уже не злой шалунъ, дерзкій совсѣми, но умный, молодой монахъ съ самою скромною наружностію, съ самымъ тихимъ нравомъ, съ самымъ лучшимъ образованіемъ того времени. Григорій научился уже скрывать свои пороки и выказывать хорошія способности, которыми природа щедро надѣлила его. Въ короткое время онъ сдѣлался извѣстенъ даже Папріарху: Іовъ такъ полюбилъ его, что посвя-

пиль въ діаконы и взялъ къ себѣ для переписки и занятія *книжнѣми дѣломѣ*. Надобно сказать вамъ, что Григорій славился не только тѣмъ, что умѣлъ лучше всѣхъ списывать, но даже и сочинялъ молитвы и духовныя пѣсни Святымъ. Сдѣлавшись почти необходимымъ для Патріарха, онъ бывалъ съ нимъ часто и во дворцѣ; тамъ завидливый діаконъ увидѣлъ величіе и пышность Царей и плѣнился ими болѣе нежели нѣкогда въ домъ Романовыхъ—знаменитостію и богатствомъ бояръ. Удачно исполнивъ прежнее желаніе свое, и сдѣлавшись изъ бѣднаго мальчика — важнымъ человекомъ при Патріархѣ, дерзкій Григорій вообразилъ, что для него нѣтъ ничего невозможнаго! вообразилъ, что онъ можетъ сдѣлаться Царемъ! вмѣсто того, чтобы испугаться такой преступной мысли и помолиться Богу о прощеніи грѣха своего, несчастный оправдывалъ себя такими разсужденіями: „Вѣдь я хочу опныть престоль не у

настоящаго Государя нашего—сохрани меня Богъ отъ такого страшнаго грѣха!—но у того, кто убилъ его. *) Надобно же наказать убійцу; — и можетъ быть, Богъ выбралъ меня для этого наказанія. “

Вѣроятно такъ рассуждалъ Отрепьевъ, безумно почитая себя человекомъ, которому назначено было отъ Бога наказать Бориса. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе занимался онъ своими дерзкими намѣреніями, и наконецъ уже началъ въ шутку говорить Чудовскимъ монахамъ: „Знаете ли, что я буду Царемъ въ Москвѣ?“ Почти всѣ, слыша это, смѣялись, называли его безстыднымъ лгуномъ, и рассказывали другъ другу о глупыхъ шуткахъ монаха Григорья. Слухъ онихъ дошелъ чрезъ Митрополита до самаго Царя, который тотчасъ же приказалъ

*) Отрепьевъ, бродя по разнымъ городамъ и монастырямъ, провелъ нѣсколько мѣсяцовъ и въ Угличѣ, и потому имѣлъ случай слышать самыя вѣрныя подробности убійства Царевича Дмитрія и зналъ убійцу его.

отправитъ Григорья, какъ безумнаго, въ Соловецкій монастырь. Это приказаніе отдали такому чиновнику, который былъ въ родствѣ съ Отрепьевымъ и потому Григорій былъ уже далеко отъ Чудова монастыря, прежде нежели вздумали искасть его.

Въ то набожное время, монахи принимаемы были вездѣ хорошо, и потому Отрепьеву не трудно было уйти очень далеко отъ Москвы. Но съ его намѣреніемъ, ужаснымъ для Россіи не нужно было идти далѣе Литвы: тамъ всегда были люди, готовые вредить нашему опечесшву. И такъ, будущій Самозванецъ отправился прямо въ Кіевъ, и тамъ искусно распустилъ слухъ, что Царевичъ Димитрій былъ спасенъ отъ смерти однимъ изъ преданныхъ служителей своихъ и скрывается въ Литвѣ. Готовясь скоро приступить къ исполненію своего дерзкаго намѣренія, и еще чувствуя необходимость много учиться, чтобы походить на сына Царскаго, Отрепьевъ снялъ съ себя

монашеское платье *) и въ легкомъ нарядѣ Казака отправился учиться военному искусству. У кого же вы думаете милыя дѣши? У Запорожскихъ казаковъ, или лучше сказать у разбойниковъ, жившихъ грабежемъ по берегамъ Днѣпра. Изъ этой шайки онъ перешелъ въ школу Волынскаго городка Гащи и тамъ учился языкамъ Польскому и Латинскому. Имѣя необыкновенныя способности, онъ скоро успѣлъ и въ этихъ познаніяхъ, и тогда уже, — совсѣмъ готовый на свое дерзкое дѣло — явился на службу къ одному изъ знатнѣйшихъ Польскихъ вельможъ, Князю Адаму Вишневецкому. Добившись притворнымъ усердіемъ благорасположенія гордаго Пана, сильнаго своимъ богатствомъ, но недалъновиднаго умомъ, Самозванецъ, съ величайшею тайною, открываеиъ ему, что онъ сынъ Іоанна IV, Царевичъ Димитрій, почиаемый всѣми давно

*) По этой причинѣ звали его *Разстригою*.

умершимъ , но спасенный отъ смерти вѣрнымъ докшоромъ своимъ ; что злодѣи, присланные Борисомъ умертвили сына какого-то священника, а Димитрія , добрые вельможи отправили въ Липву, гдѣ онъ и воспитывался. Простодушный Вишневецкій повѣрилъ этой сказкѣ : ему пріятно было видѣть прежняго слугу своего — Царевичемъ ; ему лестно было благодѣтельствовать этому Царевичу , и какъ для славы , люди часто рѣшаются на дѣла самыя шрудныя, то и гордый Князь Польскій рѣшился, во чтобы то ни спало, возвратить Рускій престолъ законному наследнику Іоанна IV. Онъ сказалъ объ этомъ намѣреніи брату своему Князю Конспантину Вишневецкому и тестю его, Воеводѣ Сендомирскому, Юрію *Мнишекъ*. Они оба были согласны съ великодушіемъ своего родственника ; послѣдній показалъ вскорѣ особенное усердіе въ этомъ дѣлѣ, и вотъ почему :

У него была прекрасная дочь. Марину называли всѣ гордою красавицею, потому что она отказывала всѣмъ женихамъ, которые до сихъ поръ искали руки ея. Отецъ называлъ отказы ея упрямствомъ, но не принуждалъ ее, думая, что еще не явился человекъ, который бы ей нравился. Но какъ же онъ радовался этому въ ту минуту, когда въ домъ его показался будущій Царь Россіи! Какая радость видѣть милую дочь свою Царицею! какое счастье украсить прелестную голову ея славною короною Рускою! О такомъ блаженствѣ никогда и не снилось старому воеводѣ! Въ томъ, что Марина понравится Царевичу, — Мнишекъ и не сомнѣвался: она такъ прекрасна, такъ ловка, такъ хитра! Къ тому же ей и самой такъ хочется быть Царицею, что она вѣрно постарается ему нравиться! Старикъ не ошибся: не смотря на свою очень непривлекательную наружность, обманщикъ, котораго мы будемъ называть теперь, такъ какъ зо-

вуть его въ исторіи, *Лжедимитрій*, понравился гордой Маринѣ, какъ скоро она узнала знаменитое происхожденіе его; а низкій Разстрига не могъ быть разборчивымъ: онъ полюбилъ бы прелестную Княжну Польскую и тогда, когда бы она и совсѣмъ не была хороша, потому что ему нужна была помощь ея родственниковъ.

И такъ все шло по желанію хитреца: Вишневецкіе и Мнишекъ усердно старались доставить ложному Царевичу помощь Короля своего Сигизмунда, который проводилъ большую часть своего времени въ молитвахъ и во всемъ повиновался Каполическимъ монахамъ и послу Папскому. Лжедимитрій зналъ это, и заранѣе подружился съ ними, обѣщалъ имъ не только самъ креститься, но и крестить весь народъ Рускій въ вѣру Лапинскую, если они помогутъ ему взойти на престоль. Я уже говорила вамъ, милья дѣши, что Папа всегда очень желалъ соединить Римскую церковь съ Греческою,

и пошому посоль его чрезвычайно обрадовался, когда мнимый Царевичь сдѣлалъ ему такое предложеніе и вмѣстѣ съ монахами и Вишневецкими началъ просить Короля принять подъ свое покровительствво несчастнаго сына Государя знаменитаго, и дать ему войско, съ копорымъ бы онъ могъ завоевать свое наслѣдство. Сигизмунда не нужно было долго уговаривать, да и щедрый Царевичь не хотѣлъ пользоваться даромъ его помощію: онъ отдавалъ Польшѣ нѣсколько уѣздовъ княжества Сѣверскаго и кромѣ того дарилъ будущему шестю своему Мнишеку княжествво Смоленское, а прекрасной невѣстѣ двѣ великія обласпи, Новгородскую и Псковскую!

Между тѣмъ, какъ Польскій Король и паны его съ Папскимъ посланникомъ рѣшаютъ судьбу нашего бѣднаго отечества и собирая войско уже заранѣе радуяшся шому ужасу, какой они наведутъ на Россію, — посмотришь что дѣлается въ Москвѣ, гдѣ мы ос-

тавили Царя въ неописанномъ страхѣ отъ одного имени *Димитрія*. Какъ онъ ни увѣренъ былъ, что это обманщикъ, и что истинный Царевичъ спитъ сномъ непробуднымъ, но страхъ его все таки не уменьшался! И могъ ли онъ уменьшиться? Это былъ страхъ виновной совѣсти, которая говорила ему, что настала минута наказанія Божія за ужасный грѣхъ его! Какъ скоро эта мысль представилась встревоженному уму Бориса — послѣднее мужество его исчезло и вмѣсто того, чтобы скорѣе собрать войско и идти на встрѣчу Самозванца, уже вступившаго на границы Рускія 16 Октября 1604 года — несчастный Царь въ уныніи, въ мучительной тоскѣ грѣшника, опчаявался и дѣйствовалъ такъ слабо, что въ прежнихъ, многочисленныхъ полкахъ Рускихъ, едва собралось до 50,000 человекъ! И тѣ всѣ шли неохотно. Состояніе Царя явно показывало вину его: смотря на его робость, на его блѣдное, унылое лице, народъ удостовѣ-

рялся въ истинѣ разглашаемаго слуха, что онъ точно убійца Дмитрія, котораго Богъ чудесно спасъ отъ смерти и теперь возвращаетъ отечеству. Съ такими чувствами могло ли войско усердно защищать Бориса и сражаться съ тѣмъ, кого считало истиннымъ сыномъ Царей своихъ? Напрошивъ того, и оно и весь народъ гоповы были съ радостію встрѣтитъ его и посадить на пресшоль. Самозванецъ зналъ это расположеніе и умѣлъ воспользо-ваться имъ. При самомъ вступленіи его въ отечество наше съ Поляками и преданными ему Запорожскими Казаками, онъ посылалъ грамоты къ народу Рускому, какъ настоящій Государь его, напоминалъ ему присягу, данную Іоанну IV, просилъ его оставить похищителя престола и служилъ Царю законному. Это объявленіе или манифестъ его такъ подѣйствовало, что уже не одна чернь, но и всѣ жиличи тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ проходилъ, покорялись ему, какъ настоящему Царевичу.

Спустия мѣсяць послѣ появленія его въ Россіи—ему принадлежали уже города Моравскъ, Черниговъ, Рыльскъ, Борисовъ, Бѣлгородъ, Волуйки, Осколь, Воронежъ, Кромы, Ливны, Елецъ, однимъ словомъ, всѣ области до Новгорода—Сѣверскаго. Здѣсь только встрѣшилъ онъ сопротивленіе опъ одного воеводы, оспавшагося вѣрнымъ Борису: *Петра Басманова*. Но вѣрность и усердіе одного человѣка не могли спасти цѣлаго царства! Годуновъ видѣлъ погибель свою въ безпреснанныхъ измѣнахъ, о копорыхъ доносили ему, чувствовавалъ ее въ каждомъ убійственномъ упрекѣ совѣспи и будучи не въ состояніи переносить долѣе спраданій своихъ, скончался скоропостижно, 13 Апрѣля 1605 года.

Въ это время измѣна еще не дошла до Москвы и древняя столица, исполняя долгъ свой, присягнула въ вѣрности сыну скончавшагося Царя, шестнадцати - лѣтнему *Теодору*. Но не продолжительно было царствованіе

этого несчастнаго Государя: чрезъ шесть недѣль его уже не было на престолѣ! И какъ вы думаете, милыя дѣти, кто такъ ускорилъ паденіе всего дома Годуновыхъ, и поржесство Самозванца? Трудно повѣрить, но это была правда: пошъ же самый Пётръ Басмановъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ предъ шѣмъ такъ блистательно показалъ предъ всею Россіею свою вѣрность и благородство! Борисъ не зналъ въ то время какъ выразить ему свою благодарность: возвысилъ его въ санъ, дарилъ помѣстьями, и кромѣ того, изъ своихъ рукъ далъ ему золотое блюдо, полное червонцевъ и двѣ тысячи *) рублей серебромъ, Феодоръ, получившій отъ умнаго отца лучшее образованіе пошому вѣку, забошлся съ первыхъ дней своего царствованія о томъ, чтобы въ такое опасное время дать войску искуснаго и вѣрнаго вое-

*) Тогдашніе 2000 составляли нынѣшнихъ 100,000 рублей серебряныхъ.

воду, и по совѣшу мапери и опытныхъ боярь не могъ выбрашь никого лучше Басманова. Умилишельно было видѣшь и слышашь, какъ молодой Государь, прекрасный и невинный какъ ангелъ, отправляя новаго воеводу къ войску, съ слезами на глазахъ сказалъ ему: „Служи намъ, какъ ты служилъ опцу моему.“ Казалось Басмановъ еще не думалъ объ измѣнѣ въ эту торжественную минуту, пошому что съ пламеннымъ усердіемъ далъ клятву Θεодору умереть за него, но чрезъ нѣсколько дней послѣ прїѣзда своего къ войску, склонилъ его къ измѣнѣ, и самъ присягнулъ Самозванцу. Причина такого низкаго поступка перваго воеводы того времени непонятна: онъ очень хорошо зналъ, что подъ именемъ Димитрія скрывался обманщикъ, и развѣ шолько одно безчестное желаніе пользоваться неограниченною милостію Самозванца, заставило Басманова, до сихъ поръ вѣрнаго подданнаго Годуновыхъ, сдѣлаться измѣнникомъ. Но эта измѣна рѣшила судьбу

дерзкаго Разсприги : какъ скоро герой Новгорода—Сѣверскаго , никакъ не хотѣвшій прежде покориться Самозванцу , назвалъ его Государемъ своимъ,—сомнѣнія исчезли : все войско , весь народъ , однимъ словомъ , вся Россія увидѣла въ немъ истиннаго сына Іоанна IV, и вездѣ раздались радостныя крики : „да здравствуетъ отецъ нашъ, Государь Димитрій Іоанновичъ!“

Съ этимъ восклицаніемъ шумныя толпы народа ворвались 1 іюня во дворецъ Московскій, и съ проклятіями вывели опшуда несчастнаго Феодора , мать и сестру его. Бѣдная Царица молила только о жизни милыхъ дѣшей ея ! Народъ, всегда склонный къ жалости , согласился на прозьбы ея и несчастное семейство отвезено было въ прежній, собственныи домъ Борисовъ; но Лжедимитрій, но Басмановъ и другіе достойные служители обманщика не знали жалости — и 10 іюня, пріѣхали въ Москву чиновники съ повелѣніемъ умертвить все семейство

Бориса, прежде нежели новый Царь въѣдетъ въ столицу. Повелѣніе Самозванца было исполнено въ ночь же день, и несчастная Царица и невинный сынъ ея удушены! ... Необыкновенная красота Ксеніи остановила убійцу: ее оставили живою, но поспригли въ монахини!

Такъ ужасенъ былъ конецъ величія, для котораго властолюбивый Борисъ Годуновъ пролилъ свящую кровь Димитрія, шакъ явно было наказаніе Божіе надъ убійцею и всѣмъ семействомъ его!

ТАБЛИЦА XL.

**Семейство Царя Бориса Феодоровича
Годунова.**

Супруга : *Марія Григорьевна*, дочь военачальника Малюшы Скурапова.

Дѣти ихъ :

Сынъ : *Феодоръ* наследовалъ послѣ отца, но былъ убитъ чрезъ шесть недѣль послѣ восшествія своего на престолъ .

Дочь : *Ксенія* , постриженная въ монахини.

ПОЛЯКИ ВЪ МОСКВѢ.

Отъ 1505 до 1606 года.

(Пер. 1 года)

Въ то время, какъ правосудіе Вѣчнаго истребляло весь родъ *одного* похищителя престола Рускаго, *другой*—еще во всемъ блескѣ и счастіи веселился въ Тулѣ. Тамошній дворецъ едва могъ помѣщать въ себѣ множество знапныхъ вельможъ и бояръ, пріѣзжавшихъ изъ всѣхъ городовъ Россіи съ поздравленіями къ Царевичу. Во всей же Тулѣ собралось тогда болѣе 100,000 человекъ. Шумные крики народной радости раздавались на городскихъ улицахъ съ

утра до вечера: Рускіе думали, что давно оплаканный народомъ Димитрій воскресъ для счастья своихъ подданныхъ и веселились опъ всей души. Самозванецъ старался увеличивать веселье народа виномъ и припворнымъ участіемъ въ ихъ радости. Я говорю *припворнылибъ*, пошому что онъ никогда не любилъ Рускихъ, и во всякомъ случаѣ предпочиталъ имъ Поляковъ. Въ послѣдствіе времени, это предпочтеніе было главною причиною его гибели, пошому что Поляки безсовѣстно имъ пользовались и оскорбляли Рускихъ какъ хотѣли. Читателямъ моимъ вѣрно досадно будетъ узнать о томъ униженіи, какое терпѣли тогда бѣдные предки наши, но я напередъ скажу имъ, что оно будетъ непродолжительно, что Рускіе опмстятъ за себя, и что время счастья и славы ихъ уже близко! Вооружимся же терпѣніемъ, друзья мои, и съ твердоснію прочтемъ еще нѣсколько рассказовъ о ихъ бѣдснвіяхъ. Самыми шягоспными были тѣ, кошо-

рыя ожидали ихъ тогда въ Москвѣ, куда уже отправился подъ драгоцѣннымъ именемъ свяшаго младенца — бродяга, болѣе презрительный, нежели послѣдній изъ его подданныхъ.

20 іюня 1605 года, — чрезъ десять дней послѣ убіенія молодаго Феодора — Самозванецъ въѣхалъ въ столицу. Этого въѣзда былъ чрезвычайно великолѣпный. Казалось, бѣглый діаконъ Чудова монастыря боялся, чтобы кто нибудь изъ Московскихъ жителей не узналъ его, и потому спарался скрыться подъ самымъ пышнымъ нарядомъ и окружить себя самою многочисленною свитою. Большую часть ея составляли не Рускіе, но Поляки, Липовцы и Нѣмцы. Польскіе лишаврцики и прубачи, и Липовскіе музыканты, ѣхавшіе впереди, заглушали громкою музыкаю своею восклицанія радостнаго народа, заглушали даже пѣніе молебна, который служили на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ духовенство Московское встрѣшило Царя. Такое неуваженіе къ святымъ, непривычное для Рус-

кихъ, огорчило ихъ, не смопря на общее веселье праздника. Бѣдные встревожились еще болѣе, когда вслѣдъ за Царемъ и духовенствомъ вошли въ соборную церковь Успешія и всѣ иновѣрцы, Поляки, Венгерцы, Нѣмцы и другіе; тогда еще не было въ обыкновѣніи позволять иносѣранцамъ входить въ церковь, а допущеніе музыки казалось народу еще большимъ неприличіемъ. Съ ужасомъ подумали многіе: Нашъ ли это благочестивый Государь, позволяешь гремѣть музыкѣ во время молебна и выпускаешь въ церковь Божію—некрещенныхъ! Видно что онъ выросъ не на своей православной Руси, а у Поляковъ!“ Такъ разсуждали предки наши, смопря на Самозванца въ первые дни его царствованія, когда посшупки его еще не были слишкомъ безразсудны, и онъ хотя нѣсколько старался угождать народу: дѣлалъ много милосшей, возвратилъ изъ ссылки несчастныхъ бояръ, сосланныхъ Борисомъ, показалъ особенную благосклон-

ность къ Романовымъ, какъ мнимымъ родственникамъ своимъ, назначилъ старшаго изъ нихъ, Филарета — Митрополитомъ Ростовскимъ; удвоилъ жалованье чиновникамъ и войску; велѣлъ заплащивъ всѣ казенные долги Иоаннова царствованія; опмѣнилъ разныя пошлины. Но все это было только въ первыя недѣли; послѣ же коронованія, 21 іюля, онъ уже переспалъ припворяшья и явно занимался одними Поляками. Будучи обязанъ Польшѣ своимъ величіемъ, онъ предпочтительно любилъ эту страну и восхищаясь обычаями и учрежденіями ея, непременно хотѣлъ ввести ихъ и у насъ. Прежде всего, онъ началъ перемѣнять порядокъ нашей старинной Боярской Думы: приказалъ засѣдать въ ней, кромѣ Патриарха, Митрополитамъ и Епископамъ, и назвалъ всѣхъ бояръ Думы — *Сенаторами*. Потомъ учредилъ новыя придворныя чины: Великаго Дворецкаго, Великаго Мечника, Великаго Оружничаго, Великаго Сокольничаго, наз-

валь Дьяковъ — *Великими Секретарями*.
Всѣ эти перемѣны ничего бы не значи-
ли, если бы онъ перемѣнялъ на хорошее
только то, что мы имѣли дурнаго, и
дѣлалъ бы это не унижая Рускихъ,
но дерзкій Отрепьевъ былъ не таковъ:
онъ обижалъ подданныхъ своими на-
смѣшками, называлъ ихъ *невѣждами*,
безпрестанно хвалилъ однихъ иностран-
цевъ. Смѣшнѣе всего казалась ему на-
божностъ Рускихъ, копорую онъ для
извиненія своего называлъ *суевѣріемъ*,
и старался противорѣчитьъ имъ на
каждомъ шагу: на примѣръ, въ то вре-
мя было обыкновеніе у Царей нашихъ,
чтобы передъ обѣдомъ священникъ
благословилъ и окропилъ пищу святою
водою, — Самозванецъ не велѣлъ дѣлать
этого, и садился за столъ не съ мо-
литвою, а съ музыкою; далъ Іезуи-
тамъ — копорыхъ Рускіе называли *не-
крещеными* — лучшей домъ въ Кремль и
позволилъ имъ служить Лапинскую
обѣдню. Кроме того, онъ былъ распо-
чителевъ и такъ безразсудно сыпалъ

деньги на всякія ненужныя вещи, что въ три мѣсяца издержалъ болѣе семи милліоновъ рублей! Однимъ словомъ, добрый народъ, сначала съ радостью повѣрившій, что это истинный Царевичъ Димитрій, началъ сомнѣваться, видя дѣла его и неуваженіе дерзкихъ Поляковъ къ святынямъ. Вскорѣ нашлись люди, которые знали убѣжавшаго изъ Чудова монастыря дьякона Григорія, и находили сходство между имъ и Царемъ. Былъ еще человекъ, опаснѣе ихъ: Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, занимавшій главное мѣсто въ числѣ шѣхъ, которые ѣздили въ Угличъ, для слѣдствія объ убіеніи Царевича: онъ зналъ Димитрія живаго, видѣлъ его мертваго, и могъ присягнуть, что на тронѣ Рускомъ сидѣлъ обманщикъ! Онъ говорилъ объ этомъ такъ громко, что вскорѣ слова его дошли до ушей перваго любимца Лжедимитріева — Басманова, и Шуйскій былъ взятъ подъ крѣпкую стражу, преданъ суду и приговоренъ къ смерти. Уже несчастный сто-

ялъ на Лобномъ мѣстѣ, передъ палачемъ, уже голова его лежала на плахѣ, — и народъ, любя всегда Шуйскихъ, происходившихъ отъ Князя Андрея Ярославича, брата Невскаго, съ горестными слезами смотрѣлъ на него, какъ вдругъ раздался крикъ: *стой!* Царскій чиновникъ прискакалъ изъ Кремля и объявилъ прощеніе преступнику. Самозванецъ вѣроятно побоялся народнаго мяшежа за смерть любимаго боярина, или уже слыша о дурномъ расположеніи къ себѣ Рускихъ, хотѣлъ удивить ихъ своимъ милосердіемъ,—какъ бы то ни было, но мнимый Димитрій спасъ Шуйскаго на погибель свою!

Народъ, въ минуту объявленія такой милости—былъ подлинно въ восхищеніи и славилъ Царя, но чрезъ нѣсколько дней, когда воспоргъ прошелъ, всѣ снова начали толковать о вѣроломности словъ Князя Шуйскаго, и о другихъ слухахъ, носившихся въ городѣ, на счетъ бѣглаго Опреньева. Мнимый Царь, презирая своихъ подданныхъ,

—мало обрацалъ вниманія на толки ихъ, и выбравъ въ новые пѣлохранители свои, приспа Нѣмцевъ подъ начальствомъ прехъ Капишановъ: Маржерца, Кнупсена и Вандемана, почипалъ себя въ совершенной безопасности, безумно веселился съ своими Поляками и въ сентябрь мѣсяцъ отправилъ пышное посольство за невѣстою.

Но Марина и опецъ ея не скоро выѣхали изъ Польши; гордые Поляки, величаясь помощію, какую они подали Царю Рускому, не соглашались на обрученіе, пока онъ не прислалъ 200,000 золотыхъ на уплату долговъ Воеводы Сендомирскаго; дары же посланные невѣспѣ споири 800,000 рублей, *) кромѣ той безчисленной суммы, которая была издержана на пупешествіе Марины и ея свиты до Москвы.

Эпо пупешествіе было единспвенное въ то время по своей блисшатель-

*) 4,000,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ.

ной пышности, и едва ли какая нибудь истинно царская невѣсша ѣхала къ жениху своему съ такимъ великолѣпіемъ, какъ эта гордая Польша къ своему мнимому царю-жениху!

Свита Воеводы Сендомирскаго состояла изъ двухъ тысячъ человекъ, и такого же числа лошадей. Невѣста ѣхала между рядами конницы и пѣхоты. Опъ мѣспечка *Краснаго*, повезли ее въ великолѣпныхъ саняхъ, украшенныхъ серебрянымъ орломъ и запряженныхъ двѣнадцатью бѣлыми лошадьми; кучера были въ парчевой одеждѣ и въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Во всѣхъ селеніяхъ вспрѣчали ее съ хлѣбомъ и солью; въ городахъ — съ драгоценными дарами.

2 мая 1606 года, Марина пріѣхала въ Москву. У городской заставы вспрѣпило ее дворянство и войско. Еще не въѣзжая въ городъ, невѣсша пересѣла въ колесницу съ серебряными орлами, запряженную десятью пѣгми лошадьми. Музыка раздавалась во

всѣхъ сторонахъ. Звонъ колоколовъ, бой барабановъ, пальба изъ пушекъ оглушали всѣхъ Москвитянъ. Для нихъ странно и непріятно было видѣть, что духовенство не встрѣчало Царскую невѣсту: она была Каполичка, и Самозванецъ намѣревался и всѣхъ подданныхъ своихъ сдѣлать Каполичками, не требовалъ, чтобы она крестилась. Безразсудный не думалъ, какое негодованіе онъ возбуждалъ такими поступками въ народъ, который всегда былъ чрезвычайно привязанъ къ вѣрѣ своей и никогда не имѣлъ еще царицею—иновѣрку. *) Безсовѣстный обманщикъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ почтилъ невѣсту свою такою честною, какой не имѣли и самыя лучшія и добродѣтельныя царицы: короновалъ Марину—эту простую дворянку Польскую, вѣнцемъ Мономаха! На нее надѣли — какъ на

*) Если нѣкоторые Великіе Князья и были женаты на дочеряхъ Хановъ, то всѣ такія невѣсты прежде вѣчна я крестилась въ вѣру Греческую.

Царей Рускихъ—живописующій крестъ, бармы и цѣпь Владиміра, помазали миромъ и причастили!

Эта послѣдняя дерзость совершенно обнаружила Царя: всѣ увидѣли что онъ не можетъ быть истиннымъ Димитріемъ, и въ то время, когда самыя шумныя свадебныя праздники, одинъ за другимъ смѣнялись при дворѣ, когда гордые паны Польскіе, вездѣ занимая первое мѣсто, веселились униженіемъ народа, всегда для нихъ ненавистнаго, и надѣялись, по милости хитрой Марины и ея услужливаго супруга—скоро завладѣть всею Россіею — Рускіе, по наружности спокойные и равнодушные, но въ душѣ встревоженные и оскорбленные — тайно совѣтовались о средствахъ спасти свящую вѣру и милое отечество!

СМЕРТЬ САМОЗВАНЦА.

1606 годъ.

Эти совѣты происходили въ домъ того, кто первый имѣлъ смѣлость называть Лжедмитрія—обманщикомъ, кто пострадалъ ужасно за эту смѣлость, и хотя потомъ былъ помилованъ, но сохранилъ въ душѣ жестокое воспоминаіе о минутѣ грозившей ему казни,—въ домъ Князя Василія Ивановича Шуйскаго! Зная лучше всѣхъ о смерти истиннаго

Царевича, онъ считалъ долгомъ вывести Россію изъ заблужденія, особенно съ того времени, какъ всѣ дѣла и поступки Самозванца явно вредили счастью отечества нашего. Можешь бышь вы удивишесь, милыя дѣти, что онъ не сдѣлалъ этого съ самаго начала; но восхищеніе народа и его преданность къ воскресшему Димитрію были такъ велики, что никто не повѣрилъ бы въ то время словамъ Князя Шуйскаго и онъ вѣрно сдѣлался бы жертвою своего усердія. Теперь же было совсѣмъ другое дѣло: всѣ ясно видѣли обманъ и искренно благодарили человека, который предлагалъ средства избавишься отъ стыда называешь Государемъ своимъ, бѣглаго Разстригу. Князь Шуйскій былъ уменъ, хитръ, рѣшителенъ; былъ любимъ народомъ, какъ потомокъ поколѣній Царскаго, и какъ герой, не спрашившійся умереть за правду; и такъ, ему не трудно было управлять умами всѣхъ бояръ, недовольныхъ Лжедимитріемъ и его Поля-

ками, и мало по малу составилъ заговоръ, въ которомъ участвовали почти всѣ Москвитяне. Онъ умѣлъ склонить на свою сторону и городскихъ чиновниковъ и людей военныхъ: первые увѣрены были въ согласіи народа; вторые — войска. Кромѣ того, помѣщики представили опъ себя усердныхъ слугъ, а Шуйскіе призывали въ Москву 20,000 надежныхъ людей изъ собственннхъ деревень своихъ.

Все это приготоилось очень скоро. Заговорщики рѣшились испребить Самозванца и Поляковъ и уже назначили на то день: это было 17 Мая 1606 года, чрезъ недѣлю послѣ свадьбы Царя.

Пышные праздники еще не всѣ кончились: Лжедимипрій располагался удивить народъ невиданною на Руси забавою: велѣлъ поспроить деревянную крѣпость за Срѣтенскими ворами, вывезши шуда нѣсколько пушекъ изъ Кремля и предшавить каршину приступа. Марина также собиралась пове-

селишь придворныхъ дамъ маскерадомъ, или какъ Рускіе говорили тогда—сбиралась плясать съ своими *Польками* въ *личинахъ*. Вы догадаетесь, милыя дѣти, что предки наши называли личинами — *маски*. Надѣть маску почиталось у нихъ величайшимъ грѣхомъ, и рассказы о пригошовленіяхъ Царицы къ маскераду выводили изъ терпѣнія самыхъ крошкныхъ и покорныхъ людей. Досадуя на такое,—по мнѣнію ихъ—безбожіе, они гошовы были на всѣ предложенія заговорщиковъ, особливо когда шѣ прибавляли къ рассказамъ своимъ описаніе новаго праздника, зашѣваемаго Царемъ: слушая ихъ, не лъзя было не вѣришь, что деревянная крѣпость спроилась не для забавы, а для погибели всѣхъ бояръ Рускихъ, копорые будущъ на праздникѣ, и что пошомъ Самозванецъ опдастъ всѣ мѣста и должности, всѣ богатства и всѣхъ людей ихъ, своимъ любимцамъ, *Полякамъ*. Разумѣется, что слыша эшо, никакой Руской, искренно любившій свое опечество, не могъ оп-

казашься опть участіа въ единомушномъ возстаніи. Однимъ словомъ, Князь Шуйскій распорядился въ эпомъ дѣлѣ съ такою осторожноспію и благоразуміемъ, что вся Москва уже съ непрерывніемъ ожидала назначеннаго дня, прежде нежели Самозванецъ, получилъ малѣйшее подозрѣніе о томъ, что происходитъ около него. Даже наканунѣ 17-го Мая, когда уже всѣ двѣнадцать воровъ Московскихъ, заняты были войнами Шуйскаго, а городскіе чиновники ходили по домамъ съ пайнымъ приказаніемъ, чтобы всѣ были готовы защитить церковь и царство и ожидали набата—Лжедимириій и всѣ Поляки веселились на великолѣпномъ праздникѣ, вовсе не думая о томъ, что ожидало ихъ на другой день.

Всѣ они еще спали глубокимъ сномъ, какъ вдругъ въ чепыре часа утра, раздался звонъ набата во всей Москвѣ, и народъ побѣжалъ изъ домовъ на Красную площадь. Тамъ уже ожидали его бояре и воеводы въ полномъ

вооруженіи. Впереди всѣхъ былъ Князь Василій Шуйскій, съ мечемъ въ одной рукѣ, и съ крестомъ въ другой. По его знаку, Спасскія воропа въ Кремль расплывались и вслѣдъ за нимъ вошли туда безчисленные толпы народа. Набожно приложился онъ въ церкви Успенія, къ образу Божіей Матери Владимірской и потомъ съ жаромъ вскричалъ къ народу: „Во имя Божіе идите на злого ерешика!“ Этихъ немногихъ словъ было довольно на убѣжденіе: тихія толпы, еще въ какомъ-то молчаливомъ ожиданіи шедшіе за боярами, вдругъ сдѣлались шумными, необузданными, и съ яростію бросились во дворецъ. Но тамъ они еще не скоро нашли того, кого искали. Съ первыми ударами набата Самозванецъ проснулся и въ страхѣ, не зная на что рѣшился, видя, что уже и храбрый другъ и защитникъ его, Басмановъ, убитъ, не могъ придумать ничего болѣе, какъ выскочить въ окно. Несчастный злодѣй вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь и голову и

упалъ прямо къ Спрѣльцамъ, стоявшимъ на караулѣ, на Жишномъ дворѣ. Однакожь они не сдѣлали ему ничего дурнаго, но напрошивъ того, слушая увѣренія его, что онъ истинный Димитрій, убѣдили собравшійся къ нему народъ, опнести его къ Царицѣ-Инокентѣ, и опъ нее удостовѣриться, почно ли онъ сынъ ея. Печальная Государыня была вызвана изъ келліи и торжественно объявила, что истинный Царевичъ скончался на рукахъ ея въ Угличѣ, и что она молчала объ этомъ во все царствованіе Самозванца опъ одного страха къ нему: онъ угрожалъ пайно умертвить ее за одно неосторожное слово, сказанное прошивъ него. Царица обвиняла себя за свое малодушіе, со слезами просила прощенія у народа, и показала ему портретъ маленькаго Царевича: всѣ увидѣли, что ни одна черта его Ангельскаго личика не походила на Разстригу.

Объявленіе горестной матери рѣшило судьбу обманщика. Съ него сор-

вали царскую одежду, еще нѣсколько минутъ распрашивали, откуда онъ, и не дослушавъ его рассказовъ — заспѣрили. Народъ, раздраженный такою неслыханною дерзостію, не скоро оставилъ въ покоѣ и мертвое тѣло его: всякой, кто хошѣлъ, билъ и кололъ его мечами, а потомъ чернь вышатила его изъ Кремля, и положила на Лобномъ мѣстѣ съ маскою, дудкою и волюнкою. Этимъ хошѣли предки наши показать склонность Самозванца къ пляскамъ, шутовскимъ забавамъ и музыкѣ.

Въ то самое время, какъ Опрепьевъ получалъ достойную награду за дѣла свои, гордая супруга его и съ нею вся ея свита были въ ужасномъ положеніи: народъ съ яростію бѣгалъ во все дома, гдѣ только думалъ найти Поляковъ и вездѣ убивалъ ихъ. Марина скрылась въ комнапахъ одной изъ придворныхъ дамъ своихъ, и была оставлена живою только по просьбѣ бояръ,

которые спасли также и отца ея и Вишневецкаго.

Семь часовъ продолжались убійства и смятенія народа. Наконецъ все утихло и ввечеру того же дня Москва была такъ спокойна, что чужестранцы, жившіе въ ней, не могли надивиться этой быстрой переменѣ, тѣмъ болѣе, что народъ не имѣлъ еще Царя, и даже не зналъ, кто будетъ имѣть.

Но эта неизвѣстность не была продолжительна. Сердца всѣхъ стремились къ одному человеку, всѣ увѣрены были, что никто лучше умнаго Князя Шуйскаго, не можетъ управлять Россіей, и 19-го Мая, на прешій день послѣ возстанія, Василій Іоанновичъ, уже былъ названъ Царемъ. Удивительно было видѣть Шуйскаго въ эту поржественную мину на Лобномъ мѣстѣ, — тамъ, гдѣ за нѣсколько недѣль передъ этимъ, онъ споялъ приговоренный къ смерти! Какая чудная переменна! Тогда каждый спарался скрыть слезы и соспраданіе свое къ

несчастному, невинно осужденному Князю; теперь, каждый только о томъ думалъ, чтобы показать ему свое усердіе, каждый называлъ его избавителемъ царства Рускаго; тогда всѣ боялись одного имени Димитрія, хотя нѣкоторые уже знали обманъ; теперь тотъ же самый человекъ, устрашавшій всѣхъ собою, лежалъ безжизненный въ нѣсколькихъ шагахъ отъ новаго Царя! Всякому позволено было шутить и насмѣхаться надъ нимъ. Этого еще недовольно: и въ самой землѣ не было мѣста тѣлу Самозванца. Чрезъ три дни его похоронили у большой дороги, за Серпуховскими воротами. Вдругъ нѣкоторые изъ суевѣрнаго народа начали говорить, что видѣли какія-то ужасныя чудеса надъ могилой его, и что Разстрига, бывшій по мнѣнію ихъ большимъ колдуномъ и при жизни — вѣрно будетъ вредить Россіи волшебствомъ своимъ и послѣ смерти. И такъ, чтобы совсѣмъ избавиться отъ него, тѣло опять вынули

изъ земли, сожгли, и смѣшавъ съ порохомъ выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту сторону, откуда Самозванецъ пришелъ въ Москву! Бѣдные Москвитяне думали, что съ этимъ выстрѣломъ далеко оплешяпъ опъ ихъ все бѣды, причиненныя злодѣемъ!

НЕСЧАСТНОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ

ШУЙСКАГО.

Опшъ 1606 до 1610.

(Пер. 4 лѣтъ.)

Едва ли какой нибудь Государь былъ несчастливѣе Василя Иоанновича! Всѣ добрыя намѣренія его не имѣли успѣха, все что думалъ онъ сдѣлать полезнаго для подданныхъ своихъ, было непонято ими; все, чѣмъ онъ хошѣлъ, улучшить соспояніе ихъ, было дурно принято ими! Напримѣръ, насмотрѣвшись на ужасное пиранство вре-

мень Іоанна Грознаго и Бориса Годунова, Шуйскій хопѣль избавишь отъ него Рускихъ на будущее время, и даль имъ новыя права и преимущества. Но чшожь? онъ угодилъ этимъ только шѣмъ боярамъ, копорые были властолюбивы и желали наслаждаться неограниченною свободою; всѣ же прочіе, привыкшіе къ самодержавной волѣ Государей своихъ, и можспъ бышь испытывавшіе какъ опасна излишняя власть вельможъ, были недовольны новыми постановленіями и говорили, что Царь ошъ спраха къ боярамъ даетъ имъ такую волю. И самый народъ, имѣя въ печеніе одного года чепвертаго Государя, не чувспвовалъ уже прежняго уваженія къ этому священному званію и чшобы снова возврашшь ему всю важность и достоинство его, нуженъ былъ Государь смѣлый, рѣшительный, одаренный необыкновенными способностями. Шуйскій не имѣлъ ихъ и отличался только чрезвычайною твердо-стію въ перенесеніи несчастій своихъ.

Къ тому же онъ былъ очень скупъ, не любилъ веселостей и два торжества, бывшія при немъ: коронованіе и потомъ свадьба его съ молодою Княжною Марією Петровою Буйносовою - Росповскою, — праздновались такъ шихо, такъ скучно, что нашлось много людей, которые пожалѣли о пышныхъ и веселыхъ пирахъ Самозванца. Однакожь все это не сдѣлало бы много вреда Василию, если бы не было главной причины всѣхъ несчастій его, истреблявшей всякое доброе расположеніе къ нему Рускихъ! Эта причина заключалась въ чрезмѣрной любви народа не только къ самому *Димитрію*, но даже къ одному имени его! Цѣлый годъ царствованія обманщика, униженіе, испытанное при немъ, наконецъ мощи свяпаго младенца, перенесенныя при Василии Іоанновичѣ изъ Углича въ Москву, и открыто поставленныя въ церкви Михаила Архангела—еще не довольно убѣдили легковѣрныхъ, и почти всѣ они готовы были снова съ радостію встрѣ-

шить перваго пришлеца, которому вздумалось бы назвать себя Димитріемъ. Успѣхъ же Опрепьева не могъ не внушить и другимъ злодѣямъ желанія подражанья его дерзости. И такъ, новые Самозванцы стали являться при самомъ началѣ царствованія Шуйскаго. Опаснѣйшій изъ всѣхъ ихъ былъ поше, котораго ошпть прислали намъ Поляки. Эти непримиримые враги наши, опмщавъ Шуйскому за соопечесшвенниковъ своихъ, убитыхъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ Опрепьевымъ, поклялись во что бы то ни сшало, опнять у него престоль. Прежде всего они старались сдѣлать Василіа ненавистнымъ народу его: увеличивали всѣ его недостатки, представляли въ дурномъ видѣ всѣ его хорошія качества, говорили даже, что онъ не можешъ называться законнымъ Государемъ, пошому что выбранъ одною Москвою, а не всѣми областями Рускими. *) Вмѣстѣ съ эшимъ распростра-

*) Шуйскій избранъ былъ чрезъ два дни послѣ мате-

няли они слухъ о томъ, что во время мятежа въ Москвѣ былъ убитъ не Димитрій, но одинъ изъ придворныхъ, походившій на него лицомъ; самъ же онъ успѣлъ уѣхать и скрывается теперь въ Польшу, у печи своей, въ Самборскомъ замкѣ. Люди легкомысленные, всему вѣрившіе; вѣтренники, полюбившіе безпрестанныя перемѣны въ правленіи; злодѣи, надѣявшіеся пользоваться такими перемѣнами, слушали съ жадностію эти рассказы; нашлись даже дерзкіе смѣльчаки, которые начали набирать войско и съ нимъ покорять города именемъ Царя Димитрія. Въ числѣ такихъ особенно отличался Князь Григорій *Шаховскій*. Онъ въ короткое время возмутилъ всю землю Сѣверскую и Рязанскую, и составилъ войско изъ жишелей измѣнившихъ городовъ, изъ Сирѣльцевъ, Казаковъ, Дѣшей бояр-

жа въ Москвѣ. Узнавъ о его избраніи, и всѣ другія области охотно послѣдовали примѣру Москвы и присягнули ему, какъ законному Государю.

скихъ и даже крестьянъ, толпами приходившихъ подъ знамена любимца своего, Димитрія. Подивитесь такому усердію, милыя дѣши, нѣмъ болѣе, что еще никто не видѣлъ этого новаго Самозванца, и что одно имя его въ теченіе года покоряло города и цѣлыя обласпи. Полякамъ трудно было найти человека, который бы согласился играть эту опасную роль, и не прежде какъ чрезъ годъ сыскался такой: одни испорики называютъ этого втораго обманщика, *Матвѣслиъ Веревкинълиъ*, бродягой и сыномъ какого-шо священника; другіе — *Жидомъ*. Съ восторгомъ приняли его во всей южной Россіи. Апаманъ Днѣпровскихъ казаковъ, *Заруцкій*, и начальникъ Поляковъ — *Панъ Рожинскій*, друзья перваго Самозванца, знавшіе навѣрное, что онъ былъ убитъ, не спыдились служить и второму, какъ истинному Царевичу. Они оба доставляли ему каждыи день новыхъ воиновъ: къ Заруцкому приходи-

ли Казаки; къ Рожинскому — богатые Паны съ своими опрыдами. Съ такими усердными помощниками, съ довѣрчивою любовью Рускихъ къ имени Дмитрія—и вѣпорой Самозванецъ шакже легко побѣждалъ какъ и первый, и въ іюнѣ 1608 года былъ уже въ двѣнадцати верспахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ.

Бѣдное опечеснво наше находилось въ это время въ самомъ жалкомъ положеніи: вѣрными Царю оставались только отдаленная Сибирь и города: Казань, Саратовъ, Нижній, Коломна, Новгородъ, Переславль-Рязанскій. Все же прочее принадлежало мятежникамъ. Село Тушино сдѣлалось столицею новаго Царя ихъ. Видѣвъ, что Москва не покоряется шакъ скоро, какъ можно было ожидать того, судя по другимъ городамъ, Лжедмитрій, или какъ предки наши называли его—*Тушинскій ворѣ*, укрѣпилъ столицу свою валомъ съ глубоки-

ми рвами, *) украсилъ новыми строе-
ніями, обогатилъ грабежемъ. Каждый
день въ Тушинѣ походилъ на празд-
никъ: разнаго рода веселости и болѣе
всего вино и медъ манили туда измѣн-
никовъ, которыхъ вскорѣ уже счита-
лось тамъ вмѣстѣ съ Поляками болѣе
ста тысячъ человекъ. Всѣ они нешер-
пѣливо желали доказать усердіе свое
Царику, **) и готовы были съ радостію
умереть за него. Это усердіе еще бо-
лѣе увеличилось съ тѣхъ поръ какъ
гордая и безсовѣстная Марина, отпу-
щенная по прозбѣ Польскаго Короля
въ отечество свое, согласилась на при-
глашеніе Тушинскаго злодѣя и забывъ
Польшу, пріѣхала къ нему. Онъ встрѣ-
шилъ ее торжественно какъ Царицу
Рускую; она же припворилась такъ
искусно, что всѣ тѣ, которые еще
нѣсколько сомнѣвались въ томъ, что-

*) И теперь еще въ селѣ Тушинѣ примѣтны слѣды
укрѣпленій.

**) Тушинскаго вора называли также *Цариколь*.

бы Тушинскій Царь былъ истинный Димитрій, должны были удосповѣриться, смоля на свиданіе его съ женою.

Съ того времени дѣла его пошли еще успѣшнѣе; въ одномъ только случаѣ, онъ не могъ успѣшь никакимъ образомъ: вѣрная Москва не сдавалась. Чтобы снѣсшишь ее до послѣдней крайности, онъ опрядилъ — 30,000 войска подъ начальствомъ двухъ Польскихъ Пановъ Сапѣги и Лисовскаго, — взявъ Троицкую Лавру Св. Сергія. Сіе священное мѣсто было всегда прибѣжищемъ для предковъ нашихъ въ дни бѣдствій ихъ, но никогда оно не было такъ спасительно для нихъ, какъ въ это ужасное время! Лавра соединяла Москву, съ сѣверомъ и востокомъ Россіи: мимо ее лежала дорога въ Новгородъ, Вологду, Пермь, Сибирь, въ области Владимірскую, Нижегородскую и Казанскую. Спало бышь она защищала эти земли отъ нашествія Самозванца; она предохраняла ихъ отъ стыда измѣнить отечеству и Государю

закопному. Чувствуя важность такого священнаго дѣла, добрые монахи рѣшились лучше умереть, нежели уступить Полякамъ и Рускимъ измѣнникамъ, и сдѣлались совершенными воинами: на дѣли на рясы свои оружіе, призывали къ себѣ вѣрныхъ защитниковъ опечесива и вмѣстѣ съ ними сражались такъ храбро, что не смотря на малочисленность свою, не смотря на болѣзни и голодъ, продолжавшіеся у нихъ всю зиму — монастырь уже болѣе года выдерживалъ жестокую осаду, и какъ будто бы упрекалъ въ слабости—Москву, коюорая, имѣя гораздо болѣе войска и жишелей нежели сколько было ихъ въ Тушинѣ, не могла рѣшиться прогнать отъ спѣнъ своихъ дерзкаго Самозванца и спокойно смотрѣла какъ и оспальные города, до сихъ поръ вѣрные Василію Іоанновичу, мало по малу начали оставлать его и покоряться Димитрію; какъ самыя ужасныя злодѣйства происходили во всѣхъ городахъ и селеніяхъ ихъ; какъ Рускіе, измѣняя

Богу и присягѣ своей, и унижаясь предъ недоспойными Поляками, казалось, ужъ поперяли и опечесиво и вѣру свою! Невозможно описать, милые читатели мои, погдашняго состоянія предковъ нашихъ! Я представлю вамъ, какъ говоришь о томъ одинъ изъ умныхъ и добродѣтельныхъ людей, жившихъ въ то время и собственными глазами видѣвшихъ всѣ происшествія — Келарь Троицко-Сергіевскаго монастыря, Авраамій Палицынъ:

„Россію терзали свои болѣе нежели чужіе: проводниками, наспавниками и хранителями Поляковъ были наши измѣнники! Поляки только смолѣли и смѣлись надъ безумнымъ междоусобіемъ. Въ лѣсахъ, въ болошахъ непроходимыхъ, Рускіе указывали имъ дорогу, берегли ихъ въ опасностяхъ, умирали за нѣхъ, копорые обходились съ ними, какъ съ рабами. Не было милосердія: всѣхъ пвердыхъ въ добродѣтели предавали жестокой смерти, бро-

сали съ крутыхъ береговъ съ глубину рѣкъ, разсирѣливали изъ луковъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Гибли опечесно и церковь; храмы истиннаго Бога разорялись, какъ храмы идоловъ во времена Владиміра. Люди уступили свои жилища звѣрямъ; медвѣди и волки, оснавивъ лѣса, ходили въ пустыхъ городахъ и селеніяхъ. Могилы возвышались какъ горы. Граждане и земледѣльцы жили въ лѣсахъ или въ болопахъ, и только ночью выходили изъ нихъ осушитъся. Не луною, но пожарами освѣщались ночи: грабители жгли все, чего не могли взять съ собою; они хотѣли видѣть Россію — пустынею необитаемою.“

Вотъ какъ ужасно было состояніе отечества нашего, милья дѣли, въ царствованіе Василія Іоанновича! Несчастный Государь, не смотря на всю твердость свою, начиналъ опчаваться, но Богъ, вѣроятно умилоспив-

ленный усердными молитвами добрыхъ защитниковъ Лавры - Сергіевской, послалъ избавителя и имъ и всѣмъ вѣрнымъ Рускимъ.

КНЯЗЬ МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

СКОПИНЪ - ШУЙСКІЙ.

Опть 1609 до 1610 года.

(Пер. 1 года.)

Этотъ избавитель былъ племянникъ Царя, Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ - Шуйскій. Прекрасный душею, прекрасный наружностію, необыкновенный превосходными качествами ума и сердца — молодой Князь точно могъ назваться существомъ небеснымъ, утѣшителемъ, посланнымъ опть Бога любимому Имъ народу въ прудное время бѣдсшвій.

Когда несчастія Василя Іоанновича достигли высочайшей степени, когда, окруженный измѣнниками, беспрепятственно переходившими изъ Москвы въ Тушино и изъ Тушина въ Москву, онъ не находилъ уже надежныхъ защитниковъ царства между Рускими, Князь Скопинъ, не разъ опличавшійся побѣдами надъ войскомъ Самозванца, посланъ былъ просить помощи у Короля Шведскаго. Умный посланникъ—не смотря на двадцатилѣтній возрастъ свой, исполнилъ самымъ лучшимъ образомъ важное порученіе: Король Шведскій принялъ искреннее участіе въ бѣдствіяхъ Россіи и далъ Князю Михаилу пять тысячъ воиновъ подъ начальствомъ молодаго Генерала Делагарди. Сходство высокихъ характеровъ, равное благородство, равная любовь къ чести и справедливости соединили обоихъ полководцевъ тѣснѣйшею дружбою. При единодушномъ желаніи спасти Россію—для двухъ друзей не было ничего невозможнаго: Делагарди удерживалъ корыстолюбивыхъ Шве-

довъ, когда не получая во всей исправности обѣщаннаго имъ жалованья, они нѣсколько разъ сбিরались воровишья въ Швецію; Скопня — не имѣя казенныхъ денегъ, плашилъ имъ изъ собственныхъ. Дѣйствуя съ такимъ усердіемъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ они выгнали мятежниковъ изъ всѣхъ мѣстъ отъ границъ Новгородскихъ, до Московскихъ; возвратили подъ власть Василія всѣ города, чрезъ которые проходили; въ другіе же, отдаленнѣйшіе, посылали для того чиновниковъ; вездѣ напоминали жипелямъ о священной присягѣ ихъ, данной законному Государю; однимъ словомъ, употребили всѣ средства, какія были въ ихъ власни и имѣли полный успѣхъ: 12 января 1610 года, вѣрные и благочестивые монахи Лавры Троицкой уже прославляли избавителя своего, Князя Михаила и съ радостію смотрѣли, какъ бѣжалъ отъ спѣхъ ихъ гордый Сапега, шеснадцать мѣсяцевъ осаждавшій знаменитую обитель святаго Сергія.

Поляки, жившіе въ Тушинѣ, узнавъ о побѣдахъ Скопина, и о томъ, что онъ приближается къ Москвѣ, немедленно оставили Тушино, и разбрелись въ разныя стороны. Надобно сказать вамъ, милыя дѣти, что Самозванца уже тамъ не было: онъ убѣжалъ отъ пуда при первомъ извѣстїи объ успѣхахъ войскъ Князя Скопина и союзниковъ его. Дерзкій обманщикъ отправился въ Калугу и тамъ собиралъ новыя полки изъ безразсудныхъ жиншелей, добродушно вѣрившихъ его рассказамъ. Но теперь ему труднѣе было находить приверженцевъ: кромѣ сильнаго удара, которымъ поразилъ его Скопинъ, еще другой человекъ жестоко вредилъ ему. Это былъ Король Польскій. Долго смотря на ужасныя безпорядки, происходившіе въ опечествѣ нашемъ, честолюбивый Сигизмундъ разсудилъ, что гораздо выгоднѣе для него воспользоваться ими самому, нежели помогать негодяю овладѣть знаменитымъ престоломъ, котораго давно

добивались Короли Польскіе. И такъ , онъ началъ шѣмъ , что отпиривилъ въ Россію новое войско, которому приказано было не защищать, но преслѣдовать Самозванца ; — возвратившъ опъ него всѣхъ Поляковъ подъ знамена Короля и обѣщаютъ всѣмъ Рускимъ миръ спокойствіе и счастье, если они свергнутъ съ престола Шуйскаго и покорятся Польшѣ.

Какъ скоро Поляки , уже болѣе двухъ лѣтъ разорявшіе Россію съ Тушинскимъ Самозванцемъ, узнали о новыхъ распоряженіяхъ Сигизмунда , по вмѣсто того, чтобы покориться волѣ Короля своего , многіе изъ нихъ осмѣлились защитниками Лжедмитріи , и смѣло пошли противъ Сигизмунда. Такимъ образомъ бѣдное опечесство наше должно было видѣть не только междоусобную войну собственныхъ сыновъ его, но и кровопролитныя ссоры чужеземцевъ ! Сигизмундъ уже осаждалъ Смоленскъ; Тушинскій воръ, вмѣстѣ съ недосшойною Мариною , величался по-

слѣдними своими успѣхами въ Калугѣ, въ то самое время, какъ Князь Скопинъ разогналъ изъ Тушино осшашки Поляковъ и Рускихъ измѣнниковъ.

Довольный счастливыми успѣхами, относя ихъ не къ себѣ, но къ чудесной помощи Бога, надѣясь довершить избавленіе отечества и изгнать изъ Смоленска—Сигизмунда, изъ Калуги—Самозванца, никто не могъ бышь въ это время счастливѣе молодого герол, котораго—благодарный народъ въ восторгѣ признапельности, называлъ не иначе, какъ *отцелѣ отечества, своимѣ возлюбленымѣ Михаиломѣ!* Радостныя восклицанія встрѣчали и провожали его вездѣ, гдѣ онъ показывался. Не любя Василя Іоанновича, и приписывая ему всѣ несчастія свои, Рускіе—иные шоппомъ, другіе громко говорили, что никто болѣе Михаила не заслуживаетъ чести бышь царемъ Россіи, и что шарый, никакими достоинствами не отличающійся дядя долженъ уступитъ прешоль молодому, храброму, великодуш-

ному племяннику, обещающему столько славы отечеству! Рязанскіе Дворяне осмѣлились даже торжественно предложить корону Скопину, чрезъ намѣстника своего, Думнаго дворянина *Ляпунова*.

Безкорыстная, великая душа молодого Героя, нелицемѣрно уважавшаго несчастнаго дядю, содрогнулась отъ гнѣва при такомъ предложеніи. Онъ съ твердостью отвергнулъ его и только слезы и раскаяніе спасли отъ наказанія дерзкихъ Рязанцевъ.

Великъ былъ Михаилъ, милья дѣти, въ эту минуту, лучшую изъ жизни его! Рѣдко всирѣшше вы въ испоріи царей и царствъ, человека, который бы отказался отъ престола, и отказался шакъ искренно, не только не пожалѣвъ, но даже не подумавъ ни одной минуты о великости того счастья, отъ котораго отказывался! Что говорю я? невинная душа его даже не понимала, какъ могло бышь что нибудь выше того счастья, какимъ на-

слаждался онъ, спасая отечество свое и видя радость и веселіе народа, бывшаго еще такъ недавно печальнымъ и близкимъ къ опчаянію!

Съ сладостнымъ чувствомъ этого счастья, съ самымъ чистымъ намѣреніемъ посвятить жизнь свою милой родинѣ, молодой Князь вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Делагарди, вѣхалъ въ Москву, гдѣ встрѣтили его съ различными чувствами: народъ — съ неописаннымъ восторгомъ; дядя — съ припворною радостію: онъ узналъ о предложеніи Рязанцевъ, и уже боялся великодушнаго Князя, слишкомъ любимаго всеми Русскими!

Этотъ страхъ возбудилъ въ Василии — братъ его, Князь Димитрій Шуйскій, надѣявшійся бытъ со временемъ наследникомъ престола и пошому — ненавидѣвшій Скопина. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе пугалъ онъ брата своими подозрѣніями, такъ что Царь, хотя и зналъ, что надобно какъ можно скорѣе послать помощь

къ осажденному—Смоленску, все еще не могъ рѣшиться поручить опять войско Михаилу, и чтобы не дать замѣнить своей медленности, старался отклонить племянника отъ его цѣли пышными праздниками. Безпрестанно кто нибудь изъ бояръ давалъ пиръ въ честь избавителя, и на одномъ изъ нихъ—на обѣдѣ у Димитрія Шуйскаго—молодой Князь вдругъ занемогъ и чрезъ нѣсколько часовъ прекрасная душа его вмѣстѣ съ лучшими надеждами Россіи отлетѣла на небо!

Невозможно описать ужаса Москвы! Какъ скоро страшная вѣсть о неожиданной кончинѣ Михаила разнеслась въ столицѣ вмѣстѣ съ рассказами о томъ, что болѣзнь его случилась въ ту самую минуту, какъ онъ выпилъ кубокъ вина, поднесенный хозяйкою дома, Княгинейо Екатериною Шуйскою, —народъ съ опчаяніемъ и яростію бросился въ домъ брата Царскаго, и едва Димитрій спасся отъ смерти, благодаря воинамъ, присланнымъ отъ Го-

сударя. Усмиряя народъ, старались увѣрять его, что молодой Князь скончался естественною смертію, но немногіе вѣрили тому, и почти всѣ подозрѣвали, что въ винѣ, поднесенномъ знамени-тому госпоу—былъ положенъ ядъ.

Такое бѣдсивенное происшествіе могло ли не вооружить весь народъ противъ Шуйскихъ? Они опирали у него того, кто одинъ могъ спасти Россію въ это трудное время. Всѣ знали, что и Поляки, и Самозванецъ, и изменники Рускіе боялись только одного Михаила, и всѣ ожидали, что съ извѣстіемъ о кончинѣ его, они всѣ оживутъ новыми надеждами. Такъ и случилось: всѣ они снова обратились къ Москвѣ. Одинъ Сигизмундъ не хотѣлъ оставить Смоленска, но за то онъ отправилъ къ несчастной столицѣ Руской одного изъ самыхъ умныхъ и храбрыхъ полководцевъ своихъ: Гепмана Жолѣвскаго и съ нимъ нѣсколько тысячъ войска. Къ многочисленнымъ врагамъ Василія Іоанновича прибавился еще но-

вый родъ злодѣевъ : люди , увѣрявшіе народъ , что онъ былъ причиною смерти племянника .

Это обвиненіе , вовсе несправедливое , довершило погибель Шуйскаго . Число ненавидѣвшихъ его вдвое увеличилось , и Полякамъ еще легче было теперь склонять Рускихъ на измѣну къ Василю . Они и измѣнники Рускіе дѣйствовали такъ усердно , что прежде нежели прошли при мѣсяца послѣ кончины Михаила — 17 іюля 1610 года — Василій Іоанновичъ былъ вывезенъ силою изъ дворца вмѣстѣ съ молодою супругою своею , и на другой день силою же постриженъ въ монахи .

Но эпитимъ еще не кончились страданія Государя , въ полной мѣрѣ заслужившаго названіе *несчастнаго* . Въ послѣдствіе времени неблагодарные подданные выдали его какъ плѣнника Полякамъ . Увезенный въ Варшаву , онъ долженъ былъ видѣть торжество Польши надъ бѣднымъ опечесловомъ своимъ , долженъ былъ перенести всю вели-

кость униженія для Царя Рускаго—быть *невольникомъ* въ столицѣ Польской! Но оцъ перенесъ его съ честію, доспойною знаменипой короны, чепыре года украшавшей его голову. Вы можете видѣшь это, милыя дѣти, изъ слѣдующихъ немногихъ словъ, сказанныхъ имъ въ минушу, самую горькую для него и самую пріятную для Поляковъ.

Когда во время шоржеспвеннаго представленія Василія при дворѣ Польскомъ, гордый Сигизмундъ, со всею надмѣнностію побѣдителя принималъ своего царспвеннаго плѣнника, сидя на великолѣпномъ тронѣ, Поляки хотѣли, чпобы оцъ поклонился Королю, — Василій съ благородною гордостію опвѣчалъ имъ: „Царь Московскій не кланяется королямъ! По волѣ Бога я плѣнникъ, но взяшь не вашими руками: меня выдали вамъ, мои подданные—измѣнники.“ Такая швердость и чувспво собспвеннаго доспойнства въ положеніи безнадежномъ, удивили Поляковъ и заспавили ихъ уважать Василія.

Оплакивая бѣдствія милаго опечесства, оплакивая собственную судьбу — и судьбу семейства своего, Шуйскій жилъ въ замкѣ Госпинскомъ, близъ Варшавы, и тамъ скончался 12 Сентября, 1612 года. Тамъ же умерли и братья его, вмѣстѣ съ нимъ привезенные въ Польшу. Сигизмундъ поставилъ надъ могилою Василія мраморный памятникъ. Гордая надпись говорила проходимъ о поржесствѣ Короля и униженіи Рускихъ. Поляки двадцать-пять года величались эпою славною для нихъ гробницею и только въ 1636 году, принуждены были отдать ее Россіи.

Можешь бышь милые чипашели мои съ сердечнымъ участіемъ и неперпнїемъ спросяшь меня: „Что же въ это время дѣлалось съ опечесствомъ нашимъ? кто управлялъ имъ, когда несчастный Государь его кончилъ жизнь въ землѣ враговъ своихъ? Кто защищаль его? Кто забопился о немъ?“ О друзья мои! оно было несчастнѣе нежели когда нибудь: *вѣ немѣ не было*

Царя! Этого довольно, чтобы дать вамъ понятіе весь ужасъ тогдашняго положенія нашихъ предковъ! Въ слѣдующемъ разказѣ вы увидите эту новую картину бѣдствій ихъ, но вы можете смотрѣть на нее, съ утѣшительною мыслию: она блещетъ и добродѣтелями того народа, къ которому вы принадлежите и прекрасною зарею счастья, разлившеюся по небу Россіи вмѣстѣ съ лучезарнымъ сіяніемъ имени Романовыхъ на престолѣ нашего общества!

ТАБЛИЦА ХІІ.

Семейство Царя Василя V Іоанновича
Шуйскаго.

Супруга : Княжна *Марія* Петровна Буй-
носова-Роспловская.

Дочь : *Анастасія* , скончалась въ дѣт-
ствѣ.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

Отъ 1610 до 1613 года.

(Пер. 3 лѣтъ.)

Такъ называется въ исторіи нашей это несчастное время, когда Рускіе, не имѣли Государя, по всей справедливости называемаго *отцелѣмъ народа*, и пошому испытывали всю горестъ сиротства и беззащитности! Только тѣ изъ милыхъ чипашелей моихъ, копорыхъ зовушь *сиротками*, и копорыхъ некому ни прила-

скашь, ни защишишь, ни остановишь
отъ дурныхъ поступковъ, ни похва-
лишь за добрыя, могутъ имѣть нѣко-
торое понятіе о томъ, что чувство-
вали предки наши въ междуцарствіе!
Оно—продолжалось при года и заключало
въ себѣ столько бѣдствій, что я не знаю
съ чего начать рассказъ мой, милыя дѣ-
ти! Сказали ли вамъ о томъ, что пер-
пѣли бѣдные жители Смоленска во вре-
мя продолжительной осады ихъ города
Королемъ Польскимъ? Сказали ли вамъ
о той твердости, съ которою они
переносили свои страданія, о той не-
успрашимости, съ которою около
двухъ лѣтъ защищали городъ свой, и
наконецъ, о томъ геройствѣ, съ кото-
рымъ знаменѣйшіе изъ нихъ, рѣшились
лучше умереть, нежели сдаться непри-
ятелю. Для этого, они затворились въ
одной изъ главныхъ городскихъ цер-
квей, зажгли порохъ, лежавшій въ под-
валахъ церковныхъ и взлетѣли на воз-
духъ въ виду удивленныхъ Поляковъ?
Показали ли вамъ на четырнадцать

шатровъ, раскинутыхъ въ окрестностяхъ Смоленска за версту отъ Королевскаго стана? Эти шатры бѣдны, не красивы и во все не походяшъ на тѣ покойныя, чистыя, бѣлыя какъ снѣгъ палатки, которыми бывають усѣяны поля и холмы Краснаго-Села, въ то время, когда спройные полки нашей прекрасной гвардіи проводяшъ тамъ теплые дни Іюня и Іюля. И знаете ли вы, милые чашапели мои, кѣо жилъ въ этихъ бѣдныхъ шатрахъ въ глубокую холодную осень? Не солдаты и офицеры, которые привыкнувъ ко всѣмъ трудностямъ войны, легко перенесли бы холодъ и сырость Октябрскихъ ночей, но знаменитые бояре, прѣхавшіе къ Сигизмунду послами отъ всего Московскаго народа, чтобы предложить престоль Рускій — шеснадцати - лѣтнему сыну его, *Владиславу*. Вы вѣрно удивлешесь такому предложенію, друзья мои? Да, положеніе бѣдныхъ предковъ нашихъ было такъ горестно, что для избавленія себя отъ несчастій,

и отъ сильнаго врага своего — Сигизмунда, они не находили другаго средства, какъ назвать Государемъ своимъ — сына его! До такого униженія довели ихъ Гепманъ Жолкѣвскій, уже вошедшій въ Москву со всѣмъ своимъ войскомъ. Однакомъ, Рускіе покорялись судьбѣ своей съ тою мыслию, что Королевичъ Польскій, принимая корону Царей ихъ, приметъ въ свое время вѣру и обычаи ихъ; и пошому чувствуя всю важность посольства своего, они выбрали для этого людей самыхъ опличныхъ по уму, добродѣтелямъ и преданности къ опечеству. Первыя мѣста занимали между ними: Ростовскій Митрополишь Филаретъ Никишичь Романовъ и Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Свита ихъ соснола также изъ самыхъ знатныхъ дворянъ и духовенства; злые Поляки заставили ихъ пернѣть холодъ и даже голодъ въ шатрахъ, разбросанныхъ на поляхъ Смоленскихъ. Болѣе осьми мѣсяцевъ они держали ихъ шамъ и пошомъ отправи-

ли плѣнниками въ Польшу за то, что они не согласились онѣдапъ. Россію безъ всякихъ условій во власть Польскаго Короля. Ужасно было положеніе эшихъ вѣрныхъ защитниковъ опечесва, эсихъ знаменитыхъ спрадалцевъ за честь престола Рускаго! Оставимъ эту печальную каршину: она слишкомъ мрачна для вашего свѣплага воображенія, милья дѣли. Но на чемъ же остановимся мы? Описать ли вамъ сослопніе Калуги, гдѣ въ одинъ день Тушинскій злодѣй былъ убитъ, а у Марины родился сынъ, котораго она назвала Царевичемъ Іоанномъ Димитріевичемъ? Говорить ли вамъ о новыхъ замыслахъ эпой презрительной женщины, которая вскорѣ потомъ подружилась съ дерзкимъ ашаманомъ Днѣпровскихъ Казаковъ, Заруцкимъ, и обвѣнчалась съ нимъ съ шѣмъ условіемъ, чшобы онъ посадилъ на пресполъ Московскій маленькаго сына ея, и подыменемъ эшого сына, управлялъ бы вмѣстѣ съ нею государствомъ? Пред-

спавишь ли вамъ южную часть бѣднаго отечества нашего, которую Крымцы опустошали набѣгами; Астрахань, гдѣ безпрестанно появлялись новые Самозванцы; Новгородъ — гдѣ прежній знаменитый друга Князя Михаила Скопина-Шуйскаго, — Генераль Делагарди, уже дѣйствовалъ какъ непріятель, и пользуясь всеобщимъ разстройствомъ заставлялъ не только Новгородцевъ, но и жителей многихъ другихъ городовъ выбрать въ Цари — Принца Филиппа, сына Короля Шведскаго? Или посмотришь намъ, что дѣлается въ это ужасное время, въ самомъ сердцѣ Россіи, въ столицѣ ея, Москвѣ? Такъ, остановимся въ ней! По крайней мѣрѣ здѣсь мы можемъ отдохнуть! Здѣсь еще блестящая слабая надежда на спасеніе! Какъ ни велики несчастія Москвитянъ, принужденныхъ принять къ себѣ Гещмана Жолкѣвскаго, со всѣмъ войскомъ его, принужденныхъ видѣть собственными глазами, весь ужасъ власпи Поляковъ надъ отечествомъ ихъ, принуж-

денныхъ наконецъ присягнутьъ сыну Короля Польскаго, — но у нихъ есць еще люди, которые не смотря на бурю, спрашно бушующую вокругъ нихъ, еще осмѣливаются мечтать о спасеніи, еще не боясь говорить и дѣйствовать за погибающую родину! Это были: Папріархъ *Гермогенъ*, не соглашавшійся признасть Царемъ — Владислава, и за то гонимый Поляками; *Прокофій Ляпуновъ* — мяшежникъ прошивъ Шуйскаго, но въ послѣдствіе времени рѣшившійся употребить все усилія, что бы избавить Рускихъ отъ власни чужеземцевъ, и *Князь Трубецкій*, впорой послѣ него начальникъ войска Рускаго, пришедшаго къ Москвѣ для ея избавленія. Третьимъ опрядомъ — дружиною Казаковъ, управлялъ Заруцкій. Еслибы эшошь злодѣй не опдѣлилъ желаній своихъ отъ желаній всей Россіи, и несдѣлался защитникомъ безбожной Марины и сына ея, — то вѣроятно, бѣдствія отечества нашего не были бы такъ продолжительны и Поляковъ выгнали бы

изъ Москвы въ то самое время, о которомъ мы говоримъ теперь, т. е. въ 1811 году, но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать согласно съ поварищами, Заруцкій, думая только о пользѣ Марини — старался погубить Ляпунова, — того, кто первый, началъ призывать Рускихъ на спасеніе опечесшва, кто первый собралъ и привелъ къ спѣнамъ Москвы полки защитниковъ! Съ надеждою смотрѣли на него всѣ Рускіе, но почти прежде нежели начались подъ Москвою важныя сраженія съ Поляками, — Ляпуновъ уже былъ убитъ Казаками Заруцкаго!

Это послѣднее несчастіе, уничтоживъ всѣ лестныя ожиданія предковъ нашихъ, привело въ неописанное уныніе сердца ихъ: они не знали уже къ кому обратиться съ своею горестію, кого молить о помощи! Уже нельзя было искасть ее на землѣ: только помощь небесная могла спасти ихъ. И Богъ послалъ ее тѣмъ, которые всегда твердо надѣялись на Него! Чудесна

была эта помощь, милыя дѣши; удивительныя средства, какія употребилъ Господь для спасенія Россіи; безпредѣльна должна быть благодарность наша за это спасеніе! Послушайте рассказъ объ этомъ важнѣйшемъ періодѣ въ Исторіи нашей и порадуйтесь, что вы родились въ странѣ, такъ много любимой Творцемъ міра.

Изъ священнаго жилища Сергія—нѣкогда усерднаго защитника Россіи,—изъ монастыря Троицкаго блеснулъ первый лучъ надежды для Рускихъ. Тамъ мошніе Архимандритъ *Діонисій* и Келарь *Авраамій Палицынъ* первые начали великое дѣло спасенія опечества. Они уговорили двѣспи человекъ Стрѣльцовъ и пятьдесятъ монастырскихъ слугъ итти на избавленіе Москвы. Этопъ небольшой опрядъ конечно ничего не значилъ въ сравненіи съ силами Поляковъ, но онъ былъ счастливымъ началомъ того великаго ополченія, которое собралось въ послѣдствіи со всѣхъ концевъ Россіи по призванію Діонисія и

Авраамія. Они писали грамоты во всѣ города и просили всѣхъ жителей ихъ ииши прошивъ враговъ отечества. Авраамій, увлеченный своимъ пламеннымъ усердіемъ, даже оставилъ шихую жизнь монастырскую и былъ неразлученъ съ воинами; ободрялъ ихъ въ опасностяхъ, разбиралъ ихъ споры, мирилъ поссорившихся и даже самъ участвоваль въ сраженіяхъ.

Между тѣмъ, какъ это происходило въ окрестностяхъ Москвы, наполненной гордыми Поляками, смѣющимися надъ слабыми усилями монаховъ Лавры Сергіевской, грамоты Діонисія и Авраамія производящъ чудо въ Нижнемъ - Новгородѣ. Усердно сходился слушать ихъ народъ во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Рускихъ; весело было людямъ грамотнымъ читать ихъ землякамъ своимъ, собравшимся около нихъ и боявшимся проронить одно слово изъ умныхъ посланій! Всѣ они готовы были лечь на смерть за милую родину, но не зная какъ сдѣлать это,

проводили время въ напрасныхъ толкахъ и ничего не придумавъ, печально расходились въ разныя стороны. Такъ дошла очередь и до Нижняго — но тамъ случилось иначе: такъ жилъ избавитель Россіи! И ктожь бы вы думали былъ этотъ избавитель, милыя дѣши? Вѣрно вы скажете, какойнибудь знаменитый и богатый бояринъ, извѣстный всему государству! Нѣтъ, друзья мои, любовь къ отечеству не принадлежитъ одной знатности и богатству: она равно разлила во всѣхъ добрыхъ и благородныхъ сердцахъ! Избавителемъ Россіи, въ горестное время междоусобицъ былъ простой мѣщанинъ Нижняго - Новгорода — *Козьма Мининъ Сухорукій*, котораго мы обыкновенно зовемъ *Мининымъ*.

Какое-то особенное усердіе пылало въ душѣ Минина во время чтенія грамматики Лавры Сергіевской. Безъ сомнѣнія, оно зажглось въ немъ по волѣ Божіей, потому что могла ли высокая мысль спасти Россію, уже погибавшую, уже

преданную во власть Поляковъ и Шведовъ, уже называвшую Царями своими и Владислава и Филиппа — могла ли эта смѣлая мысль прійти сама собою простому человѣку, не имѣвшему никакихъ средствъ сдѣлать такое чудо? Самъ Мининъ чувствовалъ, что она внушена ему Богомъ по той надеждѣ, какую имѣлъ на успѣхъ. Не медля ни одной минутой онъ шпъ же на площади, гдѣ читали грамматы, сказалъ народу: „Вѣра и опечесство наше погибають; но мы можемъ спасти ихъ. Не пощадимъ жизни и имущества для избавленія Москвы; продадимъ свои дома, зложимъ женъ и дѣтей своихъ и выкупимъ изъ бѣды опечесство. Богъ благословишь наше предпріятіе!“

Какія прекрасныя слова, милыя дѣти! Какъ я рада, что исторія сохранила ихъ во всей почности! Если онъ и теперь восхицають насъ, то подумайте какое дѣйствіе произвели онъ на собравшихся Нижегородцевъ! Прибавьте къ тому, что слезы текли по

щекамъ Минина, когда онъ говорилъ ихъ, что святой огонь любви къ опечесиву блисталъ въ его взорахъ, что благословеніе Всевышняго вмѣстѣ съ лучами яркаго солнца, озарявшаго въ эпоху славный день небо Нижняго-Новгорода — лилось на говорившаго, и вы не удивитесь, что дѣйствіе словъ его, было чудесно, неописанно! Нижегородцы, въ одинъ голосъ вскричали: „Умремъ за Русь свяшую!“ и спасеніе опечесива нашего было рѣшено! Въ этомъ крикѣ соединились всѣ сердца, всѣ души, всѣ мысли, всѣ желанія Рускихъ! съ площади Нижегородской онъ раздался во всѣхъ опдаленныхъ справахъ Россіи; онъ привелъ къ одной цѣли всѣхъ вѣрныхъ дѣшей ея, онъ одушевилъ одинакимъ усердіемъ всѣхъ защитниковъ ея. Это усердіе было безпримѣрно или лучше сказать, примѣръ въ немъ могутъ показатъ только Рускіе: оно пылало не только въ сердцахъ мужчинъ, но также и женщинъ. Будучи не въ состояніи проливатъ кровь

свою за милое опечество, онъ приносили ему въ жертву все что имѣли самаго лучшаго; снимали алмазы и жемчугъ съ своихъ кокошниковъ и повязокъ, лишали себя всѣхъ другихъ драгоценныхъ украшеній, и съ радоснію замѣняли проснымъ бисеромъ изумруды и яхонты, такъ красиво блиставшіе на бѣлыхъ шеяхъ и рукахъ ихъ! Скажу вамъ еще болѣе, милые чипашели мои, — даже маленькіе дѣти, смотря на родителей дѣлали тоже, и богатые мальчики не хотѣли носить золотыхъ пуговокъ на кафтанчикахъ, а дѣвочки дорогихъ сережекъ и запонокъ, но все это приносили къ своимъ маменькамъ и просили ихъ опослать въ пуже общественную казну народа, куда съ такимъ чиснымъ усердіемъ сыпалось чистое золото Руское. Эта казна хранилась у Минина: онъ продавалъ драгоценныя пожертвованія и на вырученныя деньги содержалъ воиновъ, со всѣхъ сторонъ сходившихся на защиту родины. Благодаря такому усер-

дію, новое войско уже имѣло все нужное; недоспавало только полководца, которому бы можно было поручить спасеніе царства. Мининъ и въ этомъ случаѣ вывелъ изъ затрудненія своихъ соотечественниковъ. Служивъ нѣкогда въ полкахъ царскихъ, онъ, не смотря на лѣта свои—еще былъ храбръ, и любилъ слушать рассказы о дѣлахъ знаменитыхъ полководцевъ Рускихъ; зналъ почти всѣхъ ихъ лично, и безошибочно могъ судить, который изъ нихъ былъ первымъ по достоинствамъ. Онъ отдавалъ это первенство — Князю *Дмитрію Пожарскому*, уже извѣстному своею любовію къ отечеству, своимъ усердіемъ къ народу, своею—въ полной мѣрѣ Рускою неуспрашимостію. Защищая бѣдныхъ Москвитянъ, съ небольшими опрядами своими проливъ многочисленныхъ Поляковъ, Князь Пожарской за годъ передъ тѣмъ былъ опасно раненъ, и въ это время, выздоравливая отъ ранъ, жилъ въ деревнѣ своей, за 120 верстъ отъ Нижняго-Новго-

рода. Вопрь къ нему - шо отправился Мининъ; его-шо умоляль именовъ всѣхъ Рускихъ спаси Россію! Тронутый такою довѣренностію, готовый пожертвовашь послѣднею каплею крови за вѣру и опечесство, Пожарскій съ восхищеніемъ приняль предложеніе народа, и уже не думая о ранахъ своихъ едва закрывшихся, отправился пошчасъ къ войску, съ неперпѣніемъ его ожидавшему. Съ эпой минушы судьба Россіи перемѣнилась и торжесство Поляковъ надъ бѣдными предками нашими кончилось. Злые враги, при первомъ извѣстїи о всеобщемъ ополченїи Рускихъ, предчувспвовали погибель свою и первою жертвою ихъ злобы сдѣлался Патріархъ Гермогенъ: они замучили голодною смертію эпого святаго защитника церкви и престола, но онъ умеръ спокойно, пошому что уже зналь о приближенїи къ Москвѣ Пожарскаго, и праведная душа его, разспаваясь съ жизнію, благословляла воиновъ и молилась объ успѣхахъ ихъ!

Народное ополченіе, подъ защишою сего благословенія и молишвы, уже соединилось въ концѣ августа 1612 года,—съ войскомъ, болѣе года сноявшимъ около Москвы. Начальникъ его, Князь Трубецкій, и Авраамій Палицынъ съ радостію встрѣтили новыхъ поварихей! Теперь уже не спрашны были для нихъ замыслы Заруцкаго: слава Пожарскаго, присутствіе Минина, пламенное усердіе народа ручались за побѣду! Видъ Московскаго спана совсѣмъ перемѣнился: шамъ уже не встрѣчались болѣе лица блѣдныя и унылыя, не слышны были тяжелые вздохи воиновъ, опечаленныхъ безпрестанными неудачами; не лились слезы женъ и дѣшей ихъ, приходившихъ изъ Москвы украдкою опъ злыхъ Поляковъ повидашься съ своими милыми. Теперь шамъ всѣ были бодры и спокойны: надежда на милоспъ Бога, всегда помогающаго правому дѣлу, оживляла каждое сердце, и не смотря на то, что многочисленное войско Польское, подъ начальствомъ

Гетмана Хопкевича шло на помощь къ Полкамъ, владѣвшимъ Москвою — Рускіе были увѣрены въ побѣдѣ! 22 августа, первые опряды Хопкевича перешли Москву рѣку — и остановились близъ Новодѣвичьяго монастыря. Пожарскій и Трубецкій встрѣшили ихъ и сражались перѣшительно при дни. Храбрость видна была съ обѣихъ сторонъ, но побѣду Рускихъ замедлили Казаки, находившіеся въ войскѣ Князя Трубецкаго: эти расчепливые воины вздумали въ ту минуту, когда рѣшалась судьба опечесыва — спорить о жалованьѣ своемъ, и говоря, что они еще не получили его, не хотѣли сражаться. Вообразице, милыя дѣши, въ какомъ положеніи, были тогда начальники войска? Князь Пожарскій и Мининъ не хотѣли вѣрить, чтобъ это были Рускіе! Да и наши нынѣшніе добрые Донцы не повѣряютъ, чтобъ это были люди, которые когда нибудь назывались *Казаками*. Но тутъ есть причина, которая извиняетъ ихъ нѣсколько: эти

казаки были товарищи злодѣя Заруцкаго. Слава Богу, что въ эту ужасную минушу, когда могли погибнуть всѣ великія намѣренія спасителей Россіи—нашелся человекъ, который былъ въ состояніи поправить зло, причиненное измѣнниками чести Руской: то былъ добрый, неутомимый въ усердіи Авраамій Палицынъ. Съчувствомъ души высокой и благородной, съ прогашельными слезами человека, пламенно любившаго отечество свое и болвшагося видѣть гибель его, началъ онъ представлять Казакамъ всю низость поступка ихъ, обѣщалъ имъ, вмѣсто денегъ конторныхъ уже не было ни у него, ни въ казѣ Лавры Сергіевской — всѣ богатыя ризы и вещи церковныя, умолялъ ихъ именемъ Бога и святаго Сергія не отказываться отъ сраженія. Эти убѣдительныя слова, это имя Бога и Его Угодника напомнили Казакамъ долгъ ихъ, показали имъ всю безразсудность, все малодушіе ихъ! Съ раскаяніемъ въ сердцѣ, съ клятвою по-

бѣдѣ или умереть, полетѣли они на поле сраженія, гдѣ счастье уже было на сторонѣ Геймана. Храбрость Казаковъ перемѣнила судьбу его, но побѣда все еще оставалась нерѣшеною, — какъ вдругъ Мининъ, наскучивъ ожиданіемъ и вспомнивъ, какъ часто, въ молодости смѣлостью его доставляла побѣду тому полку, гдѣ онъ находился, опроbralъ присла ошличныхъ воиновъ и съ ними бросился на непріятелей сзади. Такое неожиданное нападеніе смѣшало Польское войско: ряды его разсироились, а Рускіе воспользовались эшимъ безпорядкомъ и славная побѣда сдѣлала навсегда незабвеннымъ для насъ день 24 августа. Болѣе 15,000 Поляковъ было убито, а остальные съ Гейманомъ ушли въ Польшу.

Освободясь такимъ образомъ отъ сильнаго войска непріятельскаго, посланнаго на помощь къ Полякамъ, Князья Пожарскій и Трубецкій еще смѣлѣе приступили къ несчастной столицѣ и окружили ее войскомъ со всѣхъ

споронъ. Поляки, не имѣя возможности выѣзжашь изъ города за съѣстными припасами, видѣли погибель свою, страдали опъ голода, который былъ такъ великъ, что они ѣли собакъ, кошекъ и мышей, но все еще упрямылись и не хотѣли покориться. Наконецъ страшный голодъ дошелъ до крайности, и 22 октября 1612 года Поляки сдались, и Москва, обезображенная, разоренная, но оживленная надеждами на будущее счастье, приняла съ любовью и благодарностью храбрыхъ освободителей своихъ.

Вслѣдъ за эпою радостію, Рускіе слышали о другой: Сигизмундъ, узнавъ о разбитіи Хопкевича, и видя, что войско его гибнетъ въ Россіи опъ голода и наступившихъ морозовъ, ошказался на время опъ своихъ гордыхъ намѣреній завладѣть отечесшвомъ нашимъ и ошправился въ Польшу. Но не онъ одинъ былъ сильнымъ врагомъ земли Руской и опаснымъ искашелемъ преспола ея. Съ другой стороны спра-

шилъ ее грозою знаменитый Густавъ-Адольфъ, тогда только что сдѣлавшійся Королемъ Шведскимъ. Онъ напоминалъ Новгороду и другимъ сѣвернымъ городамъ нашимъ клятву, данную ими Делагардію въ помъ, что они избираютъ Царемъ меньшаго брата королевскаго, принца Филиппа.

И такъ, прежде нежели вѣрный народъ успѣлъ порадоваться побѣдѣ своей, новая буря уже сбиралась надъ головой его! Спасши себя опъ ней можно было только подъ могущеспвенною защитою Царя—а его не было у Рускихъ! Спрахъ подвергнувшись новымъ бѣдамъ и увѣренность въ помъ, что счастье Россіи еспъ всегда *дѣло* Государя ея, заставили и вельможъ и народъ поспѣшить важнымъ выборомъ того, кому надобно было поручить судьбу опечесства. Но какъ прудень былъ эпомъ выборъ послѣ двухъ неудачныхъ! Царспвованіе Годунова и Шуйскаго пугало Рускихъ. Съ гореспію вспомнили они снова о несчастной кончинѣ Царевича

Димитрія и о томъ, что уже не поколѣніе прежнихъ Царей ихъ будетъ управлять ими. Печально и сомнительно смотрѣли они на знаменитые дома бояръ и не знали, въ какомъ изъ нихъ искать *Надежу-Государя*! Во время этой нерѣшимости, чувство живѣйшей благодарности привязывало ихъ къ князю Пожарскому и — какъ рассказываютъ нѣкоторыя повѣствователи, многіе, увлеченные имъ, уже думали назвать Царемъ — героя спасителя опечесства!

Утѣшительно была для князя Пожарскаго услышать о такомъ намѣреніи соотечественниковъ его: оно доказывало любовь и благодарность ихъ, а эти два чувства соспавляютъ всегда лучшія радости человека. Насладившись ими, знаменитый князь хотѣлъ быть въ полной мѣрѣ достойнымъ ихъ, и потому вмѣсто того чтобы воспользоваться восторгомъ, которымъ увлекались благодарныя сердца Рускихъ, онъ опклонилъ намѣреніе ихъ и былъ изъ

первыхъ напомнимъ вельможамъ и боярамъ—избирателямъ, о томъ, кто имѣлъ право на корону Россіи: это былъ близкій родственникъ Царей нашихъ, племянникъ незабвеннаго ангела, Анастасіи. „Правда — говорилъ князь Пожарскій, и другіе бояре, бывшіе одного съ нимъ мнѣнія, — онъ не принадлежитъ уже свѣту: умный и добрый Филаретъ нашъ—служитель Божій, и къ тому же, онъ теперь въ Польшѣ, плѣнникомъ Сигизмунда; но у него есть сынъ, у него есть шестнадцатилѣтній Михаилъ! Воистинну кто долженъ быть Царемъ нашимъ и по праву рожденія, и по праву заслугъ его предковъ, и по праву воспитанія своего: келліи монашеской и наставленія благочестивой матери-монахини ручаются намъ за чистоту его сердца! И такъ, друзья, пусть будетъ Царемъ нашимъ *Михаилъ Романовъ*.

„Да здравствуетъ Царь нашъ! да здравствуетъ Михаилъ!“ воскликнуло въ одинъ голосъ все собраніе. Такъ со-

гласно и быстро сдѣланъ былъ эшотъ счастливый выборъ! Имя Михаила, произнесенное такъ единогласно казалось для всѣхъ волею Бога, опредѣленіемъ небесъ. Народъ съ восхищеніемъ повторялъ восклицанія болръ: родспво избраннаго Царя съ поколѣніемъ Рюрика, съ добродѣшельною Анастасіею, удовлетворяло пламенные желанія Рускихъ, обѣщало имъ снова продолжишельное счастье! Съ чувспвомъ радости, уже не боясь за свою будущность, всѣ пошли въ церкви, благодарить Бога. Вы вѣрно угадаете, друзья мои, что въ это время всѣхъ пріятнѣе было молиться князю Пожарскому. На совѣспи у него было такъ чисто, такъ свѣшло, какъ будто сами ангелы прилетали за молитвою его, и небесно улыбаясь къ нему, несли ее къ Пресполу Божію! Память объ эшотъ знаменишотъ и великодушшотъ избавителѣ опечеснива нашего, во время величайшихъ опасностей его, продлился до ихъ поръ, пока будетъ существовать Россія, и по-

ка Рускіе budú чувспвишельны къ добродѣтелямъ своихъ предковъ. Эпи добродѣтели были не переняшыя опъ другихъ народовъ, но врожденныя въ сердцахъ ихъ: онѣ равно свойственны были у нихъ людямъ всѣхъ званій и сослоній, и маленькіе чипашели мои, удивляясь славнымъ дѣламъ царей, князей, бояръ, духовенства и наконецъ простыхъ мѣщанъ ихъ, — въ числѣ которыхъ былъ знаменитый Мининъ — удивятся еще болѣе, когда я скажу, что и самые крестьяне ихъ могли гордиться героями, достойными въ полной мѣрѣ этого названія! Прочитайте слѣдующій рассказъ и вы повѣрите этому.

И В А Н Ъ С У С А Н И Н Ъ

И

ЕГО ПОТОМСТВО.

1613 годъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ко-
стромы есть село *Домнино*. Въ немъ
живушъ 105 свободныхъ поселянъ, ко-
порые не плащшъ никому подашей,
не исполняютъ никакихъ повинностей
ш. е. не мостяшъ дорогъ, не держашъ
лошадей для почшы и проѣзжихъ, не
предспавляютъ рекрутъ на службу
Государеву, однимъ словомъ, не знаютъ

никакихъ тягостей жизни общественной, но пользуясь всѣми выгодами ея. Эпихъ счастливецъ называютъ *Бѣлопашцами*. Знаете ли, милые друзья мои, опъ чего они наслаждаются такою пріятною жизнью и кому обязаны всѣми преимуществами своими! О! это любопытное и шрогательное происшествіе! вы вѣрно поблагодарите меня, если я расскажу его. Послушайте же:

Въ то время, когда сердца всѣхъ Рускихъ, съ согласнымъ, единодушнымъ воспоргомъ назвали Государемъ своимъ Михаила Романова и уже съ неперпѣшемъ ожидали извѣстія о томъ, какъ приметъ онъ и благочестивая мать его, монахиня Марфа Іоанновна — по словъ Московскихъ, поѣхавшихъ къ нимъ съ усердными мольбами опъ имени всего народа, — Поляки, узнавъ объ эпойновости и предвидя какъ повредитъ она намѣренію ихъ завладѣть Россіей, рѣшились погубить избраннаго Царя. Шестнадцатилѣтній юноша, котораго отецъ, плѣнникъ въ Варшавѣ, оплакивалъ въ

пищинъ бѣдствія своего опечесива, а мать, невольна посприженная, проводила печальные дни въ келліи монастырской, — не могъ бытъ страшенъ для враговъ сильныхъ и многочисленныхъ, и погибель его казалось для нихъ легкою: все зависѣло отъ того только, чтобы сдѣлать это прежде, нежели послы успѣюшъ пріѣхашъ къ нему и превращишъ скромное, беззащитное жилище молодого боярина, въ неприступный, окруженный вѣрными подданными дворецъ избраннаго Государя.

Разсуждая такимъ образомъ оправили они опрядъ самыхъ рѣшительныхъ злодѣевъ въ помѣстье Романовыхъ. Это помѣстье было въ Костромской губерніи; къ нему принадлежало также и то село Домнино, о кошоромъ мы говорили въ началѣ этого сказа. Опрядъ Поляковъ съ ужаснымъ намѣреніемъ уже явился въ Домнинѣ: оставалось не болѣе версны до той деревни, гдѣ былъ господской домъ, въ кошоромъ жилъ молодой Михаилъ въ раз-

лукъ съ добрыми родителями, поскуча о несчастной судьбѣ опца, и услаждая горестъ свою, только свиданіями съ матерью, монахиною, жившею въ нѣсколькихъ верспахъ отъ него, въ монастырѣ Ицашьевскомъ. Убийцы не знали дороги въ эту деревню, и случайно встрѣпили крестьянина изъ села Домнина, *Ивана Сусанина*. Нетерпѣливо начали они спрашивать у него, какъ имъ найсти помѣстье новаго Царя Михаила Ѳеодоровича, и чшобъ не показаться подозрительными, злодѣи притворились, что посланы отъ друзей его съ тѣмъ, чшобы прежде всѣхъ поздравить съ неожиданнымъ счастіемъ. Но Сусанинъ былъ уменъ и смѣливъ: онъ скоро догадался, что имѣлъ дѣло не съ друзьями, но съ самыми жестокими врагами господина своего. По плашью, онъ пошчасъ увидѣлъ въ нихъ Поляковъ, а въ то время, эшого довольно было, чшобы встревожить всякаго Рускаго. Чувствуя, что отъ его скромности и осторожности

зависѣла жизнь боярина его, онъ въ ту же минуту рѣшился на всякое пожертвованіе, чтобы только спасти его. Искусно скрывъ радость, которая взволновала сердце его при извѣстіи о томъ, что молодой Михаилъ Теодоровичъ избранъ Царемъ Россіи, онъ отвѣчалъ на распросы Поляковъ самымъ простодушнымъ разговоромъ о томъ, что онъ очень хорошо знаетъ помѣстье Романовыхъ, что часто бываетъ тамъ, и можетъ проводить дорогихъ гостей помѣщика до самаго дома его. Пришворное простодушіе крестьянина обмануло Поляковъ: они повѣрили словамъ его и велѣли вести себя, какъ онъ знаетъ. Чтожъ вы думаете, милые дѣти, куда онъ повелъ ихъ? Совсѣмъ въ противоположную сторону отъ настоящей дороги! А между тѣмъ успѣлъ еще оповѣстить къ молодому Царю вѣсть объ угрожающей ему опасности. Долго Поляки шли съ проводникомъ своимъ, нигдѣ не останавливаясь, и наконецъ ночью пришли въ самый густой, дремучій лѣсъ, гдѣ

никогда никто не проходилъ и не проѣзжалъ. И тамъ еще Сусанинъ долго водилъ ихъ, увѣряя, что сбился въ темношть съ пропипки. Наконецъ злодѣи начали догадываться, что проводникъ обманываетъ ихъ, и съ гнѣвомъ сказали ему это.— „Нѣтъ! — отвѣчалъ добрый, неустрашимый Сусанинъ, уже предвидя свою мучительную смерть— нѣтъ! не я васъ, но вы обманули сами себя. Какъ могли вы думать, что я выдамъ вамъ нашего Государя? Онъ спасенъ теперь, и вы очень далеко отъ его помѣсшья! Волъ вамъ голова моя; дѣлайте со мною, что хотите, я отдаю себя Богу!“

Вы можете представить себѣ, милые читатели мои, какія жестокія мученія были наградой благороднаго Сусанина за его вѣрность и мужество, за его великодушное пожертвованіе собою! Злодѣи, видя предъ собою вѣрную смерть въ лѣсу, гдѣ никогда еще не было пропипано ни одной пропипки, гдѣ

земля покрыта была глубокимъ снѣгомъ, какъ будто-бы грозившимъ заморозить ихъ — бросились съ неописанною яростию на добраго слугу Романовыхъ, и ужасны были страданія, какія вытерпѣлъ онъ, умирая опъ рукъ ихъ! Но эти страданія были вознаграждены: на небесахъ, Богъ принялъ съ любовію прекрасную душу Сусанина; на землѣ, Царь, по царски наградилъ усердіе и вѣрность его: онъ далъ дѣшамъ своего спасителя земли, лежавшія въ окрестностяхъ села Домнина, половину деревни *Деревнищѣ*, принадлежавшей къ этому селу и наконецъ всѣ преимущества и выгоды, которыя должны на вѣчныя времена оплнчать пошомковъ Сусанина опъ другихъ крестьянъ государственныхъ. Слово *Бѣлопашцы* или *Бѣляне* произошло вѣроятно опъ того, что встарину опмѣненіе всѣхъ подашей и повинностей съ какого нибудь селенія или земли называлось *обѣленіемъ* ихъ, и въ Царской грамматкѣ, полученной дѣшми Сусанина, при-

казано было *обълить* деревню, имъ пожалованную. Здѣсь вспаши сказашъ вамъ, друзья мои, что эти дѣши и потомство ихъ не носяшъ названія Су-саниныхъ, но *Собаниныхъ*. Это потому, что у Ивана не было сына, но одна дочь *Антонида*, которая была тогда за мужемъ за *Богданолибъ Собиншлыбъ*, и имѣла двухъ сыновей: *Данила* и *Константина*. Вопшь они-то и воспользовались наградой за героическій поступокъ своего дѣдушки, и опъ нихъ-то происходятъ всѣ *Бѣлопашцы*, которыхъ по послѣднимъ извѣспіямъ считается уже сто-пять мужескаго и сто двадцать одна душа женскаго пола.

СКРОМНОСТЬ РОМАНОВЫХЪ.

Отъ 1613 до 1619 года.

(Пер. 6 лѣтъ.)

Прекрасная цѣль, къ которой стремилося доброе сердце вѣрнаго Сусанина, была достигнута почти въ то самое время, какъ онъ умиралъ отъ рукъ убійць своихъ: Московскіе послы нашли молодаго Михаила въ совершенной безопасности у Родительницы Его, въ монастырь Ипатьевскомъ. Весело приблизились они къ этимъ священнымъ стѣнамъ, заранѣе радуясь счастію по-

казанъ усердіе свое новому Царю прежде всѣхъ другихъ подданныхъ. Въ грамоташъ, конорую они везли къ Нему, народъ такъ прогашельно умолялъ его принять корону Рускую; эпа корона была такъ знамениша; блескъ, окружающій престоль, такъ пышенъ и пріятенъ, что никто изъ пословъ никакъ не воображалъ, чтобы молодой Бояринъ могъ одну минушу помедлишь своимъ согласіемъ на такое счастье! Но какъ же обманулись эпи добрые люди! Они не знали, какая скромность опличала семейство будущихъ Царей ихъ! И Михайлъ, и кроткая мать Его, не только не обрадовались, но даже испугались высокой чести, имъ предложенной! Первый, не смотря на молодость, обыкновенно гордую и высоко о себя думающую, совсѣмъ не считалъ себя способнымъ, быть Государемъ обширнаго Царства Рускаго; вторая — воспитавъ въ смиреніи милое дитя свое, совсѣмъ не приготовивъ его къ величію, еще больше шрудному по причинѣ чрезвычай-

ной молодости Михаила, и зная, какія опасности окружали въ это бурное время престолъ Рускій, видѣла одиѣ бѣдствія въ неожиданной переменѣ судьбы сына своего и проливая слезы никакъ не соглашалась благословить Его на царство. Напрасно умоляли ихъ послы и всѣ знатнѣйшіе бояре и духовенство: они съ пѣвредоспїю отказывались и согласно говорили, что почитаютъ дерзоспїю думать о такомъ предложеніи, и никогда не примутъ его.

Всѣ поражены были неожиданною горестію, лишаясь Царя, съ такимъ восшоргомъ всѣми избраннаго; царя, котораго скромность и добродѣтели уже въ шесшнадцати-лѣтнемъ возрастѣ такъ много обѣщали народу! Не зная, что дѣлать въ этомъ запруднительномъ положеніи, добрые предки наши прибѣгли къ обыкновенному помощнику своему, Богу, и усердно помолясь Ему въ соборной церкви Богородицы, пошли съ креснами и образами

еще разъ убѣждать Государя. Михаилъ и набожная родительница Его вышли на встрѣчу священнаго шествія, приложились къ образамъ, и вмѣстѣ съ ними вошли въ церковь. Здѣсь начались новыя просьбы, полились новыя слезы; но уже плакала не одна смиренная Марфа, плакалъ весь народъ, умоляя ее о согласіи. Главный изъ пословъ, Рязанскій Архіепископъ Теодоритъ, представлялъ ей разспроенное состояніе Россіи и всѣ несчастія, какія терзали ее съ тѣхъ поръ, какъ сиротѣи безъ Царя, она лишилась могущественнаго защитника своего, и сдѣлалась игралищемъ сосѣднихъ Государей и собственныхъ злодѣевъ; говорилъ все, что сердце, любящее отечество, можетъ придумать самаго убѣдительнаго; но видя, что всѣ слова его имѣютъ мало успѣха, сказалъ наконецъ, что Богъ въ день страшнаго суда спроситъ у сына ея отчепъ въ счастіи того народа, копорый отъ него одного ожидалъ оконча-

нія своїхъ бѣдствій и былъ отвергнутъ имъ.

Эта мысль о судѣ Божіемъ, о несчастіяхъ соопечесивенниковъ, и о томъ, что Богъ, ниспосылая Михаилу высокую судьбу Царя, безъ сомнѣнія ниспослешъ ему и силы къ исполненію всѣхъ трудныхъ обязанностей его, заставила ее рѣшиться. Со всѣмъ смиреніемъ Христіянки, подняла она крошкіе, полные слезъ взоры на небо, взяла за руку сына, и приведя его къ образу Богородицы сказала: „Великъ Господь и чудны дѣла Его! Воля Его никто не можетъ пропивиться! Тебѣ, о Матерь Божія! предаю дитя мое, уснрой Ему и всему православному Христіанству полезное!

Такова была молитва благочеспивой Матери перваго изъ Романовыхъ! Мы видимъ, какъ прекрасно исполнилась она, какъ блистательна слава Августѣйшихъ потомковъ Михаила, какъ могущеспвенъ народъ, живуцій подъ ихъ правленіемъ! Мы видимъ это и по-

тому имѣемъ полное право раздѣлить пошъ восторгъ, который въ эту торжественную минуу чувствовали предки наши. Согласіе матери обѣщало имъ согласіе сына ; и подлинно, скромный Михаилъ, какъ ни огорчался опаснымъ величіемъ будущей судьбы своей, какъ ни боялся всей важности новыхъ обязанностей, какъ ни умолялъ и мать, и народъ оспавить его въ счастливой неизвѣсности, но наконецъ долженъ былъ согласиться. Набожный, какъ и родинельница Его, Онъ прежде всего объявилъ предъ Богомъ согласіе свое и упавъ на колѣни, произнесъ прогашельнымъ голосомъ : « Господи ! да будетъ воля Твоя ! спаси меня : на Тебя одного уповаю ! »

Прекрасна , незабвенна для Россіи была та минуа, когда новый Государь ея , съ смиреніемъ ангела поднялся съ колѣнъ и принялъ первыя привѣтствія своихъ подданныхъ ! Смотря на храмъ Божій , гдѣ все это происходило , на священныя лики образовъ, хранительно

осѣнявшихъ молодаго Государя, на крошкѣй видѣ Его машери, споявшеи подлѣ Него въ святой одеждѣ монахини — не лѣзя было не сознашься, что самъ Богъ посылалъ Россіи избраннаго ею Царя, съ Его дѣлскою непорочностію, съ Его глубокимъ благочестіемъ, съ Его скромнымъ нравомъ, съ Его добрымъ сердцемъ! Архіепископъ шупъ же надѣлъ на Него живописорящій кресль Царскій, а старшій бояринъ поднесъ скипетръ. Это было 14 марта 1613 года.

Спустил нѣсколько дней, Государь выѣхалъ изъ Коспромы, и оспанавливаясь во многихъ городахъ для занятія дѣлами государспвенными, и въ монастыряхъ, для моленья,—не прежде 19го апрѣля пріѣхалъ нѣ Москву. Не буду рассказывать вамъ, друзья мои, съ какимъ восшоргомъ народъ встрѣчалъ Его во всѣхъ мѣстахъ зного пупешествія, и наконецъ въ самой Москвѣ! Вы уже имѣете понятіе о привязанности Рускихъ къ Царю своему, во время величайшаго счастья и славы ихъ и по-

тому можете представить себѣ что чувствовали они, встрѣчая во время бѣдствій того, отъ кого ожидали облегченія своихъ спраданій, вознагражденія за все претерпѣнное, новой жизни послѣ своего уничиженія? Въ это время, Москва сожженная, разграбленная, обезображенная, переспавъ считаешь себя сиротою, не замѣчала печальныхъ развалинъ своихъ и въ очарованіи радости, казалась для всѣхъ горделивою, пышною и прекрасною. За то добрый Михаилъ замѣчалъ эти развалины, и не смотря на всѣ пріятныя ощущенія сердца, не разъ оширалъ слезы, проѣзжая въ день въѣзда своего по улицамъ Московскимъ. О! какъ хотѣлось ему утѣшить бѣдныхъ Москвитянъ! Какъ хотѣлось ему скорѣе возвратитъ имъ прежнее счастье ихъ!

Съ первыхъ дней своего царствованія онъ началъ заботитъся объ эпомъ, и въ полной мѣрѣ оправдалъ надежды Рускихъ, не смотря на всѣ трудности, какія должно было Ему побѣдитъ, упра-

вляя государствомъ со всѣхъ сторонъ разоряемымъ! Жестокіе враги нашего отечества еще не усмирились, и Шведы, въ сѣверныхъ областяхъ его, — Поляки и помощникъ ихъ, Гепманъ Запорожскихъ казаковъ Сагайдашній — въ западныхъ, измѣнникъ Заруцкій — въ Аспрахани, продолжали свои злодѣянія. Первые дѣйствовали именемъ принца Филиппа, вторые именемъ Владислава, который наконецъ и самъ пришелъ съ войскомъ къ Москвѣ, пребывая короны Руской, претій — съ такъ называемою Царицею Мариною еще не оставлялъ безумной надежды завладѣть со временемъ престоломъ, и покоривъ себѣ Аспраханъ, жилъ тамъ царемъ и уже отправлялъ посольства къ Персидскому Шаху Аббасу, прося его о покровительствѣ прошивъ Рускихъ.

Вошъ сколько опасностей угрожало Михаилу, милыя дѣти! Но съ твердосію, съ осторожностію и благоразуміемъ, онъ всегда находилъ средства избѣгать или совсѣмъ уничтожать ихъ.

Прежде всего онъ старался избрать въ совѣтники свои, самыхъ достойныхъ изъ тѣхъ бояръ и воеводъ, которые участвовали въ спасеніи отечества. Разумѣется, что первое мѣсто въ этомъ избранномъ числѣ, занимали Князья Пожарскій и Трубецкій, и знаменитый гражданинъ Нижняго-Новгорода Мининъ. Но послѣдній не долго пользовался своимъ счастьемъ. Жизнь при дворѣ была не по немъ: доброе сердце его, привыкшее къ простотѣ, посковало по родинѣ, не смотря на всѣ милости Царскія, и спустя пригода, Мининъ выпросилъ у Государя позволеніе оставить свою должность *Душнаго Дворянина*, и отправиться домой. Въ томъ же году онъ скончался и погребенъ въ Нижегородской Соборной церкви Преображенія Господня.

Я увѣрена, что каждый и каждая изъ тѣхъ маленькихъ чинашелей моихъ, которыхъ судьба, какимъ нибудь случаемъ заведетъ въ Нижній-Новгородъ — нарочно сходятъ поклониться

этой знаменитой и драгоценной для насъ гробницѣ. Знаете ли кто поклонился ей однажды? Пётръ, нашъ незабвенный Пётръ! Вѣдь вы вѣрно ужъ знаете какимъ великимъ Государемъ Онъ почитается во всѣхъ испоріяхъ, гдѣ говорятъ о Немъ, какъ прославляютъ Его, не только Рускіе, но даже всѣ другіе народы, знающіе Рускихъ! И шакъ, эиотъ знаменитый Пётръ, проѣзжая однажды мимо Нижняго - Новгорода былъ въ церкви Преображенія, и подошедши къ гробницѣ Минина поклонился ей до земли и сказалъ: „На этомъ мѣснѣ погребень освободитель Россіи!“ О! какъ эи слова должны бытъ пріятны для того, кто заслужилъ ихъ! Безсмертная душа Минина, можетъ бытъ и въ небесномъ мѣрѣ почувспивовала сладость ихъ, и тамъ благословила Внука, шакъ какъ на землѣ благословляла Дѣда, за счастье отечества! Пётръ былъ Внукъ того Михаила, къ копорому мы возвращимся шеперь, друзья мои.

И такъ, выбравъ себѣ умныхъ и вѣрныхъ совѣтниковъ, наградивъ всѣхъ кто показывалъ усердіе къ опечеспву въ несчастное время междуцарствія, и просивъ всѣхъ раскаявшихся измѣнниковъ, молодой Государь, коронованный 13 іюля того-же 1613 года, любимый единодушно народомъ, покровительствуемый Богомъ, принялся за устройство царства, почти разрушеннаго.

Изъ многочисленныхъ враговъ Россіи прежде всѣхъ погибъ Заруцкій. Усмирить его, много помогъ попомъ самый Шахъ Аббасъ, отъ котораго онъ ожидалъ покровительства. Зная о его злодѣйствахъ, умный Шахъ не поддастся въ обманъ и уважая Царя Рускаго выдалъ Посланнику его, чиновниковъ Заруцкаго. Вскорѣ попомъ, Заруцкій услышалъ, что къ Аспрахани приближается опрядъ войскъ, посланный прошивъ него изъ Москвы, подъ начальствомъ Князя Одоевскаго. Злодѣй испугался и вмѣстѣ съ Мариною и сыномъ ея бѣ-

жалъ на одинъ изъ острововъ рѣки Урала. Но Князь Одоевскій и тамъ опыскалъ его, взялъ въ плѣнъ, и успокоивъ бѣдныхъ Аспраханцевъ, спрадавшихъ подъ жестокою властію бунтовщика, привезъ его въ Москву. Здѣсь, и онъ, и сынъ Марины были казнены, а сама она умерла съ досады и горя въ шеницѣ.

Освободивъ Россію отъ этихъ внутреннихъ враговъ ея, молодой Царь въ тоже время старался и объ усмирениіи вѣнскихъ. Забошясь гораздо болѣе о спокойствіи подданныхъ, нежели о распротраненіи владѣній своихъ, онъ благо разумно согласился на миръ съ Швеціей. Этотъ миръ, заключенный въ 1617 году въ *Столбовѣ*, близъ нынѣшняго Тихвина, не былъ выгоденъ для Михаила, пошому что онъ долженъ былъ уступить Швеціи — Ингерманландію и Карелію, и отказатьсь отъ правъ своихъ на Лифляндію и Эстляндію, но зато Новгородская область благословила умѣренность Царя своего и несчастные

жишели ея отдохнули отъ бѣдствій, какія нѣсколько лѣтъ терпѣли отъ Шведскихъ войскъ и Делагардія.

Въ слѣдующемъ 1618 году, Михайль заключилъ миръ и съ Польщею. Вы слышали, милыя дѣти, что Владиславъ, вмѣстѣ съ апаманомъ Сагайдашнымъ, былъ уже подъ стѣнами Москвы. Ему очень хотѣлось надѣшь на себя славную корону Рускую, и пошому не удивительно, что онъ даже и разбойниковъ бралъ въ союзники свои: Запорожскіе казаки съ апаманомъ своимъ были настоящіе разбойники. Кромѣ того, Владиславъ привелъ съ собою наемное войско Венгровъ и Нѣмцевъ, и спарался сколько могъ возмущить противъ Царя жишелей всѣхъ обласней, мимо копорыхъ проходилъ; но все это было напрасно: пятилѣтнее правленіе такъ утвердило Рускихъ въ привязанности ихъ къ Михаилу, такъ явно показало имъ всѣ прекрасныя качества и всѣ умныя распоряженія его; такъ убѣдило ихъ въ мысли, что онъ одинъ

можешь спасти опечество ихъ отъ погибели, что жадный Королевичъ Польскій почти вездѣ встрѣчалъ отказы на безчестныя предложенія свои, и только развѣ силою могъ заставить жишелей нѣкоторыхъ городовъ и селеній измѣнить законному Государю. Другимъ препятствіемъ для намѣреній Владислава — были храбрые полководцы Михаила, между кошорыми болѣе всѣхъ отличались Князья: Пожарскій и Трубецкій, Окольничій Годуновъ и Воевода Жеребцовъ. Первые при заставили Владислава отступить отъ Москвы, послѣдній отъ монастыря Троицкаго. Это священное мѣсто, такъ часто защищавшее опечество наше, опять спасло его: здѣсь Владиславъ, въ первый разъ почувствовалъ невозможность завладѣть престоломъ Россіи, и отказался отъ этого безразсуднаго намѣренія. Онъ послалъ въ монастырь къ воеводѣ Жеребцову и келарю Авраамію грамоту, въ кошорой писалъ, что соглашается переговорить о мирѣ. Вы можете пред-

спавишь себѣ, друзья мои, что послѣ всѣхъ ужасовъ, какіе происходили въ Россіи опть эпой продолжительной войны съ Поляками, предки наши очень обрадовались предложенію Королевича, и Царь Михаилъ Феодоровичъ шопчасъ же опправиль въ монастырь для мирныхъ переговоровъ одного изъ первыхъ бояръ своихъ — *Шереметева*, съ двумя дьяками *Болотниковымъ* и *Соловымъ*. Они съѣхались съ Польскими министрами и чиновниками въ деревнѣ Деулиной, лежавшей въ 3 верстахъ опть монастыря, и послѣ многихъ споровъ съ обѣихъ сторонъ, согласились помириться на четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ. Эпо перемиріе дорого стоило Россіи: она должна была уступить Польшѣ много городовъ своихъ, и въ томъ числѣ: *Смоленскъ*, *Черниговъ*, *Новгородъ - Сѣверскій* и *Стародубъ*. Но эпа потеря замѣнялась леспнымъ вознагражденіемъ: кромѣ того, что всѣ войска Польскія оспавляли Россію, родитель добраго Михаила, знаменитый *Филаретъ Никитичъ*, получилъ свободу

послѣ девяти-лѣшняго плѣна въ Варшавѣ.

Не знаю, что описать вамъ, милые чипашели мои, — шу ли шихую, небесную радость опца, какую чувствовалъ добродѣтельный Филаретъ въ минушу, когда узналъ, что Богъ шакъ милоспиво вознаграждалъ его продолжительныя спраданія, и съ такою славою возвращалъ на родину, въ объятія милаго сына и Царя, уже нѣсколько лѣтъ прославляемаго народомъ, или по пылкое, неограниченное восхищеніе, какимъ наполнялось сердце сына, при одной мысли о близкомъ свиданіи съ нѣжнымъ родителемъ? Вамъ не понятъ еще высокое, святое чувство этого счастливаго опца и къ маленькимъ сердцамъ вашимъ гораздо ближе сыновняя радость молодого Михаила.

И шакъ послушайте объ этой радости. Въ то время во всей Россіи говорили о ней. И старики, и дѣти рассказывали другъ другу о томъ, съ ка-

кимъ неперифніемъ ождаеть Царь опца своего, какія почести гошовитъ ему, съ какою заботливоснію посылаетъ государственныхъ чиновниковъ вспрѣчась его во всѣхъ городахъ, гдѣ онъ будетъ останавливаться! О! какъ бы желала я, чшобы всѣ вы, маленькіе друзья мои, со вниманіемъ прочли и навсегда оставили въ памяти то, чшо рассказываетъ намъ исторія объ эпшомъ глубокомъ уваженіи Царя Михаила Ѳеодоровича къ своему Родителю! Послѣ такого высокаго примѣра, вѣрно никто изъ васъ не захотѣлъ бы быть непочтительнымъ къ своему папенькѣ или неблагодарнымъ къ маменькѣ, но каждый старался бы имѣть хотя часть того прекраснаго чувства, съ которымъ Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы на встрѣчу опца своего, и увидѣвъ его, упалъ предъ нимъ на колѣни, не смотря на свое царское достоинство! Какая картина мѳжетъ сравниться съ эпою трогательною картиной? Бояре и народъ, видѣвшіе ее, надолго сохранили

драгоцѣнное воспоминаніе о ней, и навсегда увѣренность въ счастіи отечества: добрый сынъ не могъ не быть и добрымъ отцемъ и Государемъ.

Михаиль, въ эпоху счастливыя день, не хопгълъ радовашься одинъ: Онъ осыпалъ милостіями своихъ подданныхъ, простилъ всѣхъ преступниковъ, освободилъ всѣхъ заключенныхъ, и наконецъ заложилъ каменную церковь во имя того Святаго, чья память праздновалась въ день возвращенія Филарета.

Со времени эпохи возвращенія, счастье Россіи еще болѣе утвердилось: она имѣла теперь, какъ будто двухъ Государей, или лучше сказать одного Государя, въ двухъ лицахъ. Съ свѣжими, юношескими силами Михаила, съ пылкимъ усердіемъ Его молодаго сердца, соединилась вся зрѣлость ума, вся долговременная опытность Его родителя. Какъ благодѣтельно было для Россіи это соединеніе! Всѣ дѣла государственныхъ шли въ стройномъ порядкѣ: сынъ

съ уваженіемъ принималъ малѣйшіе со-
вѣшы ошца; ошець не имѣлъ другой
цѣли, кромѣ счастія и славы Россіи. Во
всѣхъ граммапахъ Царскихъ писали
такъ: „Государь, Царь и Великій
„Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всей Рос-
„сіи, и ошець Его, Великій Государь,
„Святѣйшій Папріархъ Филарешъ Ни-
„кишичъ Московскій и всей Россіи,
„указали.“ — Филарешъ Никишичъ по-
священъ былъ въ Папріархи вскорѣ по-
слѣ пріѣзда своего изъ Польши, но
только однѣ неошступныя просьбы
Сына, бояръ и всего народа преклонили
добродѣтельного и смиренного Мипро-
полиша принять это высокое званіе.
Такъ скромность была опличительнымъ
свойствомъ Семейства Романовыхъ, при
первыхъ шагахъ Его къ величію; такъ
сосшавляешъ она и теперь его лучшее
украшеніе на высочайшей степенн этого
величія!

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ.

Опшъ 1619 до 1626 года.

(Пер. 7 лѣтъ.)

Первая супруга Михаила Феодоровича была Марія Владиміровна, Княжна Долгорукая. Они нѣжно любили другъ друга, и пошому были очень счастливы, но это счастье исчезло какъ сонъ: молодая Марія скончалась чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ свадьбы своей. Печальный Царь неушѣшно плакалъ по ней, и долго не могъ рѣшиться выбрать другую супругу не смотря на

то, что народъ пламенно желалъ чшобы добрый Государь его, за всѣ пируды и безпокойства, соединенные съ престоломъ, былъ снова награжденъ счастьемъ семейственной жизни. Не одинъ разъ подданные Михаила даже просили Его объ этомъ; но Царь продолжалъ отказываться: для Него довольно было любви добрыхъ родителей Его! Но когда и ояи начали совѣтовать Ему выбратьъ себѣ другую супругу— Михаилъ Феодоровичъ рѣшился исполнить общее желаніе и въ январѣ 1626 года—приказалъ, по обыкновению прежнихъ царей Рускихъ, привезши ко двору прекрасныхъ дѣвиць изъ знашнѣйшихъ фамилій въ государствѣ.

Красавицы не съ такимъ спрахомъ собирались на этотъ съѣздъ, какъ въ то время, когда Іоаннъ IV выбиралъ первую супругу свою. Слухъ о крошости и любезныхъ качествахъ Михаила, былъ такъ различенъ отъ того, что говорили о Грозномъ, что всѣ молодые боярышни, назначенныя

къ выбору, съ радостію спѣшили въ Москву и съ самыми пріятными надеждами входили во дворецъ Государевъ. Ихъ было шестьдесятъ. Каждая изъ нихъ имѣла при себѣ прислужницу. Эти прислужницы остались съ ними во дворцѣ и тогда, когда уже насталъ день выбора.

О! какъ встревожены были бѣдныя дѣвушки въ эпоху важный для нихъ день! Какъ бились сердца ихъ! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали онѣ той минушы, когда Государь придетъ смотрѣть ихъ! Каждой хотѣлось быть Царицею добраго, прекраснаго и видомъ и душой— Михаила! По упрямству онъ прислалъ имъ богатыя платья: ни одна не осталась—безъ дорогаго сарафана и повязки! Чудно блистали дорогіе камни на этихъ повязкахъ, прелестны были красивыя сарафаны изъ золотой парчи и глазеша, но еще прелестнѣе всего этого были прекрасныя лица дѣвушекъ, на кошорыхъ безпрестанно можно было чашать какое нибудь но-

вое чувство: то беспокойство ожидания, то радость надежды, то горделивость будущей Царицы. Заботливо надѣвали онѣ великолѣпные наряды свои; весело любовались собою въ зеркалахъ, украшавшихъ Царскія комнаты, и многія, очень многія сердито покрикивали на бѣдныхъ прислужницъ за неловкость или неумѣнье ихъ.

Вотъ наконецъ настала вечеръ. Молодой Государь, вмѣстѣ съ Родительницею своею, пришелъ къ невѣстамъ; нѣсколько времени смотрѣлъ на прекрасное собраніе красавицъ, но взоры его равнодушно переходили съ одной изъ нихъ на другую, и вовсе не восхищались ни привлекательными лицами ихъ, ни пышностію наряда. Вдругъ выраженіе эгихъ взоровъ перемѣнилось: они привѣтливо остановились на дѣвушкѣ, робко прищипнувшейся нѣсколько поодаль блистательныхъ Княженъ. Повязка ея не сіяетъ алмазами; простой пѣмнинькій сарафанъ не украшенъ золотыми нашивками, на

прекрасной шеѣ и рукахъ не перевивающа зерна крупнаго жемчуга, но едва примѣшно нѣсколько ничотчекъ разноцвѣтнаго бисера. Кто бы подумалъ, что на эту дѣвушку, такъ скромно одѣтую, на эту дѣвушку, по всему походившую на прислужницу копорой нибудь изъ знаменитыхъ боярышенъ, можно было хопя однажды взглянуть въ той комнатѣ, гдѣ было шестидесятъ пышныхъ красавиць? Но молодой Царь взглянулъ на нее, и не захопѣлъ глядѣть ни на кого болѣе. Крошкое, милое лице ея, рѣшило выборъ, и сердце Михаила въ ту же минуу назвало ее своею супругою. Однакожъ, никто еще не узналъ этого намѣренія въ то время, когда Царь вышелъ изъ комнаты: Онъ долженъ былъ прежде всего объявить его своей матери. Какъ удивилась Марфа Иоанновна! Сначала она старалась переменить мысли сына своего, представляя Ему, какъ огорчатся выборомъ Его знавшіе бояре, опцы и родственники со-

бравшихся невѣснѣ; но потомъ, видѣвъ пвердую рѣшипельность его, согласилась. Послали узнать имя счастливницы; оно было — *Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева* — дочь Можайскаго дворянина.

Евдокія — кошорой отецъ, не смотря на свое старинное дворянство, былъ такъ бѣденъ, что самъ обрабатывалъ поле свое и жилъ въ маленькой деревушкѣ — пріѣхала въ Москву, прислужницею при дальней родсшвенницѣ своей. Эта родсшвенница была горда, сердита, своеправа, и потому бѣдной Евдокии, съ ея пихимъ и кропкимъ нравомъ, часто случалось плакать отъ горя; но чтобы имѣть возможность помогать отцу — добрая дѣвушка терпѣливо переносила все, никогда не жаловалась, и надѣясь, что Богъ наградитъ когда нибудь ея труды и терпѣніе. Въ какомъ неописанномъ положеніи находилась она въ то время, когда эта надежда исполнилась, и Богъ, въ самомъ дѣлѣ наградилъ доброе сердце ея такимъ блистательнымъ образомъ! По-

чишая неожиданное счастье свое — этою драгоценною наградой. — она приняла его съ радостью и смиреніемъ и была на тронъ Царскомъ еще привѣтливѣе и добрѣе, нежели прежде въ своемъ бѣдномъ состояніи. Это чувствовала болѣе всѣхъ молодая родственница ея, кошорая, прежде, такъ грубо обходилась съ нею, а теперь, не зная, какъ благодарить добрую Царицу за ласки, кошорыми она старалась доказать, что простила всѣ сдѣланныя ей обиды.

Съ такою добродѣтельной подругою, Михаилъ Феодоровичъ не могъ не быть счастливымъ. Любовь ея услаждала для Него огорченія, неразлучныя съ управленіемъ государствомъ, во всѣхъ часяхъ разсвоеннымъ, подкрѣпляла мужество его въ неудачахъ, увеличивала радость въ счастливыхъ окончаніяхъ намѣреній, предпринятыхъ для пользы любимаго народа. Наконецъ, почтительная привязанность Евдокіи къ благочесивымъ Родителямъ Михаил-

ла, соединяя еще нѣжиѣ Семейство царское, доставляло ему то счастье какимъ рѣдко можно наслаждаться на тронѣ.

Маленькія чипапелъницы мои! Вы видите изъ примѣра Царицы Евдокии, какъ мало значашъ самые пышные и блестящіе наряды! Не цѣните же ихъ слишкомъ высоко, и помните, что никогда дѣвушка не можетъ быть такъ мила и привлекательна, какъ въ то время, когда она скромна, просто одѣта и вовсе не думаетъ восхищать всѣхъ собою.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ

МИХАИЛА ТЕОДОРОВИЧА

и

КОНЧИНА ЕГО.

Отъ 1626 до 1645 года.

(Пер. 9 лѣтъ.)

Но не смотря на все семействен-
ное счастье свое, увеличившееся въ по-
слѣдствіе времени рожденіемъ двухъ
дочерей, а въ 1629 году — рожденіемъ
наслѣдника престола, Царевича *Алексія*
— у Михаила Теодоровича, бывали ми-
нушы, въ которыя не могли развесе-
лишь его ни нѣжность супруги и ро-

дипелей, ни ласки дѣтей. Это бывало тогда, когда какія нибудь новыя опасности угрожали подданнымъ Его, какія нибудь новыя несчастія расправляли свѣжія, еще не зажившія раны ихъ. Такого рода огорченія, чаще всѣхъ причиняли добродушному Государю неугомонные сосѣди наши, Поляки. Королевичъ ихъ, Владиславъ, не смотря на заключенное перемиріе, не смотря на обѣщаніе свое опказаться опъ всѣхъ пребываній на царство Руское, все еще тайно ласкался надеждою, рано или поздно завладѣть имъ. Въ 1652 году, умеръ отецъ его, Сигизмундъ III, и Владиславъ, сдѣлавшись наследникомъ его, началъ еще смѣлѣе надѣяться, и не постыдился при самомъ восшествіи своемъ на престоль принять на себя вмѣстѣ съ именемъ *Короля Польскаго*, и имя *Царя Московскаго*. Такая дерзость не могла оспаться безъ наказанія, и зная, какъ губительно было всякое нашествовіе Поляковъ на Россію, осторожный Михайль принужденъ былъ преду-

предить Владислава и послать войско къ Смоленску. Съ горестію видя эпомъ знаменитый городъ въ рукахъ непримиримыхъ враговъ своихъ, Царь хотѣлъ при эпомъ случаѣ возвратить его. Рускіе радовались такому намѣренію, и надѣялись, что оно будетъ удачно: войско соспало изъ 100,000 человекъ, и было подъ начальствомъ знаменитаго воеводы Михаила Борисовича Шеина. Шейнъ прославился въ томъ же самомъ Смоленскѣ, во время продолжительной и несчастной осады эпого города Сигизмундомъ. Маленькіе чинашели мои вѣрно помнятъ, какую ошчаянную храбросіть показали тогда Смольяне, и какъ многіе изъ нихъ, будучи принуждены сдаться, рѣшились лучше погибнуть ужасною смертію подъ развалинами взорванной церкви, нежели быть плѣнниками Поляковъ. Первый примѣръ эпой неуспрашимости, эпой пламенной любви къ отечеству подавалъ жителямъ Смоленска, градоначальникъ ихъ, *Шейнъ*. За то,

Часть III. 11

когда Поляки взяли Смоленскъ, Шейнъ сдѣлался первою жертвою ихъ. Безчеловѣчно погубивъ все его семейство, они отправили его самага, плѣнникомъ въ Варшаву. Онъ прожилъ тамъ двѣнадцать лѣтъ и возвратился въ одно время съ Филаретомъ Никитичемъ. Въ душѣ его пылала непримиримая ненависть къ Полякамъ—убійцамъ супруги и дѣшей его; кому же лучше можно было поручить возвращеніе того города, гдѣ былъ онъ счастливъ вмѣстѣ съ ними и опмщеніе врагамъ его? Такъ думалъ Государь, такъ думали всѣ! Но вышло не то! Подивитесь, друзья мои, что рассказываютъ современники объ этомъ странномъ, удивительномъ для Рускихъ происшествіи.

Шейнъ уже подошелъ съ войскомъ къ Смоленску и пошчасъ приказалъ сдѣлать приступъ. Воины быспро взлешъли на стѣны, но вдругъ сзади, изъ собственнаго лагеря ихъ, спали стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ! Пораженные ужасомъ при видѣ такой низо-

спи, совершенно не понимая, что она значила, несчастные, не могли продолжать своего дѣла и принуждены были опуститься. Причина такого поступка осталась неопкрытою. Одни писали называють это ошибкою, происшедшею отъ поропливости Воеводы, не разсмотрѣвшаго своихъ, другіе приписываютъ это измѣнѣ его, претѣмъ и самыя достовѣрнѣйшіе говорятъ, что измѣнникомъ былъ не онъ, а начальникъ наемнаго войска, генералъ *Леслій*. Какъ бы то ни было, но Рускіе опустили, Рускіе испытали стыдъ, до сихъ поръ имъ неизвѣстный, и уже во все продолженіе этой несчастной войны чувствовали вліяніе этой жестокой неудачи: уныніе распространилось по всему войску и съ каждымъ днемъ увеличивалось, особенно съ того времени, какъ оно услышало, что самъ Король идетъ къ Смоленску. Огорченный Царь, узнавъ о такомъ жалкомъ положеніи воиновъ, на которыхъ такъ много надѣялся, послалъ на помощь къ нимъ

новые полки под начальствомъ Князей Черкаскаго и Пожарскаго. Но прежде нежели они успѣли дойти до Смоленска, Владиславъ съ сильною арміею былъ уже тамъ, и не разбилъ, но какъ будто какою-то волшебною силою побѣдилъ Рускихъ: они, почти безъ сраженія начали отступать, и такъ скоро, и съ такимъ, казалось, страхомъ, что всю артиллерію свою, всѣ военные снаряды и весь обозъ оставляли непріятелю, а знамена даже положили передъ королемъ! однимъ словомъ, Руское войско не узнавало само себя въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, а иностранцы, бывшіе въ немъ, и самъ король Польскій, не вѣрили глазамъ своимъ! Когда же вѣсть объ этомъ разнеслась по Россіи—всѣ въ одинъ голосъ сказали, что Рускіе не способны къ такой храбрости, что въ этой легкой побѣдѣ Поляковъ есть что-то особенное, что главный Воевода долженъ быть измѣнникъ и Шейнь—еще такъ недавно любимый и уважае-

мый всѣми соотечественниками своими, Шейнь — надежда Государя и народа, сдѣлался независимымъ для всѣхъ, и заплашилъ жианію за свою вину и несчастіе. Шейнь былъ гордъ и имѣлъ много враговъ, а клевета можетъ очернить и знаменитаго мужа; бывали примѣры тому. Какъ бы то ни было, его обвинили въ измѣнѣ, и мы знаемъ, что Царь Михаилъ съ горестію подписалъ приговоръ, осуждавшій его на смерть. Вмѣстѣ съ Шейнымъ казненъ былъ и товарищъ его, Окольничій *Измайловъ*.

Вопшь какія огорченія оставляли глубокіе слѣды въ чувствительной душѣ Михаила! Въ то время, какъ онъ испытывалъ ихъ, Владиславъ наслаждался своими побѣдами, и только имя Князя Пожарскаго, остановило блестящіе успѣхи его : какъ скоро онъ услышалъ, что избавитель Россіи приближается къ Смоленску, тотчасъ показалъ готовность къ миру, и чтобъ не продолжаться войны, которая могла дурно кончиться для него, не смотря на самое

лестное начало, согласился на многія требованія Рускихъ, на примѣръ: обязался возвратишь имъ большую часть сокровищъ, увезенныхъ Поляками изъ Кремля, отдашь шло Царя Василя Иоанновича Шуйскаго, а что всего важнѣе, отказался навсегда опъ имени Царя Рускаго. Но и Михаилъ Теоодоровичъ не возвратилъ при этомъ мирѣ ни одного изъ городовъ, отданныхъ Полякамъ въ 1618 году, и кромѣ того долженъ былъ оставишь всѣ свои требованія на Ливонію, Эспляндію и Курляндію.

Судьба, уменьшая владѣнія Михаила на западѣ, увеличивала ихъ на востокѣ: храбрые Казаки, слѣдуя примѣру знаменипаго Ермака, помогали Рускимъ купцамъ распространяшь торговлю въ странѣ, имъ завоеванной, и съ каждымъ годомъ далѣе и далѣе проводили караваны ихъ, такъ что уже около 1635 года почти вся Сибирь до Камчатскаго моря принадлежала Рускимъ. Города, одинъ за другимъ спро-

ившіеся памъ, оживляли лѣса и пустыни новаго царства, знакомили дикихъ жителей его съ началомъ образованнаго общества, доказывали попечительность Государя о самыхъ отдаленныхъ подданныхъ Его. Туринскъ, Енисейскъ, Ирбитъ, Якутскъ и многіе другіе города въ Сибири были построены въ это время. Въ Туринскъ, тогда же открыта была первая желѣзная руда въ Россіи.

Заботясь объ устройствѣ всѣхъ частей государства своего, Михаилъ Ѳеодоровичъ выдалъ также важный указъ о крестьянахъ. Надобно сказать вамъ, милыя дѣти, что вспарину крестьяне наши имѣли право переходить отъ одного помѣщика къ другому. Вы легко можете представить себѣ сколько безпорядковъ происходило отъ этого права: своевольные крестьяне, но сами безпрестанно переходили отъ одного господина къ другому, но богатые помѣщики переманивали ихъ у бѣдныхъ, чтобы населять свои обширныя зем-

ли. Во время междуцарствія эти безпорядки дошли до крайности: крестьяне цѣлыми селеніями переходили съ одного мѣста на другое, и дорогою, не боясь наказаній, дѣлали разбои и даже убійства. Михаилъ Феодоровичъ при самомъ началѣ своего правленія обратилъ на это вниманіе, но воюя съ Швеціею и Польшею и усмиряя Самозванцевъ, разорявшихъ бѣдное отечество наше—Онъ не могъ до 1625 года сдѣлать рѣшительное распоряженіе о крестьянахъ. Въ этомъ году вышелъ указъ о томъ, чтобы всѣхъ ихъ переписать и оставивъ на вѣчныя времена при пѣхъ деревняхъ и поитѣстьяхъ, при кошорыхъ они будутъ занисаны. Съ пѣхъ поръ кончились своевольства всякаго рода: помѣщики начали болѣе заботиться о людяхъ, которые должны были всегда принадлежать имъ; крестьяне, зная, что уже не могутъ перемѣнить господъ своихъ, болѣе старались заслуживать любовь ихъ и при-

лѣжнѣе работали на тѣхъ поляхъ , которыхъ уже не смѣли оставить.

Такъ Михаилъ Теодоровичъ во все продолженіе своего царствованія былъ попечительнымъ , благоразумнымъ и нѣжнымъ опцемъ своихъ подданныхъ.

Въ 1634 году скончался великій помощникъ Царя въ трудномъ дѣлѣ правленія : родитель Его , Патриархъ Филаретъ Никишичъ ! Твердо помня всѣ наставленія его , Михаилъ , съ такою же какъ и прежде , славою , продолжалъ свое царствованіе и до самой кончины своей , случившейся 13 Іюля 1645 года , остался шѣмъ благодѣтельнымъ ангеломъ Россіи , который , казалось , слетѣлъ къ ней съ небесъ , чтобы воскресить умирающія силы ея , и разогнавъ шемную ночь безнадежности , пролилъ на все существо ея прекрасный свѣтъ новой жизни !

ТАБЛИЦА XLII.

Семейство Царя Михаила I-го Θεодоровича Романова.

Супруги: 1-я *Марія Владиміровна, Княжна Долгорукая.*

2-я *Евдокія Лукьяновна, дочь дворянина Спрѣшнева.*

Дѣти отъ послѣдней:

- a. **Алексій, наслѣдовалъ пресполъ.**
 - b. **Іоаннь**
 - c. **Василій**
 - d. **Ирина.**
 - e. **Целагея.**
 - f. **Анна.**
 - g. **Марфа.**
 - h. **Софія.**
 - i. **Ташіана.**
 - k. **Евдокія.**
- { скончались въ дѣтс-
ствѣ.

БОЯРИНЪ МОРОЗОВЪ

и

МЯТЕЖИ НАРОДНЫЕ.

Опль 1645 до 1649 года.

(Пер. 4 лѣтъ.)

Сынъ и наслѣдникъ скончавшаго Государя, пятнадцати-лѣтній Царевичъ Алексій былъ еще такъ молодъ, что не могъ царствовать безъ совѣтника. Судьба—въ этомъ случаѣ, не была къ нему такъ милоспива, какъ къ Его родителю, и первый совѣтникъ Его, вовсе не походилъ на благочеспиваго руководителя Михайлова, великаго Па-

тріарха Филарета. Это былъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, человекъ гордый, завистливый, жадный къ богатству. Будучи очень хитръ, онъ научился съ самыхъ молодыхъ лѣтъ скрывать свои пороки подъ такою пріятною и обманчивою наружностью, что всѣ считали его самымъ лучшимъ изъ бояръ, и Михаилъ Осодоровичъ поручилъ ему даже воспитаніе Наслѣдника. Хитрый наставникъ скоро узналъ прекрасное сердце своего воспитанника: оно было чувствительно и благородно, оно обѣщало вѣчную привязанность тому, кто умѣлъ заслужить ее, и Морозовъ началъ пользоваться всѣми случаями, чтобы выказать свои мнимыя достоинства, чтобы плѣнить ими всѣхъ окружавшихъ Царевича, и такимъ образомъ непримѣтно завладѣть нѣжною душою младенца, доврчиво полюбившаго своего умнаго, всѣми хваляемаго воспитателя. Съ каждымъ днемъ эта любовь увеличивалась, и когда Алексій Михайловичъ вступилъ

на престолъ — Борису Ивановичу не оставалось желать ничего болѣе: онъ сдѣлался первымъ вельможею въ государствѣ. Молодой Царь никого не уважалъ сколько какъ его, ни для кого не дѣлалъ такъ много, какъ для него. Гордый бояринъ, совершенно успѣвъ въ своемъ намѣреніи, достигнувъ до высочайшей знаменитости, какая только возможна для подданнаго, осмѣлился возвыситься еще болѣе: въ 1648 году Алексій Михайловичъ выбралъ по совѣту его въ супруги дочь дворянина Ильи Милославскаго, *Марію*, — въ 1649, Морозовъ женился на сестрѣ молодой Царицы — *Аннѣ*!

Сдѣлавшись такимъ образомъ, ближнимъ родственникомъ Царя, гордый честолюбецъ уже не считалъ нужнымъ скрывать свои истинныя свойства и мало по малу началъ показываться народу тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Только передъ Государемъ былъ онъ — еще прежнимъ, по наружности добро-

дѣшлымъ Морозовымъ, только Государь могъ еще любить его, всѣ же другіе скоро возненавидѣли, потому что корыстолюбіе приводило его часто къ дѣламъ самымъ несправедливымъ. Онъ могъ шѣмъ удобнѣе исполнять свои желанія, что по старанію его, всѣ важнѣйшія государственныя должности были заняты его родственниками—Милославскими, или друзьями и приверженцами ихъ, въ числѣ которыхъ отличались своею дерзостію Окольничіе: *Плещевъ* и *Траханіотовъ*. Съ ними, а иногда и съ шестемъ своимъ, бояриномъ Ильею Милославскимъ, Морозовъ обдумывалъ новые планы свои, изобрѣшалъ новые способы наживаться, налагалъ новыя подати на подданныхъ крошкатаго и правосуднаго Алексія, совсѣмъ не подозрѣвавшаго бояръ своихъ въ такой недобросовѣстности, Богатые, жертвуя своимъ состояніемъ, еще могли переносить притѣсненія любимцевъ царскихъ, но ужасна была судьба бѣдныхъ! У нихъ ча-

сто опнимали послѣднія крохи, и они все еще не ропшали громко, все еще помнили, что жестокой припѣснитель ихъ женапъ на сестрѣ Царицы! Наконецъ наложили пятгоспную подапъ на самыя необходимыя потребности жизни, на соль, хлѣбъ, медъ и другія вещи. Это было уже выше силъ несчастныхъ: они заговорили. Но жалобы ихъ не доходили до Государя; осторожные любимцы не допускали ихъ до спѣнъ дворца: они знали, какъ добрый Царь любилъ своихъ подданныхъ. Вельможи, не участвовавшіе въ припѣсненіяхъ, разорявшихъ бѣдныхъ людей, не смѣли доносить на родственниковъ царскихъ; и такъ, недовольные, рѣшились сами управиться съ своими припѣснителями, и страшный мятежъ вспыхнулъ въ Москвѣ! Шумныя толпы ворвались въ дома ненавидимыхъ ими бояръ. Прежде всего ограблены были великолѣпныя палаты Бориса Ивановича, попомъ Плещеева, Траханіотова, Думнаго Дьяка Числова. Трое послѣднихъ

были убиты, перваго, бунтовщики не нашли дома, и думая, что онъ скрылся во дворецъ, побѣжали въ Кремль, и въ бѣшенствѣ пребывали, чшобы Царь выдалъ имъ Морозова и Милославскаго.

Государь, огорченный и дерзоспiю народа, и печальною новоспiю, что любимцы его явились передъ нимъ преступниками—принужденъ былъ силою усмирить мятежниковъ и царскимъ заступленiемъ своимъ спасти отъ смерти Морозова и Милославскаго. Народъ осшановился, при видѣ Царя и вспомнивъ, что Милославскiй Его родственникъ, оставилъ свое мщенiе и ошдалъ его на судъ Божiй.

Но ропотъ недовольныхъ раздавался не въ одной Москвѣ: Алексiй Михайловичъ едва успѣлъ усмирить мятежниковъ въ столицѣ, какъ получилъ извѣстiе о безпокойствахъ, происходившихъ во Псковѣ и Новгородѣ. Причина вездѣ была одинакова, и тѣже притѣсненiя, отъ которыхъ взволнова-

лись Москвитяне, вывели изъ терпѣнія и Псковитяны и Новгородцевъ. Первые при этомъ случаѣ, убили своего градоначальника и всѣхъ тѣхъ чиновниковъ, копорыхъ считали друзьями и приверженцами Морозова, даже осмѣлились прошивиться войску, которое Государь послалъ противъ нихъ и съ трудомъ опомнились только тогда, когда духовенство съ грамотами отъ Царя и Патриарха прибыло къ нимъ изъ Москвы.

Бунтъ Новгородцевъ начался также ужасно, но кончился скорѣе, пошому, что тамъ былъ человекъ, умѣвшій усмирить его пожертвованіемъ собою. Это былъ тамошній Митрополитъ *Никонъ*, о копоромъ вамъ надобно узнать подробности, милые чинашели мои: онъ занимаетъ важное мѣсто въ нашей исторіи.

ПАТРИАРХЪ НИКОНЪ.

Отъ 1649 до 1654 года.

(Пер. 5 лѣтъ.)

Въ деревнѣ Вельяминовѣ, близъ Нижняго-Новгорода, жилъ крестьянскій мальчикъ *Никита*. Бѣдныя родители его замѣтили въ немъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ большую охоту къ ученью, и попому очень обрадовались, когда одинъ добрый инокъ изъ монастыря, находившагося недалеко отъ Нижняго-Новгорода, вызвался выучить его грамотѣ. Мальчикъ же обрадовался еще болѣе ихъ, и на-

чалъ такъ прилѣжно твердить всѣ свои уроки, что въ короткое время могъ уже читать *тасовникъ* и *псалтирь*. Вспарину это были первыя книги, даваемые дѣшамъ начинающимъ читать. Я думаю вамъ не нужно сказывать, друзья мои, что *тасовникъ* есть книга, заключающая въ себѣ службу *тасовъ*, а *псалтирь*—псалмы Давида. Маленькій Никиша, проводя почти все свое время въ монастырѣ, полюбилъ монашескую жизнь, и когда выросъ, то очень желалъ поспричься самъ, но родители его это не нравилося: они посковали по миломъ сынѣ, просили его не разлучаться съ ними и съ свѣтомъ такъ рано, и Никиша послушался ихъ, оставилъ монастырь, и чтобы совершенно успокоить и утѣшить ихъ, женился и жилъ съ ними. Благочестіе его и знаніе всей службы церковной скоро доставили ему мѣсто приходскаго священника. Никиша былъ совершенно счастливъ и доволенъ судьбой своей. Вдругъ умирають у него роди-

пели, потомъ всѣ дѣши! Въ сильной горести, онъ подумалъ, что Богъ хотѣлъ показать ему этими несчастіями, что Онъ назначалъ его не для свѣтской, но для монашеской жизни. Какъ скоро пришла ему въ голову эта мысль, онъ уже не могъ осмѣиваться болѣе въ свѣтѣ, уговорилъ жену свою разстаться съ нимъ и уѣхалъ на островъ Анзерскій, лежащій на Бѣломъ морѣ, недалеко отъ Соловецкаго. Тамъ былъ въ то время монастырь, называвшійся *Анзерскій скитъ*. *) Эпопъ монастырь славился строгими правилами монаховъ: сюда-по спѣшилъ Никиша и вскорѣ послѣ пріѣзда своего—поспиргся и былъ названъ *Никополю*.

Примѣрная жизнь его, не смотря на отдаленность пустыннаго острова, обратила на себя вниманіе высшаго духовенства Московскаго и Никонъ сдѣланъ былъ наспоашелемъ Кожеозер-

*) *Скитъ*—значитъ пустыня или жилище отшельниковъ.

скаго монастыря, на озерѣ Онежскомъ. Вы знаете, милые дѣти, что это озеро гораздо ближе къ древней столицѣ нашей, нежели Бѣлое море, да къ тому же и Никонъ былъ уже теперь не простымъ монахомъ, но начальникомъ монастыря;—спало бышь имѣлъ дѣла, для которыхъ долженъ былъ ѣздить въ Москву. Вошъ въ одинъ изъ пакихъ прѣздовъ ему удалось видѣть Царя. Алексій Михайловичъ, быспроумѣвшій различать людей и цѣнить истинныя достоинства ихъ, замѣтилъ необыкновенный умъ Никона, и повелѣніемъ Его наспояпелъ неизвѣснаго монастыря Кожеозерскаго—поспавленъ Архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, въ Москвѣ. Въ этомъ званіи Никонъ провелъ счастливейшіе дни своей жизни. Душа его еще не имѣла и пѣни того честолюбія, какое овладѣло ею въ послѣдствіи: она нацолненна была только пламенною любовью къ Богу, неограниченнымъ усердіемъ къ Государю, ижнмымъ соспрандіемъ ко

всѣмъ ближнимъ. Помогать несчастнымъ и просить за нихъ Царя — было единственнѣйшимъ занятіемъ Архимандрита Никона въ то время, когда онъ не стоялъ на молитвѣ. Любимый день его былъ *пятница*; къ этому дню онъ ѣздилъ къ Государю: Алексій Михайловичъ такъ любилъ разговаривать съ умнымъ Архимандритомъ, что приказалъ ему каждую недѣлю пріѣзжать во дворецъ. Здѣсь-то совершилось то множество добрыхъ дѣлъ, которыя составили лучшую славу Никона; здѣсь-то, онъ былъ ходатаемъ за всѣхъ обиженныхъ, за всѣхъ несчастныхъ, не имѣвшихъ случая и возможности излить свои жалобы предъ самимъ Государемъ. Алексій Михайловичъ, увѣренный въ справедливости любимца своего, исполнялъ всѣ его просьбы, и часто добрый Никонъ прямо изъ дворца спѣшилъ въ жилища страдальцевъ отнестъ щедрое пособіе или живительное слово Царское Такъ прошло три года, и — Архиман-

дришь Новоспасскій сдѣлался Митрополистомъ Новгородскимъ.

Съ тѣми же добродѣтелями, съ пою же любовію къ народу — Никонъ пріѣхалъ къ мѣсту новаго своего назначенія. И здѣсь сыпалъ онъ благодѣянія Царскія; устроилъ на счетъ казны чешыре богадѣльни, гдѣ старые люди и дѣти-сироты, жили спокойно, и счастливо; смопрѣлъ за тѣмъ, что бы чиновники хорошо исполняли свои обязанности; посѣщалъ темницы и находя тамъ иногда невинно-заключенныхъ, представлялъ о нихъ Царю, съ копорымъ не только часто переписывался, но даже и видался: Алексій Михайловичъ приказывалъ ему каждую зиму пріѣзжать въ Москву. Въ это время своихъ свиданій и сладкихъ бесѣдъ съ Царемъ, Никонъ, испрашивалъ для жителей Новгорода всѣ тѣ милости, о копорыхъ они умоляли его предъ опъѣдомъ.

Но подумайте, друзья мои, какъ были неблагодарны Новгородцы, или

лучше сказать, подивитесь до чего могутъ дойти люди, какъ скоро они рѣшались сбросить съ себя эту власть, которой должны повиноваться, какъ скоро они рѣшались дѣлать, что хотѣли. Я говорю о томъ времени, когда Новгородцы, недовольные приписаніями боярина Морозова, вздумали взбунтоваться. Надобно сказать вамъ, что главною причиною этого бунта былъ одинъ безсовѣстный купецъ Новгородскій, по имени *Волкъ*. Уже можно сказать, что по немъ было дано ему это имя! Вотъ этотъ Волкъ очень не любилъ иностранныхъ купцовъ, которыхъ всегда было множество въ торговомъ и богатомъ Новгородѣ. Онъ отъ природы былъ завистливъ и досадовалъ, что многіе изъ нихъ были богаче его. Чтожъ сдѣлалъ этотъ злой человекъ? Онъ началъ распускать въ народѣ слухи, что иностранные купцы во всемъ усердно служатъ Морозову и помогаютъ ему разорять Русскихъ. Ну, этого было довольно,

чтобы взволновать всѣхъ Новгородцевъ, которые всегда любили своевольничать, — вѣдь вы это помните, милые чинаштели мои? И такъ, дерзкій народъ бросился на дома иностранцевъ и разграбилъ ихъ.

Въ эти ужасныя минуты бунта, когда каждый заботился о своемъ спасеніи, Митрополитъ думалъ только о средствахъ успокоить народъ, и не находилъ другаго, какъ забыть собственную опасность — выйти къ мятежникамъ и начать увѣщавать ихъ. Но могли ли они слушать когонибудь, когда бѣшенство погемняло разумъ ихъ? Безумные, вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на слова своего добродѣтельнаго Митрополита — бросились на него, съ кольями и каменьями, и несчастный едва не умеръ подъ ихъ ударами! Вы думаете что это остановило его усердіе? Нѣтъ! На другой же день, онъ опять явился на площади, опять говорилъ къ народу; и слова его уже не остались безъ дѣй-

ствія: они пронули жестокія сердца мяшежниковъ, смирили гордость ихъ, и заспавили просить помилованія у оскорбленнаго Священителя. Вы можете себѣ представить, что имъ не надобно было долго умолять Никона: онъ не только просилъ имъ собственную обиду, но выпросилъ прощеніе и у Царя; только одинъ купецъ Волкъ былъ казненъ съ главными изъ своихъ сообщниковъ.

Государь, не зналъ чѣмъ наградить своего вѣрнаго подданнаго, своего благороднаго и неустрашимаго любимца. За такое великодушное пожертвованіе собою, только одна дружба Царя могла быть достойною наградою, и Алексій Михайловичъ въ полной мѣрѣ наградилъ ею Никона. Въ 1654 году, счастливый другъ одного изъ лучшихъ Царей земли, возведенъ былъ въ достоинство Патриарха. Достигнувъ этого высокаго званія—можешь быть тайной цѣли давнишнихъ желаній своихъ—Никонъ прославилъ себя дѣломъ

столько же труднымъ, какъ и знаменитымъ.

Имѣя огнь природы, тонкій и пронзительный умъ, онъ быспро могъ опличить хорошее отъ дурнаго и любя Россію, искренно желалъ просвѣтить и сдѣлать счастливыми своихъ соотечественниковъ. Просвѣщеніе того времени заключалось болѣе въ книгахъ церковныхъ, а умный Папріархъ находилъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ошибки и недосмотры, вкравшіеся отъ переписчиковъ, но тѣмъ не менѣе подавшіе поводъ къ нѣкоторымъ страннымъ толкамъ. Напримѣръ, говорили, что тѣ люди, которые носили плащя новаго покроя и брили бороды были беззаконники, достойные проклятія и оплученія отъ церкви. А особенно брить бороды считали величайшимъ грѣхомъ. И къ сожалѣнію, такія правила, въ числѣ многихъ другихъ полезныхъ и достойныхъ похвалы, были утверждены въ царствованіе Іоанна Грознаго и даже вошли въ *Стоглавъ*,

книгу правль, названную такъ, пошому что въ ней было *ето* разныхъ спашей и изданную въ то время.

Вопль Папріархъ Никонъ, видя зло, которое происходило опъ эшихъ предразсудковъ, рѣшился уничижити ихъ, не смотря на всю опасность такого намѣренія: нельзя было ожидать, чшобы народъ вдругъ согласился опказаться опъ нихъ! Никонъ предвидѣлъ, что многіе будутъ пропивитсь ему, и для того не приступилъ къ этому важному дѣлу одинъ — но созвалъ соборъ изъ всего высшаго духовенства и поручилъ ему разсмотрѣть недоспапки книгъ церковныхъ.

Въ 1655 году, ровно черезъ годъ послѣ созванія собора, была напечатана первая исправленная книга: *Служебникъ церковный*. Народъ, давно слышавшій о замышляемыхъ Папріархомъ переменяхъ и заранѣе недовольный ими, съ неперпѣніемъ началъ читать новую книгу. Съ первыхъ страницъ она поразила его: вмѣсто

того, чтобы писать, — какъ неправильно писали прежде, *Исусъ*, въ исправленномъ служебникѣ церковномъ напечатано было вездѣ: *Иисусъ*! Для грубыхъ умовъ жестокихъ суевѣровъ довольно было одной этой поправки; они не захотѣли и читать далѣе эту — по мнѣнію ихъ безбожную книгу, закричали, что православная вѣра погибла, и съ ужасомъ опдѣлились отъ шѣхъ изъ соотечественниковъ своихъ, которые одобрили благоразумныя исправленія, сдѣланныя соборомъ, и приняли ихъ съ благодарностію, сохраняя въ душахъ своихъ чувства вѣры и благочестія. Опдѣлившіеся безумцы, назвавшіеся православными *старовѣрами*, имѣли такое отвращеніе къ прежнимъ братьямъ своимъ по вѣрѣ, или какъ они называли ихъ теперь къ *Никоніанцамъ* или *нововѣрамъ*, что даже не хотѣли ѣсть и пить изъ одной съ ними посуды; не хотѣли ходить въ нѣ церкви, гдѣ служили по новымъ книгамъ, не хотѣли слушать священниковъ тѣхъ церквей,

а если ихъ принуждали къ тому, то они скорѣе соглашались умереть самою мучительною смертію, нежели оставишь упрямство свое, и называли это упрямство усердіемъ къ вѣрѣ, а себя— святыми мучениками! Однимъ словомъ, трудно повѣришь сколько безпорядковъ, сколько бѣдъ и несчастій, произвело такое намѣреніе, за которое, казалось, надобно было благодарить Никона. Но твердость его въ этомъ случаѣ была удивительна: онъ не обращалъ вниманія на жалобы и ропотъ недовольныхъ, и продолжалъ вмѣстѣ съ соборомъ заниматься начатымъ дѣломъ. Прежде нежели оно было окончено и соборъ распущенъ,—случилось происшествіе, прославившее царствованіе Алексія Михайловича, происшествіе, котораго Рускіе давно желали и ожидали, и наконецъ дождались!

МАЛОРОССІЯ

и

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ

Отъ 1654 до 1667 года.

(Пер. 13 лѣтъ.)

На сколько различныхъ частей раздѣляется наша обширная Россія, милья дѣти! Нѣтъ мѣры ея пространству, нѣтъ счѣта ея богатствамъ. Читая со вниманіемъ ея исторію, вы знаете, что еще до царствованія Алексія Михайловича, къ ней принадлежали и неизмѣримыя страны Сибири, со всѣми сокровищами своихъ лѣсовъ, рѣкъ и горъ, и бывшія царства: Казанское и Астра-

ханское со всею прежнею славою гордых Хановъ своихъ, и земли Донскихъ казаковъ, со всею изобиліемъ въ произведеніяхъ природы, со всею храбростію своихъ жителей. Но маленькіе друзья мои вѣрно замѣтили, что кромѣ всего этого, Россія раздѣлялась еще на *Великую, Малую и Бѣлую*. Это раздѣленіе сохранилось до нашихъ временъ: и теперь есмь у насъ губерніи *Великороссійскія, Малороссійскія и Бѣлорусскія*. Учась Географіи Руской, вы вѣрно помните имена всѣхъ этихъ губерній. Въ числѣ Великороссійскихъ, вы видѣли тѣ сираны, копорья не смотря на всѣ переворопы въ судьбѣ отечества нашего, принадлежали всегда законнымъ владѣтелямъ, и хоти спрадали подъ мучительною властію Ташаръ, но спрадали вмѣстѣ съ Государями своими, и попомъ вмѣстѣ съ ними воскресли къ счастію и славѣ. Въ Малороссіи же, часнь копорой также зовуть и *Украиною*, вы видѣли Кіевъ, Черниговъ, Владиміръ на Волини, города Сѣверскіе. Это были

мѣста, знаменитыя важнѣйшими событіями въ исторіи нашихъ предковъ, мѣста, гдѣ разлился на нихъ свѣтъ христіанства, гдѣ побѣждали они и Печѣнѣговъ и Козаровъ, и Болгаръ, и даже Грековъ! Кто могъ изъ нихъ безъ восхищенія вспомнить о славныхъ временахъ Олега, Святослава, Св. Владиміра? Но что сдѣлалось въ послѣдствіи съ потомками этихъ героев? Ахъ! они не сохранили чести предковъ, не умѣли защитить себя отъ враговъ своихъ, и въ мѣстахъ, гдѣ гремѣли оглоуски славы Руской, раздались вскорѣ веселые крики побѣдителей ихъ, Поляковъ и Литовцевъ! Вы давно знаете, милые читатели мои, судьбу городовъ южной Россіи. Они—вмѣстѣ съ Бѣлоруссіею, которая называлась прежде землею Кривичей, а теперь губерніями Витебской и Могилевской — завоеваны были въ началѣ XIV вѣка, Литовскимъ Княземъ Гедиминомъ.

Гедиминъ, не припѣсяя подданныхъ, показалъ благоразумный примѣръ

своимъ наслѣдникамъ; и бѣдные соотечественники наши, разлученные съ матерью своею, Россіею, — вели сначала жизнь довольно сносную, но въ послѣдствіи времени, когда Литва и Польша соединились въ одно государство, Рускіе, или лучше скажемъ Малороссіане, съ каждымъ годомъ болѣе перепѣли опѣ гордыхъ побѣдителей. Чаще всего они нападали на вѣру ихъ: Поляки, будучи сами Каполиками, хотѣли непременно и Рускихъ сдѣлать такими же. Они никакъ не думали, что грѣшатъ, принуждая несчастныхъ перемѣнять вѣру опцевъ; напрошивъ того, они воображали, что угождаютъ шѣмъ Богу, потому что и Папы Римскіе, начальники всего духовенства Каполическаго, очень старались о томъ, чтобы соединить церковь Греческую съ Латинскою. Усерднѣе другихъ былъ въ этомъ случаѣ Папа Евгеній IV. Онъ созвалъ 8-й вселенскій соборъ во Флоренцію, на который приглашенъ былъ и Императоръ Гре-

ческій Іоаннъ Палеологъ. Греческая Имперія склонялась въ это время къ своему паденію и Іоанну очень нужна была помощь противъ Турокъ. Евгеній обѣщаль ему все, если только онъ согласился на соединеніе вѣрѣ. Императоръ боялся потерять престола и согласился. Но въ послѣдствіи, ни Греки, подданные Императора, ни Рускіе и тогдашній Государь ихъ, Василій IV, не приняли этого соединенія, и теперь слѣды его остались только въ Польшѣ, потому что Поляки, подъ предлогомъ его могли удобнѣе принуждать Рускихъ къ перемѣнѣ закона. Это соединеніе вѣрѣ назвали *Уніей*, отъ слова *unio*, а тѣхъ людей, которые согласились принять его — *Уніатами*. Однакожь не прежде какъ чрезъ 150 лѣтъ послѣ Флорентинскаго собора и именно въ 1595 году принято было это соединеніе въ Липсѣ и Польшѣ, гдѣ съ того времени явились двѣ церкви: *Уніатская* или *Соединенная* и *Благочестивая* или *Несоединенная*. Тогда-то на-

чались самыя сильныя гоненія Поляковъ на соотечественниковъ нашихъ Греческаго закона! Не было горести, кошорой бы они не испытали, не было обиды, кошорой бы не заставили ихъ вышерпѣть! Но въ послѣдствіе времени, провидѣніе Божіе обратило все это къ пользѣ обиженныхъ, и чрезъ эти самыя несчастія доставило Малороссіянамъ средсшва освободиться отъ власни враговъ ихъ. Вы удивляетесь, милья дѣти, но развѣ есть что нибудь невозможное, для Бога? Послушайте, какъ все это сдѣлалось.

Вѣдь вы знаете Казаковъ, и любите слушать о славныхъ дѣлахъ ихъ, о ихъ чудесахъ на войнѣ? И такъ вы будете довольны тѣмъ, что я расскажу вамъ теперь. Вы помните что, первые, извѣстные въ исторіи нашей казаки, были *Запорожскіе* или *Украинскіе* и. е. *Малороссійскіе*. Они сосполяли изъ тѣхъ самыхъ Малороссіянъ, которые, скрываясь отъ припѣсненій Поляковъ, удалялись къ низовымъ странамъ Днѣпра и

поселялись тамъ, не жалѣя о родинѣ, гдѣ каждую минушу должны были бояться или за жизньъ, или за свободу, или за вѣру свою. Поляки непременно хотѣли, чтобы Малоросіянне были Католиками, или по крайней мѣрѣ—Уніатами. Малоросіянне же отъ природы набожные и усердные къ закону своему, не хотѣли слышать о такой перемѣнѣ, и лучше соглашались расстаться не только съ домами, но даже и съ семействами своими, нежели измѣнитьъ православной вѣрѣ отцевъ своихъ. Въ новыхъ жилищахъ они занимались звѣриною и рыбною ловлями; вели войну съ сосѣдями, если они осмѣливались нападать на нихъ и вообще жизнь ихъ во всемъ походила на своевольную жизнь прежнихъ казаковъ.

Число эпитихъ храбрыхъ и опчаянныхъ воиновъ на берегахъ Днѣпра безпресшанно умножалось: къ нимъ приходили поварици со всѣхъ споронъ и среди ихъ можно было видѣть, кромѣ Рускихъ—и Поляковъ, и Молдаванъ

и Валаховъ и Болгаръ и даже иногда Татаръ. Они принимали къ себѣ всѣхъ бѣглецовъ съ пѣмъ полко, чпобы они были Греческой вѣры. Малороссійскіе казаки раздѣлялись на два разряда: на женатыхъ и холоспыхъ. Первые жили въ деревняхъ между Днѣпромъ и Бугомъ, впорые же выбрали мѣстомъ жилища своего островъ Хоршицкій, лежавшій на Днѣпрѣ, за порогами его. *) Отъ того ихъ и называли *Запорожцами*. Не имѣя семействъ, для которыхъ бы они любили жизнь и желали сохранить ее, эти молодые казаки были храбры до дерзости, рѣшительны до отчаянія! Умереть во все ничего не значило для нихъ: они гошовой были каждую минуту побѣждать или умирать, и отъ того сдѣлались скоро такъ страшны для своихъ сосѣдей, Крымскихъ Татаръ,

*) *Порогами* — называются такія мѣста въ рѣкѣ, гдѣ дно ея наполнено камнями, и иногда такими высокими, что они бывають видны почти на поверхности воды.

и такъ полезны для Поляковъ, боявшихся нападеній Крымцевъ, что прежніе притѣснители ихъ не только не думали наказывать ихъ за бѣгство изъ родины, но даже старались подружиться съ ними. О! Поляки были очень хитры: они видѣли, что добрые Малороссійскіе казаки могли бытъ для нихъ шѣмъ же, чѣмъ была для лукавой обезьяны Лафоншена та бѣдная кошка, которой лапками она паскала каштаны изъ горячей золы, — они видѣли это и начали ласкать шѣхъ самыхъ людей, которыхъ прежде безпрестанно мучили. Король ихъ, Сигизмундъ I, объявилъ, что принимаетъ Малороссійскихъ казаковъ подъ свое покровительство, далъ имъ много земель по берегамъ Днѣпра, помогалъ имъ устраивать ихъ безпорядочное войско, однимъ словомъ показалъ столько расположенія къ нимъ, что Малороссіяне начали забывать оскорбленія, какія терпѣли предки ихъ отъ Поляковъ и охотно жертвовали за нихъ жизнью въ битвахъ

съ непріятелями ихъ. Иногда они простирали это усердіе такъ далеко, что ходили съ Поляками даже и на прежнихъ соотечественниковъ своихъ— Рускихъ. Чрезъ нѣсколько времени потомъ, Король Стефанъ Баторій докончилъ начатое Сигизмундомъ: онъ еще болѣе благодѣшельствовалъ казакамъ, и еще заботливѣе старался о ихъ счастіи и выгодахъ: его умными распоряженіями, храброе войско, въ 1576 году раздѣлилось на спирошныя полки и ошпи, кошорыми управляли *Полковники* и *Сопшики*. Главнаго же Ашамана или начальника ихъ, Баторій называлъ *Гетманомъ*, и это достоинство сравнилъ важностію съ достоинствомъ Гетмановъ Польскихъ и Липовскихъ, далъ ему тѣ же самыя знаки: Королевское знамя, бунчукъ, булаву и печать. Кроме того, Стефанъ подарилъ казакамъ городъ Терехшемировъ, кошорый сдѣлался ихъ главнымъ мѣстомъ, позволилъ имъ селиться до самаго Кіева, и записаннымъ въ полки или служащимъ

казакамъ назначилъ жалованья каждому—по червонцу.

Съ эсихъ поръ казаки начали наслаждаться совсѣмъ другою жизнью: общество ихъ походило на небольшое, хорошо устроенное государство, и въ то время, когда бѣдные жилище Малороссійскихъ обласпей нашихъ, страдали подъ жестокою властію Польскихъ Воеводъ, управлявшихъ ими по законамъ королей своихъ, казаки пользовались всѣми правами свободнаго народа и дѣла ихъ судились собиравенными старшинами ихъ. Власть надъ ними Короля Польскаго, была слаба и почти незамѣтна для нихъ: иногда они не слушались его приказаній, и гораздо выше его считали своего Гетмана, избираемаго ими изъ самыхъ храбрыхъ товарищей. Маленькіе читатели мои уже слышали нѣсколько объ эсихъ Гетманахъ. Одинъ изъ нихъ, Князь *Романъ Рожинскій*, помогалъ Полякамъ разоряшь Россію во времена Самозванцевъ, а другой — *Петръ Сагайдашній*,

вмѣстѣ съ Королевичемъ Владиславомъ, приходилъ осаждать Москву, и дѣлалъ ужасныя опустошенія въ ея окрестностяхъ.

Но Малороссійскіе казаки не долго пользовались тѣмъ выгоднымъ соспояніемъ, какое доставилъ имъ Баторій: наслѣдникъ его Сигизмундъ III, опецъ Владислава, уже началъ бояться возрастающей силы этого военнаго народа, и старался болѣе и болѣе покорять его власни своей. Всѣ преимущества, данныя имъ Стефаномъ—были опмѣнены; Поляки начали селиться во всей Малороссіи, заняли важнѣйшія мѣста и должносши и въ Кіевѣ и у казаковъ, и привезя съ собою Римскихъ священниковъ и Польскаго Епископа, начали строитъ въ Кіевѣ Капюлическіе монастыри и церкви, а наконецъ уже и явно заставляли жищелей принимать Лапинскую вѣру. Весь народъ опящъ вепревожился, но не всѣ могли прошивиться: одни казаки рѣшились защищать оружіемъ свою вѣру и свои оп-

мѣненныя права. Гетманомъ ихъ былъ въ это время герой, отличившійся въ исторіи Малороссіи, герой — освободившій ее отъ власти Польской — *Богданъ Хмельницкій*. Надобно рассказать вамъ, милыя дѣши, нѣсколько подробнѣе исторію этого знаменитаго человека. Онъ былъ сынъ Сотника казачьяго Чигиринскаго полка, имѣлъ отъ природы отличныя способности, обучался прежде въ Кіевѣ, а потомъ у Іезуитовъ. Служивъ какъ и отецъ — Сотникомъ въ казацкомъ войскѣ, онъ имѣлъ случай видѣть всѣ принѣсенія, какія терпѣли отъ Поляковъ и мирные соотечественники его — жители Малороссіи, и не мало спокойные поварищи — казаки! Пламенно любя свою родину, онъ огорчался ея несчастіями и часто размышлялъ о томъ, какъ бы облегчить ихъ. Во время такихъ размышленій, удивительно ли, что ему приходила въ голову мысль: какъ несправедливо владѣли Поляки — спра-

ною, опшяшою опъ законныхъ Государей ея! Вслѣдъ за этою мыслию являлась другая: это была сладостная, славная, великая мысль, — это была мысль—избавишь насчастлиныя обласпи опъ чужеземнаго владычества и возвратишь ихъ древнему опечеству. О! какъ было весело Хмельницкому въ шумину, когда эта свѣтлая мечта засіяла въ душѣ его! Какъ было ему весело чувствововать себя способнымъ къ ней! Какъ было весело думать, что можешь быть рано или поздно ему опкроется случай осуществишь прекрасную мечту свою! Вообразите же, друзья мои, его восшоргъ и удивленіе, когда вдругъ, вскорѣ послѣ этого, казаки избирають его своимъ Гешманомъ! Ему казалось, что самъ Богъ показываешь ему средства къ исполненію великаго намѣренія его, самъ Богъ помогаешь ему избавишь христіанъ Греческаго закона опъ гоненій Капшодиковъ и Уніанъ. И такъ съ сею мыслию, онъ принимается за дѣло и начи-

наешъ его съ своихъ вѣрныхъ казаковъ. Ему не нужно было заставлятъ ихъ думать по своему: общее неудовольствіе на Поляковъ было такъ велико, что стоило только назвать законныхъ владѣтелей Малороссіи—Великихъ Князей Рускихъ,—стоило только сказать нѣсколько словъ о прежнемъ счастіи ея подъ правленіемъ ихъ, чтобы зажечь во всѣхъ сердцахъ казаковъ пламенное желаніе освободиться отъ власти завоевателей и снова принадлежать къ любимому отечеству.

Это желаніе не долго оставалось тайною: Казаки не скрывали его и съ 1648 года послы Хмельницкаго начали ѣздить въ Москву съ прозьбами къ Царю Алексію Михайловичу принять присягу въ подданствѣ и вѣрности отъ Малороссійскаго войска. Какъ ни выгодно было это предложеніе, но благоразумный Царь, находясь въ то время въ мирѣ съ Польшею, не хотѣлъ такимъ образомъ нарушить его, и обѣщаль Казакамъ быть только посред-

никомъ между ними и Королемъ Польскимъ. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе и нѣсколько лѣтъ старался вразумить Короля Казимира *), какъ несправедливо преслѣдовалъ народъ за вѣру его и опинималъ преимущесва, однажды ему данныя. Но всѣ старанія его были напрасны: чѣмъ усерднѣе Царь просилъ за казаковъ, тѣмъ болѣе нападали на нихъ. Наконецъ Казимиръ подкупилъ на свою сторону Хана Крымскаго и условился съ нимъ, совершенно покорить храброе войско Малороссійское — Польшѣ, напасть вмѣстѣ на Москвитянъ и возстановить для Хана — Аспраханское царство.

Извѣстіе о такомъ союзѣ остановило великодушіе Алексія Михайловича. Онъ увидѣлъ, что его не понимаютъ, и что изъ состраданія къ бѣдствующимъ единовѣрцамъ, онъ

*) На престолѣ Польскомъ былъ уже въ это время не Владиславъ, умершій въ 1648 году, но избранный Поляками *Янъ Казимиръ II-й*.

долженъ принять ихъ подъ защиту свою. И такъ въ концѣ 1653 года отправлены были послы Рускіе — ближній бояринъ *Бутурлинъ* Окольнічій *Алферьевъ*, и Думный дьякъ *Лопухинъ* въ Малороссію, для принятія присяги отъ Хмельницкаго и казаковъ его. Въ *Переяславѣ* назначено было сборное мѣсто. Послы пріѣхали туда въ январь 1654 года. 7-го числа было торжественное собраніе всѣхъ старшинъ казачьихъ и всего народа. Здѣсь Хмельницкій говорилъ къ нимъ рѣчь, въ которой описалъ прежде все что перигла Малороссія отъ Поляковъ, потомъ всѣ старанія Короля Польскаго и Хана Крымскаго завладѣньемъ Украиною, и наконецъ сказалъ, что Рускій Царь соглашается присоединить страну ихъ къ своимъ владѣніямъ. Рѣчь его кончилась слѣдующими словами: „Кромѣ Его Царской высокой руки, мы не можемъ найсти лучшаго приспанища, и если кто съ нами несогласенъ, тошъ иди куда хочешь, — вольная дорога.“

„Волимъ подѣ Царя Воспочнаго, православнаго!“ — закричалъ тогда въ одинъ голосъ народъ, и съ радоспію произнесъ присягу своєю въ вѣчной вѣрности.

Такъ исполнилось желаніе Хмельницкаго. Вскорѣ попомъ онъ имѣлъ упѣшеніе видѣть, что и жители Кіева и всѣхъ другихъ городовъ Малороссійскихъ, послѣдовали примѣру казаковъ и сдѣлались также подданными Алексія Михайловича.

Вообразите теперь, милые читатели мои, досаду и гнѣвъ Поляковъ! Они видѣли что 166 городовъ и мѣстечекъ и 60,000 войска, *) еше такъ

*) Въ то время, когда казаки присоединились къ Россіи, записное войско ихъ состояло уже изъ 60,000 человекъ. — Можетъ быть милымъ читательницамъ моимъ, давно уже накучивъ этотъ длинный рассказъ о нашихъ храбрыхъ казакахъ и добрыхъ Малороссіянахъ. Но маленькіе читатели мои — эти будущіе герои наши, эти будущіе защитники отечества, вѣрно не думаютъ такъ! По живымъ, быстрымъ глазамъ ихъ примѣтно, какъ весело имъ слушать о дѣлахъ

недавно имъ принадлежавшаго , вдругъ перешли подъ власть ненавистной для нихъ Россіи ! Разумѣется , что гордость ихъ не могла перенести такого сильнаго оскорбленія и жестокая война началась. Она была продолжительна и такъ неудачна для Польскаго Короля , что безпрестанно теряя полки и города свои , онъ принужденъ былъ бѣжать къ самой Варшавѣ. Напрошивъ того , счастье и слава не оставляли войско Алексія Михайловича. Причиной успѣховъ его вѣроятно было и то , что

военныхъ ! И такъ , для васъ , — мои смѣлые малютки и для тѣхъ изъ сестрицъ вашихъ , которыя терпѣливѣе другихъ , и ни разу еще не пересчитали сколько страницъ осталось до конца этого рассказа , я скажу на сколько полковъ раздѣлялись эти 60,000 Малороссійскихъ казаковъ , сдѣлавшихся подданными Алексія Михайловича ; скажу даже и то , какъ назывались эти полки Я угадываю , что вамъ хочется знать это. Такое любопытство похвально.

Полковъ Малороссійскихъ казаковъ было *десять*. По именамъ городовъ , около которыхъ жили казаки , эти полки назывались: Кіевскій , Черниговскій , Стародубскій , Іѣжинскій , Церетславскій , Прилуцкій , Лубенскій , Гадячскій , Миргородскій и Полтавскій.

въ этомъ войскѣ уже были полки, устроенные по Европейски. Умный Алексій, вызывалъ изъ разныхъ государствъ Европы, офицеровъ, и поручалъ имъ обучать вновь набранныхъ солдатъ. Въ 1655 году уже были у него правильные конные полки и многіе офицеры назывались по Европейски—Полковниками, Маіорами, Ротмистрами и проч. Прежде же, вы знаете, ихъ звали Дѣшьями боярскими, Жильцами, Дворянами. Въ Руской службѣ было тогда много и иностранныхъ Европейскихъ офицеровъ.

Въ то время, когда Алексій Михайловичъ, начальствуя лично своею арміею, опнималъ опъ Польши города Бѣлорусскіе и Сѣверскіе, Шведскій Король началъ также на Польшу и хотѣлъ завладѣть всѣмъ Балпійскимъ моремъ. Это угрожало большею опасностію торговлѣ Рускихъ, и предусмотрительный Царь долженъ былъ воевать и съ Шведами, чшобы остано-вить успѣхи ихъ. Война съ ними про-

должалась до 1661 года, съ Поляками же до 1667. Съ первыми заключенъ былъ миръ въ деревнѣ *Кардисѣ*, на границѣ Эстляндіи, съ послѣдними—въ деревнѣ *Андрусовѣ*, близъ Смоленска. Условія мира въ Швеціею были шѣже, на какихъ мирились въ *Столбовѣ*, съ Польшею—гораздо выгоднѣйшія прежнихъ: Россія получала кромѣ Малороссіи и Кіева—города *Сѣверскіе* и *Смоленскъ*.

Такимъ образомъ въ счастливое царствованіе Алексія Михайловича возвратились къ Россіи старинныя владѣнія ея и въ шишулъ Царя Рускаго съ 1 іюля 1654 года начали писанъ: *всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецѣ*.

ВЕЛИЧІЕ ДУШИ АЛЕКСІЯ.

Отъ 1667 до 1670 года.

(Пер. 3 лѣтъ.)

Присоединеніе Малороссіи — эпо важное, такъ давно желаемое Рускими событіе, случилось очень ксшати, что бы разсѣять нѣсколько гореспныхъ чувства добраго Государя ихъ: опеческое сердце его спрадало отъ безпокойствъ и неприяносней, почши безпрестанно происходившихъ въ послѣдніе десяти

лѣтъ между подданными его. Началось несчастіями, происшедшими отъ исправленія книгъ церковныхъ. Вы можете представить себѣ, друзья мои, что не легко было Царю видѣть, какъ народъ его погибалъ отъ своего упрямства, какъ суетвѣры, умирая въ мученіяхъ, говорили, что настало гоненіе на Христіанъ православныхъ, что они съ радостію переносятъ это гоненіе и ожидаютъ, что и дѣти ихъ сдѣлаютъ тоже. Ожиданія ихъ къ сожалѣнію исполнились: даже и до сихъ поръ, когда уже прошло почти двѣсти лѣтъ послѣ того, есть еще люди, послѣдующіе ихъ правиламъ, и не только во многихъ губерніяхъ нашихъ, но даже и здѣсь, въ Петербургѣ, вы найдете этихъ упрямецъ. Добрые Государи наши не преслѣдуютъ и не наказываютъ ихъ, но стараются крошоспію и просвѣщеніемъ показатъ имъ заблужденіе ихъ. Это въ самомъ дѣлѣ производитъ такое хорошее дѣйствіе, что съ каждымъ годомъ число ихъ уменьшается и можно основатель-

но надѣяться, что со временемъ всѣ эти бѣдные, ослѣпленные суевѣріемъ брашья наши соединятся съ нами снова въ одной церкви.

Мы можемъ уже равнодушно смотрѣть на мирныя секты ихъ, но не такъовы они были при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, и потому неудивительно что споры ихъ очень озабочивали доброе сердце его. Почти въ то же время долженъ онъ былъ испытать новое огорченіе: война съ Польшею и Швеціею стоила такъ дорого, что почти вся казна истощилась, и первые бояре Царя посовѣтовали ему надѣлать мѣдныхъ денегъ и дать имъ ту же цѣну, по какой ходили серебряныя. Это шло хорошо пока всѣ вещи продавались по прежнему, но какъ скоро нѣкоторые изъ тѣхъ же самыхъ бояръ начали пользоваться случаемъ и собирать всѣ серебряныя деньги къ себѣ, а въ оборотъ оставлять только однѣ мѣдныя, то все вздорожало опъ этого и весь народъ взволновался. Только одно бла-

горазуміе и безпримѣрное правосудіе Государя остановили новыя несчастія. какія могли произойти отъ этого смятенія: онъ увидѣлъ какъ неосновапелень былъ совѣтъ бояръ и опмѣнилъ употребленіе мѣдныхъ денегъ. Все успокоилось.

Вскорѣ попомъ, Алексій огорченъ былъ такимъ человѣкомъ, отъ котораго всего менѣе могъ ожидать этого. Повѣрише ли вы, милья дѣши, что этошъ человѣкъ былъ Папріархъ Никонъ! этошъ умный, этошъ добродѣшельный Никонъ, котораго прекраснымъ качествами мы еще такъ недавно удивлялись! Да, трудно повѣришь, но къ сожалѣнію это была правда! Вы знаете какъ любилъ его Государь? Никонъ имѣлъ даже счастье быть другомъ Его! Что можешъ быть выше, сладостнѣе этой чести для подданнаго! Но видно сердце Никона, не смотря на необыкновенный умъ его, было слабо: оно не могло выдержать всей полноты этого счастья

и позабылось ошъ великости его! Па-
тріархъ сдѣлался такъ гордъ, что за-
хошѣлъ быть болѣе самаго Царя, и не
только иногда спорилъ съ Нимъ, но
даже явно не хошѣлъ исполнять шѣхъ
повелѣній, какія Государь отдавалъ, не
спросивъ его мнѣнія или совѣта. Доб-
рый Царь, помня прежнія заслуги Па-
тріарха, прощаль его дерзости, но уже
гораздо менѣе началъ цѣнить его. Это
такъ разсердило Никона, что онъ са-
мовольно отказался ошъ своего высо-
каго званія, оставилъ всѣ дѣла, зависѣв-
шія ошъ Папіарха и уѣхалъ за 46
верстъ ошъ Москвы, въ любимый свой
монаштырь Воскресенскій. *) Здѣсь жилъ

*) Этотъ монастырь лежалъ по Волоколамской дорогѣ.
Онъ основанъ былъ самимъ Никономъ и назывался
Новый Іерусалимъ, потому что все въ немъ
было устроено такъ какъ въ Іерусалимскомъ храмѣ
Воскресенія Господня, гдѣ хранится Святая гроб-
ница Спасителя. Все мѣста этого монастыря назы-
вались также какъ въ Палестинскомъ Іерусалимѣ:
здѣсь былъ и Назаретъ, и село Скудельничье и гора
Елеонская, и гора Оаворъ, а рѣка *Истра*, проте-

онъ нѣсколько лѣтъ не соглашаясь ни на какія просьбы всего духовенства и почти всей Россіи, умолившей его вступитъ въ прежнюю должность. Наконецъ шестиніе кропкаго Алексія кончилось, и Никонъ былъ преданъ суду. Для этого важнаго дѣла вызвали изъ Греціи двухъ Папріарховъ, Александрійскаго и Антіохійскаго. Они рѣшили, что гордый Священитель за самовольное осмавленіе своего мѣста, за дерзость и неповиновеніе къ Царю, не можетъ быть Папріархомъ. Торжественно предъ всѣмъ собраніемъ судей сняли съ него всѣ знаки этого высокаго достоинства и потомъ сослали въ Орапошповъ монастырь, бывшій на Бѣломъ озерѣ. Не думаете ли вы, друзья мои, что жестокое наказаніе открыло

кавшая около монастыря—названа была *Иорданомъ*.
Чтобы имѣть точные планы и модели Иерусалимской церкви Гроба Господня посланъ былъ нарочно въ Малестину Келарь Троицкой Лавры, Арсеній Сухановъ. Это доказываетъ съ какою легкостію исполнялись всѣ даже, малѣйшія желанія Патріарха!

наконецъ глаза надменному Никону, и засшавило его раскаяваться въ своихъ поступкахъ, такъ мало приличныхъ для служителя Божія? О! вовсе нѣтъ! Онъ не показывалъ печали когда снимали съ него клобукъ и панагію, украшенные дорогими каменьями. Этого еще мало: онъ имѣлъ духъ говорить въ эту минуту Греческимъ Папріархамъ, что если они раздѣлять между собою эти каменья, то по правяшь свое бѣдное состояніе невольниковъ Турецкаго Султана. А когда передъ опгѣздомъ его въ Оерапоншовъ монастырь, великодушный Государь, думая утѣшить нѣсколько участіемъ своимъ горестъ прежняго друга—послалъ ему съ придворнымъ чиновникомъ денегъ, двѣ шубы, и разныя другія вещи, то эпощъ гордый упрямецъ ничего не взялъ и сказалъ: „Никонъ ничего не требуетъ.“

Гордостъ его была одинакова и въ ссылкѣ, которая продолжалась пятнадцатъ лѣтъ, и уже не Алексій Михаи-

ловичъ, но сынъ его, Царь Θεодоръ, позволилъ ему въ 1681 году возвратиться въ Воскресенскій монастырь. Однакожь, не доѣхавъ до него, онъ умеръ на дорогѣ.

И такъ, вы видите, милые чипашели мои, сколько горестей, одна за другою, терзали чувствительное сердце Алексія! Но это еще не все. Послушайте, какой новый ударъ поразилъ его: вы знаете, какъ хорошо начинало уже успроиваться сухопутное войско его, и даже какъ правильны были нѣкопорые полки его? Но знали ли вы, чѣмъ занимался великій умъ Алексія въ то время, когда выписанные изъ чужихъ краевъ офицеры и генералы обучали Рускихъ воиновъ? Онъ занимался мыслию о будущемъ флотѣ ея. Такая мысль для Государя—не имѣвшаго еще ни одного корабля — была въ полной мѣрѣ смѣлою, высокою, блистательною мыслию! Онъ предался ей съ надеждою на успѣхъ, съ какимъ-то предчувствіемъ необыкновенной славы,

назначенной Богомъ народу его и Рускіе гонцы полетѣли въ Голландію — всегда славившюся корабельнымъ дѣломъ—за мастерами и моряками!

Между тѣмъ, недалеко отъ Московскаго города Коломны, въ селѣ Дѣдиловѣ, на берегахъ рѣки Оки приготовлено мѣсто для корабельной верьфи. Ока, какъ вы знаете, милые чипашели мои, течетъ въ Волгу, а Волга въ Каспійское море, на которомъ Царь хотѣлъ обновить первые корабли свои. Воишь уже Голландскіе мастера, изъ которыхъ главнымъ былъ Капитанъ Бушлеръ, пріѣхали, работы начались и скоро широкая Ока приняла на голубыя волны свои, еще незнакомыя съ тяжесною кораблей — Рускаго *Орла*: шакъ назывался первый большой корабль Алексія Михайловича. Въ поже время построено было нѣсколько малыхъ морскихъ судовъ, и новая флотилія, удивляя всѣ селенія береговъ, мимо которыхъ проходила—поплыла къ Аспрахани.

Казалось все обѣщало полный успѣхъ прекрасному началу: иностранные моряки, снарядившіе молодой, можно сказать новорожденный флотъ Россіи, были искусны и чесны, Рускіе матросы — ученики ихъ, только что начавшіе трудное ученье, вознаграждали неопытностью свою пламеннымъ усердіемъ и удивительною понимливостью, опличающею Рускихъ. Но вообразите, милые друзья мои, чѣмъ кончились лучшие ожиданія и Царя и почти всего народа! Ахъ! ужасно сказать это! Корабль и всѣ суда, посланные въ Дѣдиловъ, были сожжены однимъ разбойникомъ, разѣзжавшимъ по Волгѣ и морю Каспійскому — *Разинымъ*! Если вы хотите знать, кто былъ этотъ жестокий и безбожный Раинъ, то я скажу вамъ въ короткихъ словахъ, что онъ былъ Донской казакъ, появившійся на Дону въ 1667 году. Злодѣйства его были ужасны! Вы получите нѣкоторое о нихъ понятіе, когда узнаете, что онъ набралъ обма-

номъ и угрозами до 200,000 человѣкъ войска, въ кошоромъ по большей части были Донскіе и Малороссійскіе казаки, взялъ Аспраханъ, погубилъ мучительною смертію Аспраханскаго воеводу, Князя Прозоровскаго и все семейство его; ограбилъ, кромѣ Аспрахани, города Царицынъ, Симбирскъ, Саратовъ! Долго не лзя было усмирить этого злодѣя, но наконецъ онъ былъ пойманъ и казненъ.

Такое неожиданное разрушеніе предпріятія, уже оконченнаго, и стоившаго безчисленныхъ трудовъ и издержекъ, могло бы привести въ уныніе человѣка слабаго и неперпѣливаго, но умный Алексій не лишился своей твердости и даже имѣлъ духъ помышлять снова о дѣлѣ, такъ безжалостно уничтоженномъ безбожнымъ злодѣемъ.

Но чшобъ въ полной мѣрѣ показать вамъ, милыя дѣти, великую душу Алексія Михайловича, надобно расказа-

въ Англіи происходили ужасныя дѣла: жищели, по какимъ-но причинамъ недовольные королемъ своимъ, Карломъ I, дошли до такого безумія, что, по совѣту нѣкоторыхъ вельможъ, казнили его и признали надъ собой власть одного изъ главныхъ убійцъ — Кромвеля, назвавъ его не королемъ, но *Протекторолъ*, т. е. покровителемъ Англіи. Весь эпошъ новый и безумный порядокъ былъ скоро разрушенъ, но судьба не вдругъ наказала Кромвеля, и хотя онъ жестоко мучился безпокойствомъ и страхомъ душевнымъ, однакожъ нѣсколько времени пользовался славою, и вскорѣ послѣ смерти несчастнаго Карла, изгнавъ изъ Англіи сына его и завладѣвъ властію, равнявшеюся съ королевскою, отправилъ пословъ ко всѣмъ Европейскимъ дворамъ, какъ обыкновенно дѣлають это всѣ государи, вступающіе на престоль, что бы объявишь о своемъ вступленіи. Эти посольства приняты были вездѣ съ великою честію: всѣ боялись богатою и сильной Англіи, у

которой давно уже былъ самый лучшій флотъ, и самая значительная торговля. И такъ, каждое государство, для собственныхъ выгодъ, должно было принять хорошо ихъ важныхъ Лордовъ. Вотъ два изъ нихъ, съ великолѣпною свитою, подъѣзжали и къ нашему опечесству, заранѣе мечтая о помъ лестномъ приѣмѣ, какой вѣроятно сдѣлаютъ имъ въ государствѣ, только что начинающемъ входить въ сношенія съ Европою, и попому вѣрно очень уважающемъ всѣхъ Европейскихъ посланниковъ. Но какъ же ошиблись въ своихъ расчетахъ эти важные господа? Только что Царь Алексій Михайловичъ узналъ, что они пріѣхали въ Архангельскъ, *) какъ послалъ имъ повелѣніе

*) Я думаю, что не трудно объяснить маленькимъ друзьямъ моимъ, отъ чего Англійскіе посланники пріѣзжали въ то время черезъ Архангельскъ? Вѣрно всѣ они знаютъ, что нашего Петербурга еще не существовало тогда, и самая земля, гдѣ онъ построенъ, а слѣдовательно и Финскій заливъ, омывающій берега ея, принадлежали еще Швеціи. На Бѣломъ

не ѣхать далѣе и топчасъ оставитъ его Царшею. Вотъ какими словами Онъ приказалъ объявить имъ это повелѣніе: *„что когда они своему Королю осмѣлились голову опсѣчь, того, ни гдѣ на свѣтѣ не слыхано, то Царь Рускій никакого сообщенія съ ними имѣть не хочетъ.“* Кроме того, почувствовавъ съ этого времени величайшее презрѣніе къ Англичанамъ, Алексій Михайловичъ опмѣнилъ всѣ торговыя преимущества, какія даны имъ были въ Россіи, Царями Іоанномъ Васильевичемъ и Федоромъ Іоанновичемъ. Но этого еще недовольно: благородное сердце его, справедливо ненавидя убійць, было исполнено нѣжнѣйшимъ состраданіемъ къ бѣдному, изгнанному изъ опечества принцу, наследнику престола Англіи. Онъ жилъ въ это время въ Копенгагенѣ, и Царь Алексій Михайловичъ отправилъ къ

же моръ началась торговля наша съ Англичанами, и сюда приходили почти всѣ корабли ихъ, отправляемые въ Россію.

нему пословъ, которымъ поручилъ изъ-
явитьъ ему свое учаспіе, вручилъ боль-
шую сумму денегъ и предложилъ даже
помощь войсками прошивъ недосшой-
ныхъ подданныхъ его.

Эпо чистое, несоединенное ни съ
какими расчепсами великодушіе, эпо
смѣлое презрѣніе къ могущественному
злодѣю, заставили всю Европу обра-
тишь удивленные взоры на престолъ,
гдѣ сіяло такое величіе. Никно не
ожидалъ видѣшь его въ странѣ, еще
не имѣвшей Европейской образован-
ности, и съ тѣхъ поръ, государи, съ
унизительною для нихъ честію при-
нявшіе пословъ Кромвеля, краснѣли
всякой рааъ какъ произносили при
нихъ благородное имя Царя Рускаго
Алексія. А въ числѣ эпихъ Государей,
былъ даже знаменитый Лудовикъ XIV,
эпошъ славный король, которымъ
шакъ гордятся Французы!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

	Стран.
Опричники и слобода Александровская.....	1.
Слабость Россіи.....	17.
Ермакъ, покоритель Сибири.....	32.
Копчнна Іоанна Грознаго.....	52.
Новый Царь и любимецъ его.....	59.
Угличь и послѣдній потомокъ Рюрика.....	70.
Борисъ Годуновъ, Царь Россіи.....	82.
Мучительная жизнь убійцы.....	91.
Самозванецъ	106.
Поляки въ Москвѣ.....	126.
Смерть Самозванца.....	138.
Несчастное царствованіе Шуйскаго.....	149.
Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій..	162.
Междоцарствіе	177.
Иванъ Сусанинъ и его потомство.....	203.
Скромность Ромаповыхъ.....	211.
Царяца Евдокія.....	231.

Продолженіе царствованія Михаила Ѳеодоровича и кончина его.....	239.
Бояринъ Морозовъ и мятежи народныя.....	251.
Патріархъ Никонъ.....	258.
Малороссія и Богданъ Хмельницкій.....	271.
Величіе души Алексія.....	292.

О П Е Ч А Т К И:

Стран. 268 строк. 1. печатано: *правль* — вмѣсто *правиль*.
стр. 275—строк. 6: *кто могъ изъ нихъ*—вмѣсто: *кто
изъ нихъ могъ*.